

Министерство образования и науки Российской Федерации

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ (ТУСУР)

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ – МИР В ЧЕЛОВЕКЕ

2012

УДК 304
ББК

**Сулова Т.И., Покровская Е.М., Озеркин Д.В., Раитина М.Ю.,
Постоева В.А., Шевченко Л.В., Корниенко Ан.А., Чубик А.П.**

Человек в мире – мир в человеке.

Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 162 с.

Рецензенты: Кокаревич М.Н., д. филос.н., профессор кафедры философии ТГАСУ, Конюхова Т.В., к. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации ТПУ.

Проведен экскурс в философию здоровья. Рассмотрены коммуникативные основания культуры, переход к постиндустриальному обществу. Уточнено понятие «творческий потенциал», конкретизированы основные субъектцентристские модели научного творчества. Приведены примеры художественно-эстетического измерения в культурно-антропологическом аспекте.

Предложено целостное видение мировосприятия человека в современном мире.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

© Сулова Т.И., Покровская Е.М.,
Озеркин Д.В., Раитина М.Ю.,
Постоева В.А., Гумерова Р.В.,
Шевченко Л.В., Корниенко А.А.,
Чубик А.П., 2012

© Томский государственный
университет систем управления и
радиоэлектроники, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ.....	6
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ.....	6
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ	28
ГЛАВА 2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ.....	54
СТРУКТУРИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ.....	54
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ: К СТАНОВЛЕНИЮ ЗНАНИЕВОГО ОБЩЕСТВА .	80
К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	88
КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	94
ВЫВОДЫ.....	116
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ЧЕЛОВЕКА	121
ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТЦЕНТРИСТСКИХ МОДЕЛЕЙ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	121
КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ	137
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

В коллективной монографии представлены результаты многолетней работы профессорско-преподавательского состава кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники и их коллег.

Глобальность и комплексность постановки современных научных проблем в различных областях знаний приближает нас к идеалу единого универсального научного знания, синтезирующего естественнонаучные, технические и гуманитарные методы познания, при этом интегративная тенденция современной науки обеспечивается ориентацией на человека. На взгляд авторов, именно это – магистральная тенденция будущего развития науки и, вместе с тем, свидетельство ее определенной зрелости.

В этой связи всё насущнее встаёт вопрос о разработке комплексного подхода, что подтверждает *актуальность* решения проблем исследуемых в монографии.

Авторами предпринята попытка построить целостную модель мировосприятия человека в современном информационном обществе. Учитывая динамичность и сложность организации окружающего пространства, в данной работе отражены несколько ключевых аспектов изучения проблемы человека, в том числе здоровье, творчество, коммуникация, культура.

Междисциплинарность и комплексность объекта и предмета исследования обуславливает ряд целей и задач, среди которых основными **целями** выступают следующие:

- конкретизация основных концептуальных положений философии здоровья;
- определение структуры психологической готовности специалиста к работе в условиях инклюзии;
- разработка дескриптивной модели обеспечения информационно-коммуникационной безопасности (ИКБ) личности;
- изучение коммуникативных оснований научного творчества;
- описание закономерностей, специфики художественного мышления.

Достижимость заявленных целей определяется путем решения конкретных **задач** исследования:

- анализ фундаментальных философских понятий «здоровья» и «нездоровья»;
- рассмотрение системы определений различных уровней человеческого здоровья: психического, физиологического, соматического, социального, культурного и т. п.
- осмысление этапов инклюзивной практики в России и за рубежом;

- анализ основных средств информационно-психологического воздействия на человека, средств защиты и т.п.;
- выделение механизмов научного творчества;
- анализ типов художественного сознания.

Отличительной особенностью монографии являются представленные в ней **научно-практические результаты**:

- программа актуализации внешних и внутренних ресурсов людей с потерей автономности для решения проблемных ситуаций;
- алгоритм обеспечения ИКБ личности;
- представление коммуникации как механизма развития научного творчества.

В монографии с точки зрения системного подхода рассматривается комплекс вопросов культурологии, философии, философии здоровья, психологии, информационных технологий. Проанализированы коммуникативные основания культуры, описаны сложности на пути перехода к постиндустриальному обществу, даны предпосылки исследования проблем человека в рамках не только философии, но и философии здоровья как отдельной отрасли знаний. Обосновывается важность и актуальность междисциплинарного подхода к проблемам человека.

Представлены теоретические исследования и практические разработки. Материал может быть полезен преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу лиц, интересующихся проблемами человека в современном мире.

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ

Т.И. Сулова

В связи с постановкой современных глобальных, экологических, социально-этических, социобиологических проблем складывается новый тип современного видения науки, который приближает нас к идеалу единого универсального научного знания, синтезирующего естественнонаучные и гуманитарные методы познания. Интегративная тенденция современной науки обеспечивается ориентацией на человека. Не объекты природы, а различные стороны человеческой деятельности будут в этом случае основанием для выделения того или иного направления исследований.

Эффект комплексности возникает тогда, когда человеческая деятельность обретает глобальные масштабы и усиливается по мере развития науки как социального института и небывалого переоснащения инструментария научных исследований. Статус комплексных по своей природе научных дисциплин в структуре научного знания пока не вполне определен, потому что они относятся не к традиционным объектно-ориентированным, и даже не к междисциплинарным, а к проблемно-ориентированным, само возникновение которых стало результатом интегративного эффекта познания человека как существа объективно комплексного и универсального в своей деятельности.

Таким образом, в изложении своего видения проблемы, предполагается опора на конкретно-научные данные без претензии на всеохватность, а лишь по возможности, комплексность построения. Причем в поле такого комплексного рассмотрения попадают не только объекты, которые иначе и не могут быть постигнуты, но и объекты, изучавшиеся ранее монодисциплинарно, что даёт новый эвристический эффект в их исследовании. Без сомнения, это – магистральная тенденция будущего развития науки и, вместе с тем, свидетельство ее определенной зрелости. Можно предположить, что тенденция эта будет усиливаться по мере прогресса интеграции и дифференциации знаний. В этой связи всё насущнее встает вопрос о разработке комплексного подхода. Комплексные науки о человеке возникают на основе отдельных измерений человека, в которых он представлен как целостность, в отличие от частных наук, которые исследуют отдельные компоненты этой целостности. Эти измерения одновременно являются основными

проблемами существования и развития человека, что само по себе провоцирует привлечение представителей различных специальностей, но это не несёт с собой угрозу размывания дисциплинарной определенности таких наук.

С наибольшей полнотой проблема комплексного подхода у нас поставлена и разработана применительно к человеку, который заведомо не может изучаться иначе. Собственно концепция комплексного, междисциплинарного подхода к исследованию человека была выдвинута академиком И.Т.Фроловым (1929-1999 гг.) в его ставшей классической статье «На пути к единой науке о человеке» в 1985 г. в журнале «Природа» (№ 8.1985).

Наиболее полное обобщение представлений о будущем человеческого развития в свете современных биотехнологий представлено в книге «Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке» [1], изданной под общей редакцией профессора Б.Г.Юдина. Это исследование явилось результатом работ института Человека РАН, который, к сожалению, в 2005г. решением Президиума РАН был реорганизован в отдел и присоединен к Институту философии РАН. Однако, институт Человека сегодня открыт в МГУ им. М.В. Ломоносова. В данном исследовании представлены новые тенденции в развитии наук о человеке, в частности, рассматриваются возможности конструирования человека под влиянием «генетического» (биологического) и воспитательного (социального) факторов. В обществе до сих пор не иссяк импульс, питающий утопическое мышление, но теперь место социальных утопий занимают индивидуальные. Речь идет о возможности формирования, изменения и прогнозирования природы будущего человека с помощью современных биомедицинских технологий. На этой основе возник замысел утопического проекта по созданию ребенка с заранее predetermined качествами (своеобразная форма домашней евгеники). Эти идеи дополняются мыслями о возможности психологического и социально-психологического конструирования личности путем создания соответствующих тренинговых программ, направленных на развитие у ребенка качеств лидера. Подобная духовная «революция» будет связана с активным внедрением информационных технологий в сферу медицины. Одним из самых перспективных направлений в развитии медицины и компьютерной технология является имплантация микрочипов [2]. Многие специалисты полагают, что соединение тела и электронных имплантантов не только позволит бороться с неизлечимыми заболеваниями и устранять последствия тяжелых травм, но и значительно расширит коммуникативные и информационные способности человека. Быстрое параллельное развитие медицинских и информационных технологий уже стало причиной

дискуссии о правилах, которые будут регулировать применение этих технологий. Круг проблем здесь достаточно широк. В него попадают этические, философские и правовые вопросы: имеет ли человек право использовать улучшающие технологии в нелечебных целях, как обеспечить целостность человеческого тела, когда оно будет подключено к информационным и коммуникационным сетям при помощи имплантантов, можно ли гарантировать, что информационно-коммуникационные имплантанты (ИК) не будут использоваться с нарушением прав человека?

В этих условиях возникает проблема «денатурализации» живого тела и «психологизации» искусственного, или можно говорить о том, что технизация человеческих способностей происходит одновременно с архаизацией и экологизацией самого человека.

Растет опасность, вызванная неконтролируемым информационным воздействием на индивидуальное и массовое сознание. Это информационно-психологическое воздействие (ИВП), которое носит силовой характер и может представлять угрозу для человека, причем последний может это не осознавать и даже не замечать. В современном обществе проблема защиты индивида от подобных воздействий является одной из важнейших, разрабатываются специальные методы и средства защиты от ИВП.

Проблема человека по-прежнему разрабатывается в философии и современной теологии, актуальным представляется сопоставление богословских и философских взглядов в области изучения природы человека в связи усилившимися внутри РПЦ за последнее время антидарвинистскими и антинаучными настроениями.

Отдельный интересный раздел наук о человеке представлен в педагогической антропологии профессора А.П.Огурцова. Наука эта возникла в 1960- начале 70-х годов XX века и находится в тесном взаимоотношении с философской антропологией.

Проблемы человека, разработанные в современном естествознании, в первую очередь, в биологии, вылились в многочисленные открытия последних лет: прежде всего – это расшифровка генома человека и ряда животных, например, мыши. Уже сегодня известны парадоксы биологии человека, количество генов в молекуле ДНК человека оказалось гораздо меньше, чем предполагали генетики еще недавно, их число близко к 35-45 тысяч. Столько же и у других животных, мыши. Это говорит о том, что количество генов кардинально не отличает человека от других животных, а чтобы вести разговор о причинах биологических отличий человека от шимпанзе, шимпанзе и мыши и т.д. вводится понятие «генная сеть», с помощью которой можно проследить взаимозависимости генов и порожденных ими

белков. Генные сети человека пока слабо изучены, но именно в их структуре мы должны искать отличия человека от других животных. У человека белков больше, построенные учеными сотни генных сетей, но они рассматриваются исключительно как замкнутые образования. Однако эти цепи должны быть сцеплены друг с другом, поскольку организм – это всегда единое целое. Коренное отличие биологии наших дней заключается в том, что наука богата фактами, но мы не в состоянии их пока осмыслить, путь «от знания – к пониманию» предстоит, видимо, долгий.

Возникают новые науки о человеке: гуманология (трансгуманизм) представлена в работах известного философа М.Эпштейна; биософия, новое направление в отечественной мысли, рассматривающее человека в научной картине мира. Автор – ученый в области философских проблем естествознания профессор В.Г.Борзенков. Наука исходит из принципа сближения человека и природы, естественнонаучного и гуманитарного знания, распространения понятий цели и ценности на живую природу [3].

Происходят так же изменения в современном состоянии теории происхождения человека, в частности, предпринимаются попытки сближения на биологическом уровне природы человека и шимпанзе. Многие считают, что теория Ч.Дарвина полностью пождтверждается современной наукой (А.А.Зубов), как генетикой, так и антропологией. Американский ученый М.Гудмен в 2000г. провел колоссальную работу по пересмотру всей систематики отряда приматов с точки зрения генетики. В результате в род НОМО он поместил и шимпанзе, и человека. «Специалисты считают, в том числе и генетики своими методами подтверждают, что общий предок у человека и шимпанзе действительно был, но очень давно, примерно 7 млн. лет назад» [1.С.225]. Этот вывод подтверждает кенийская находка 2000г, сделанная французскими учеными под рук. Б.Сеню. До этого считалось, что предки людей австралопитеки появились 4,5 млн. лет назад. Мировой сенсацией стало известие о том, что они передвигались уже на двух ногах. То есть прямохождение – не достояние автралопитеков, которые взяли в руку палку 4 млн. лет назад. Большинство ученых, включая автора данных строк, считают данные выводы преждевременными и в большей мере гипотетичными, чем научно достоверными.

Сегодня наблюдается небывалый расцвет биологических наук и медико-биологических технологий, применяемых к человеку главным образом генетических технологий. Ф.Фукуяма в книге «Наше постчеловеческое будущее» выделяет три вида, технологий помимо генетических, способных влиять на будущее человека. К первым относятся технологии психофармокологического воздействия, меняющих поведенческую природу человека – антидепрессанты прозак и риталин,

снижающих синдром гиперактивности. Второе направление – нейрофизиология, успехи которой позволяют уже сейчас оказывать воздействие на те или иные функциональные участки мозга, приводящие к изменению поведения, коррекции личности. Повсеместно используемая нейроимплантантная технология существенно улучшает способности познания и восприятия. Речь идет, прежде всего, о таких препаратах как прозак и риталин, имеющих и явно социальное назначение контроля за поведением детей. Прозак и риталин, по утверждению Фукуямы, - лишь первые представители нейрофармакологической волны биотехнологической эволюции, первое поколение психотропных препаратов. Способных при применении снизить уровень социальной ответственности людей за и действия и поведение. Так, бензодиазепины могут использоваться для снижения тревожности, поддержания спокойного бодрствования и других терапевтических воздействий. И третье направление – это технологии продления жизни, ставшие популярными в условиях старения населения ряда развитых стран. Все указанные технологии активно финансируются и развиваются. Это вызывает дискуссии ученых всего мира, поскольку в целом это приводит не только к искусственной медикализации населения, но и непосредственно влияет на биологическую природу человека, приводит к его модификации. Несомненно, что новые технологии могут быть использованы как во благо, так и во вред, могут угрожать целостности человеческого бытия, привести к необратимым моральным издержкам. В частности, способствовать развитию неравенства среди людей: кто-то (материально состоятельный) сможет улучшить качества силы, выносливости, долговечности и т.д., а кто-то нет. В целом последствия многих новых технологий остаются неопределенными, моральные издержки этих технологий посчитать не просто. По мнению, Ф.Фукуямы, попытка пойти на поводу искушений новыми технологиями может дорого обойтись человечеству [4]. Как показывают современные исследования – средняя продолжительность жизни землян постоянно растет с 1840 года. За последние 50 лет жители тридцати развитых стран мира вдвое чаще стали пересекать рубеж 80 лет. В 1950 году вероятность дожить до возраста 80-90 лет составляла в среднем 15% для женщин и 12% для мужчин. В 2002 году этот показатель уже был 37% для женщин и 25% для мужчин. Ученые прогнозируют, что более половины младенцев, рожденных в развитых странах в наши дни доживут до 100 лет. Старость за последние 170 лет отодвинулась. В каменном веке средняя продолжительность жизни составляла 18-20 лет, в Средние века 30-40 лет. И только с конца 19 века (средняя продолжительность жизни 35 лет) до конца 20 века продолжительность жизни увеличилась до 70-75 лет. Изменился и биологический возраст по возрастной шкале Всемирной

организации здравоохранения (ВОЗ). От 25 до 44 – это молодой возраст, 44-60 лет – это средний возраст. 75-90 – это старческий возраст, а после 90 – долгожители. Ученые не относят сдвиг биологического возраста к заслугам цивилизации, а считают данный факт следствием глубинного развития, которое претерпела материя – интеллектуальная биомасса, которой по сути является человек. Тем не менее четыре прошедшие в медицине революции, безусловно продлили средний возраст человека уже на 40 лет: гигиена (XVIII век); появление антисептиков (XIX век); вакцинация (XIX век) и открытие антибиотиков (XX век).

Помимо этого, на данном этапе эволюция заинтересована не просто в развитии и увеличении численности человечества, а в приумножении старшей возрастной группы. Поэтому требования к здоровью и необходимости его сохранения возрастают. Речь идет не просто о продлении жизни, а необходимости качественного существования. При дряхлеющем теле продолжает и становится необходимым качественный мозг, интеллект и опыт. Численность старшей возрастной группы с 60 до 90 лет увеличивается в 4-5 раз быстрее, чем общая численность населения Земли. Старение определяется как ухудшение работы биологической структуры, среди которых выделяются органы – «недолгожители». Так, на первом месте – истощение резервов сердечно-сосудистой системы – около 40 лет, на втором – остеопороз: около 30% женщин в 50 лет и более 50% в возрасте 75-80 лет страдают остеопорозом. Третий фактор – снижение функций иммунной системы, что является причиной развития инфекционно-воспалительных осложнений и опухолей в организме. Четвертая значительная группа заболеваний – диабет и гепатиты, имеющие в результате серьезные осложнения и приводящие к преждевременному старению. По числу самых распространенных причин смерти на первый план выступают болезни системы кровообращения, от них умирают 895,5 человек на 100 тысяч населения в год. Затем идут отравления алкоголем, ДТП, самоубийства и убийства – 227,5 на 100 тысяч населения. Это внешние причины, свидетельствующие о нарушении инстинкта самосохранения, низкой ценности жизни в нашем обществе. Люди не дорожат своей жизнью. На третьем месте стоят онкологические заболевания – 201,7 на 100 тысяч населения. Статистика показывает, что некоторыми болезнями россияне страдают примерно так же как жители других стран, но умирают от них в несколько раз чаще. При этом в Москве смертность от ряда заболеваний ниже, чем в стране в целом. Потому что медицина в Москве на порядок выше. При этом россияне не дорожат здоровьем и хотят, чтобы у них было здоровье, но заботу о не перекладывают на государство.

Но на фактор здоровья оказывают влияние так же происходящие изменения климата, имеющие в том числе техногенный характер.

Политики многих стран выделяют государственные гранты с целью изучения глобального изменения климата. С 2010 года Конгресс США выделяет по 200 млн.долларов ежегодно для изучения здоровья населения и новых угроз в связи с глобальным изменением климата. Уже созданы мультидисциплинарные комплексные программы обучения в этой новой области медицины, находящейся на стыке с экологией. Выделяются два наиболее существенных для здоровья человека аспекта проблемы: глобальное потепление и сохранение источников чистой питьевой воды. «Около 6 млрд. тонн CO₂ ежегодно попадает в атмосферу Земли техногенными» путями [5.С.125]. Современная нестабильная экология приводит к нарушению устойчивости экосистемы, органный и клеточный гомеостаз нарушается. Как пишут авторы статьи, к 2100 году повышение средней температуры на Земле достигнет +5, при это на 13% снизится поглощение CO₂ из атмосферы. За последние столетия усиливается дисбаланс глобальной циркуляции CO₂. Это и приведет к росту инфекционных эпидемий, что является одним из качественных индикаторов и одновременно количественным показателем неблагополучия здоровья нации. Для наглядности можно посмотреть как идет процесс влияния повышения температуры моря на одноклеточную водоросль, произрастающую в экваториальных морях – разновидность планктона, которая выживает с другими симбионтами коралловых рифов. Этот планктон доставляет до 90% энергии на новые синтезы и выполняет санитарные функции, защищая всю биоту от заболеваний. Повышение же температуры моря ведет к снижению биомассы планктона и деградации кораллов, так как планктон содержит огромное количество биоактивных соединений, блокирующих размножение патогенных бактерий и защищающих всю биоту от заболеваний. На здоровье человека оказывают влияние научно изученные закономерности обновления клеток в организме. Человек и его клетки выживают, в свою очередь, в единой био – и инфосфере, в единых сигнальных сетях микроокружения. На сегодня в проекте Центра здоровья и глобального окружения Гарвардской медицинской школы сформулированы главные причины экологически зависимых заболеваний:

1. Возникновение новых мобильных очагов распространения малярии, энцефалитов, гельминтозных заболеваний;
2. Нарастание краткосрочных эпидемий;
3. Уменьшение лесных зон, что ведет к снижению антибактериальных средств в почве, воздухе и воде;
4. Сокращение объема планктона – важного дезинфектора, отсюда развитие эпидемий в океане;
5. Глобальное потепление, а это – гибель устриц в силу появления новых вирусных эпидемий.

Таким образом, мы видим, что исчерпываются санитарные возможности не только Земли, но мирового океана. Академик РАН Т.И. Моисеенко в одном из научных докладов говорил, что «в нашей стране зачастую одни и те же водные системы используются и как приемники сточных вод и как источники питьевого водоснабжения. Сегодня каждый второй житель РФ вынужден для питьевых целей использовать воду, не соответствующую гигиеническим требованиям по ряду показателей; треть населения страдает от недостатка воды. Возросшее в последние десятилетия загрязнение вод токсическими веществами и элементами обусловило существенное повышение уровня заболеваемости, включая онкологические, генетические и аллергические, а также дефекты умственного и физического развития детей» [9.С.148]. Сейчас в России в реки, озера, моря и под землю сбрасывается загрязненных и зараженных стоков более 20 миллионов кубометров в год.

Все выше обозначенное приводит нас к необходимости выделения философии здоровья в отдельный аспект рассмотрения феномена человека.

Наиболее близким к философским можно признать определение здоровья В.П. Казначеева. Он определяет здоровье как динамическое состояние, процесс сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций индивида, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни. С точки зрения системного подхода человека можно представить в качестве сложнейшей биологической, биопсихологической или биосоциальной системы. В наиболее основательно разработанной концепция Б.Ф.Ломова человек - это сложная живая система, жизнедеятельность которой обеспечивается на разных уровнях функционирования - биологическом, психологическом и социальном, причем на каждом из них здоровье человека имеет особенности своего проявления.

В последние годы все чаще отдельно выделяется культурологический аспект, выводящий главным образом на гуманологию как новую систему комплексных знаний о человеке как части техносферы, которая создается людьми, но постепенно подчиняет и растворяет их в себе. Гуманология – это экология человека и одновременно антропология машины, речь идет о денатурализации живого тела (технизации человека) и психологизации искусственного (гуманизации техники). Современные биотехнологии, насильственная медикализация, когда болезненными начинают считаться состояния, ранее диагностированные как флуктуации, находящиеся в пределах нормы, приводят к тому, что человек становится несоизмерим себе, одновременно больше и меньше себя. Это приводит к необходимости нового понимания здоровья

человека, поскольку истощение человека как отдельного вида происходит одновременно с выходом человеческого за его биологический предел. На биологическом уровне под здоровьем понимается динамическое равновесие всех внутренних органов и их адекватное реагирование на влияние окружающей среды (У.Кэннон, А.А.Маркосян, Н.И.Пирогов, Г.Спенсер, А.Тхакер и др.).

Представления о здоровье представляются наименее ясными на психологическом уровне, они связаны с личностным контекстом рассмотрения, в рамках которого человек предстает как психическое целое (в работах Б.В.Зейгарник, С.С.Корсаков, А.Ф.Лазурский, Б.Перэ, Л.Л.Рохлин и др.). Переход от психологического к социальному уровню довольно условен. По мнению уже упомянутого Б.Ф.Ломова, психологические свойства личности вне системы общественных отношений, в которую эта личность включена, просто не существуют. То есть человек предстает на этом уровне, прежде всего как существо общественное, здесь на передний план выходят вопросы влияния социума на здоровье личности. На психическое здоровье оказывают влияние разнообразные социальные связи, при этом последствия воздействий могут иметь как негативный, так и позитивный характер. Только люди со здоровой психикой обычно чувствуют себя активными участниками социальной системы и являются таковыми. Человеческий организм - сложнейшая система, состоящая из огромного числа образующих ее компонентов и связей между ними. В таких условиях вероятность отклонения от нормы в функционировании присущих организму механизмов различной природы становятся вполне вероятными. При этом отклонения могут носить необратимый характер, либо протекать не столь интенсивно, чтобы можно было говорить о выраженном и опасном развитии болезнетворного процесса. Тогда за счет внутренних ресурсов, адаптационных и компенсаторных возможностей организма появляющиеся в нем патологические изменения могут не достигать критического значения, и потому не скажутся на его работоспособности. В таком случае принято говорить о практически здоровом человеке. Однако отсутствие объективных признаков нарушения здоровья еще не свидетельствует о безболезненном состоянии организма.

В связи с подобным рассмотрением возникает целесообразность создания системы определений различных уровней человеческого здоровья: психического, физиологического, соматического, социального, культурного и т. п.

Анализ конкретно научных определений здоровья позволяет убедиться, что практически все исследователи настаивают на чрезвычайно значимости отдельных, изучаемых данной наукой характеристик

здоровья. Поэтому возникают особые определения здоровья в психологии, в медицине, в философии и социологии. И действительно, возможно говорить о телесном здоровье, психологическом и психическом здоровье, о духовном и социальном здоровье, причем даже не отдельного человека, а целого народа, нации или поколения. Несмотря на важность подобных определений, все они, по сути своей, являются частными.

Поиск общих определений человеческого здоровья может и должен проводиться только на основе междисциплинарного подхода. Примером такого подхода является социология медицины, в которой рассматриваются и проблемы здоровья населения, и общественное здоровье. При этом социология медицины практически не выходит из области медицины и здравоохранения, в результате возникающие представления о здоровье оказываются хотя и практически полезными, но все же слишком узкими. Такая «узость» определений усиливается тем, что наряду с социологией медицины существует и медицинская социология, изучающая влияние социальных факторов на отдельные заболевания. Ряд ученых исследуют социологические аспекты профилактики, лечения и социально-трудовой реабилитации больных (А.М. Анохин), социологические особенности взаимоотношения больного с врачами, медицинскими сестрами, другими больными лечебного учреждения, семьей, друзьями; влияние социальных факторов на здоровье, в том числе и психическое. Сосуществование двух столь близких наук в очередной раз громко напоминает о высказанном еще в начале двадцатого века предостережении Э. Гуссерля от чрезмерной дифференциации наук, дробящей научное знание и иногда затрудняющей поиски истины. Исследование здоровья не может сводиться лишь к появлению новых пограничных научных дисциплин и должно вести не к дифференциации, а к интеграции знания. Вот почему прояснение феномена здоровья требует истинного междисциплинарного исследования - сравнительного анализа результатов множества самых разных наук, как естественных, так и гуманитарных, и следующего за ним синтеза принципиально нового знания. И только такое синтетическое знание может стать основой самых широких и глубоких представлений о здоровье и будущих философских определений здоровья.

В науке выделяют физическое (физиологическое, биологическое) здоровье, или телесное и ментальное (психологическое или социальное) здоровье, или духовное.

Историко-философский взгляд на эволюцию представлений о здоровье в западной и восточной традициях позволяет выявить самые глубокие пласты осмысления этого феномена, рационально или интуитивно постигаемые в разные времена и выражаемые в виде определенных парадигм и концептов, очертить круг возможных

представлений о здоровье. Первые шаги человечества на пути постижения того, что же такое здоровье, обозначены древним человеком, изображавшим в наскальной живописи органы животных и человека еще около 30-40 тыс. лет назад,

Развитие древних цивилизаций поставило проблему здоровья и сразу же противопоставило его болезни. Все древние восточные религиозные системы содержат значительные парадигмы здоровья, обсуждают единство здоровья телесного и здоровья духовного. Более того, основоположники различных религий, например, Иисус Христос и Заратустра, умели исцелять, были искусными врачами. Сами же религиозные системы можно рассматривать как стратегии достижения здоровья, духовного и телесного.

Наиболее древние письменные размышления о здоровье и болезни содержатся в папирусах Египта времен Фараона Эхнатона (XV в. до н.э.). Уже в это время уже известны были некоторые душевные и телесные заболевания. В медицинском рассмотрении понятие «здоровье» стало противоположным понятию «болезнь» и чаще всего определялось как ее отсутствие. Такое понимание здоровья и обозначает первый, самый старый, пласт представлений о здоровье как отсутствии болезни. В Египте впервые появился и символ медицины – змея, обвивающая кубок (чашу). Это двойственный символ: яд, символ смерти, под действием мудрости, в лекарство, дающее жизнь, и он обозначает непосредственное отношение здоровья к двум важнейшим для человека феноменам в природе человека – жизни и смерти. Первые представления о человеческом здоровье - космоцентрические - хорошо прослеживаются в восточной философии. Китайские мудрецы выстраивали свои отношения с окружающим миром на основе здорового образа жизни, позволяющим поддерживать в чистоте свою психофизическую энергию «ци», и освобождались от ненужных переживаний, недобрых побуждений. Классические тексты китайских философов содержат этические нормы, обеспечивающие сохранение физического, социального, психологического и духовного здоровья человека. Войти в гармоничный мир только через добро и любовь. Это в принципе исповедуют и все мировые религии. Следует «идти по миру со светлыми чувствами, с закаленным телом, милосердной душой и открытым сердцем... Элементарная недисциплинированность, лень, вспыльчивость, преувеличение собственного «я», своих возможностей – это, увы, путь к разрушению личности. То есть тупиковый путь. Дело в том, что тщеславие, зависть или, того хуже, злость в сердце могут постепенно убивать человека». Так учит восточная традиция в современном практическом воплощении [6.С.25]. Идея гармонии изначально присутствовала в восточных представлениях о сущности

здоровья: в методах совершенствования собственных тела и духа; и мысли о том, что основание личного здоровья лежит в благих поступках, в принесении общественной пользы и соблюдении общественного порядка. Ценностные основания представлений о здоровье представлены и в буддийской философии, где жизнь определялась как согласие с самим собой и непричинение зла другим, а образ жизни строился на основе буддистских заповедей. Призывая человека к аскетизму в желаниях и к гармонии с мирозданием, буддисты проповедовали духовное строительство, развитие духовного начала и его приоритет перед материальным. В конфуцианском мировоззрении общество и отдельный человек своим существованием нарушают порядок, разрушая тем самым изначальную гармонию и создавая хаос, болезнь и зло как проявления мирового дисбаланса. Чтобы жизнь человека стала безупречно правильной и счастливой, а общество - стабильным, важно вернуться к порядку бытия, установленному небом, опираясь на принципы гармонии (великодушия, уважения к старшим, сыновью почтительность, верность долгу, преданность государю). В этом миропонимании болезнь – это хаос и дисбаланс, дисгармония основных элементов жизни. И эти представления обнажают второй, самый значительный, пласт представлений о сущности здоровья как гармонии, порядка и баланса.

Философы Древнего Востока, Китая и Индии, осмысливая множественные проявления жизни и здоровья, выделяли природные, духовные, социальные и культурные их основания. Однако приоритет порядка предполагает первичность именно духовного здоровья, предполагающего и согласие с предопределенностью судьбы и личное совершенство и позволяющего в итоге достичь конечного порядка - Нирваны. В восточных онтологиях здоровье становится необходимым условием полноты бытия и мировой гармонии. Тот, кто следует Дао, вечен, и тогда есть рецепт, стратегия вечной жизни, а значит, и достижения здоровья – следовать Дао, мировой гармонии. Дао же подчиняется весь мир, дух и материя едины, и тогда здоровым или нездоровым может быть абсолютно все, и можно говорить о здоровье чего угодно, любой части мира, любого явления, любой вещи. Это универсальный, синтетический взгляд на здоровье, которому следовало бы поучиться современным наукам.

Идея единства микро- и макрокосма, человека и Вселенной, Мира, предполагает и возможность человеческого здоровья только в здоровом обществе и в здоровой природе. Мировоззрение даосизма укрепляется тщательно разработанными практиками оздоровления, как духовного, так и телесного, методами создания полезных, положительных «здоровых качеств» на основе значимых закономерностей (таких, как «цзы-жань» и

«у-вэй»). По сути, здесь речь идет о возможности достижения здоровья, технологиях здоровья. Универсальный природный человек всегда здоров, и здоровье его достигается управлением энергией «ци», дающей гармонию самого человека, укрепление ума, долголетие и бессмертие.

Понимание сущности здоровья и болезни тесно связано с такими фундаментальными философскими понятиями как природа и сущность человека, где мерой всего является человек.

В IV – V веках до н.э., в период расцвета греческой философии и науки, представления о здоровье активно развиваются в греческой натурфилософии; в пифагореизме, впервые введшем в европейское знание представления об исчисляемой гармонии, представившем не только мир, но и человека гармоничным; в учении Сократа; в трудах Платона и Аристотеля.

В греческой натурфилософии дух принципиально не отделен от материи, человек есть единица космической жизни, здоровье суть гармония с природным миром, а пути его восстановления - в стремлении к порядку, соединению с Космосом или Логосом. Сократу принадлежит идея о значимости здоровья для полноты жизни, сформулированная в виде его знаменитого афоризма о том, что здоровье – это не все, но все без здоровья – ничто, отражающее значимость здоровья для полноты жизни. И здоровье как необходимое условие полноты жизни - третий пласт представлений о сущности здоровья. Сократ же, по-видимому, был первым в европейской традиции, кто считал, что тело обременяет душу, загрязняет ее, мешает ей быть собой, не позволяет ей подняться вверх, а смерть есть освобождение души от тела – идея, впоследствии всецело воспринятая христианством. Умосозерцание, размышление – это подлинная деятельность души, а телесность не позволяет душе всё время предаваться её истинному уделу. А по Алкиною, мышление есть действие ума, созерцающего первично умопостижимое. Оно двояко: одно - до внедрения души в тело, когда душа созерцает умопостижимое; другое - после внедрения души в данное тело”. Тело же препятствует душе созерцать само по себе бытие, оно является чуждым для души, внешним ей. И по Платону, человек вынужден отдавать себя совершенно посторонним, не относящимся к действительно присутствующим душе, занятиям, а душа находит себя лишь в созерцании истинного бытия. Чтобы постигнуть вещи такими, какие они есть сами по себе, душа должна отрешиться от тела, от ощущений, которые ей мешают видеть чистое бытие. «...У нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самую по себе душою». Душа умеет познавать, а тело через ощущения может сообщать ей что-либо незнакомое, чуждое ей, принуждая ее верить

во внешнее и заботиться о внешнем. Вот почему душа должна верить лишь себе, не опираясь на чувственное знание. Аристотель придавал телесному гораздо большее значение: душа принадлежит телу, составляя с ним единство, но тело должно находиться в подчинении у души как более возвышенной части. Сама душа, по античным представлениям, имеет сложную природу, многочастна (Платон). Отметим, что наряду с этим существуют представления и о структурированности телесности. Так, согласно древнеиндийской философии существуют грубое и тонкое тело. Первое внешнее, второе – невидимое, состоящее из жизненного духа (мукхья пранье), из духа (манаса), из органов чувств (индрий). Болезнь же всегда рассматривается как нарушение порядка, именно такой она представлялась и Гераклиту, и Пифагору, и Теофрасту, и Аристотелю, и Гиппократу. Так, у Гераклита, например, порядок (Логос) вездесущ, это закон развития мироздания, но люди не всегда прислушиваются к нему, и тогда возникает болезнь как нарушение порядка: «Болезнь – это преобладание каждого из элементов... Но душа, соединяющая их в гармонию, – нечто божественное. Здоровье – первично, природа лучший врач». Одновременно с этим создаются представления и об излечении от болезни, о врачевании. Для начала почти мистические, и даже в учении Гиппократа врачевание все еще ритуал, все еще культ, подчиняющийся Асклепию. Но уже закладываются основы медицинской культуры, появляется институт медсестер, разделение обязанностей. Гиппократ сформулировал и основные заповеди врача, по сути – этические принципы врачевания, и правила здорового образа жизни. Гиппократ высказался и об общественном здоровье и, опираясь на опыт Спарты, и дал рекомендации по его достижению социума. И именно в греческой философии возникает четвертый пласт понимания здоровья как блага, причем как блага разумного и осмысленного. Так, Аристотель говорит о наличии у человека разумной души, которая руководит его поступками, и ведет либо к здоровью, либо к болезни. Разум ведет к умеренности, и образ жизни древних греков именно умерен, здоров(ограничения в еде и половой жизни, ежедневные физические упражнения, ежедневные умственные нагрузки, воздержание от употребления алкоголя и наркотиков, танцы и т.д.). Платон считал, что здоровое государство – это такое, в котором все люди здоровы, и отмечал его роль в формировании здоровья каждого. Теофраст, анализируя болезни, дал классификацию болезненных отклонений и патологий. А в своем труде «Нравственные характеры» обсуждает связь нравственности и здоровья, безнравственности и патологий.

В римско-эллинистический период с переходом от всеобщего к единичному во взглядах на человека, его здоровье, высшим благом

становится признание счастья и удовольствия во всех сущностных проявлениях: максимальном духовном развитии, учености, уходе в себя, безмятежности, физическом развитии, моральном освобождении от страха смерти. И перед нами открывается пятый пласт представлений о здоровье как о счастье и об удовольствии существования. Развитие мировых религий, в первую очередь, христианства и ислама, привело и к представлениям о здоровье как единении человека с Богом как с высшей ценностью бытия. В средневековой теологии прослеживается принципиально иной взгляд на проблему человека и его сущности (Ф. Аквинский, А. Кентерберийский, У. Оккам, Т. Карфагенский). Человек есть особое творение Бога, в котором духовное начало сублимирует телесное. И в близкой к христианской традиции классической европейской философии человек приобретает самоценность, независимость от космоса, воплощает в себе триединство телесного, разумного и духовного. «Христианство освободило человека от власти космической бесконечности, – писал Н. Бердяев, – в которую он был погружен в древнем мире, от власти духов и демонов природы. Оно поставило его на ноги, укрепило его, поставило его в зависимость от Бога, а не от природы» И тогда, по словам П. А. Флоренского, «духовное здоровье – в духовном равновесии». И лишь Фома Аквинский слегка ослабляет тезис о вторичности телесного: тело есть необходимое дополнение души, а не ее «оковы».

Но главным атрибутом человека по Августину Аврелию является не разум, а сердце. Сердце рассматривалось как символ любви, центр жизненных сил человека, оно бьется от радости, сжимается от боли, реагирует на эмоциональные потрясения. Сердечные расстройства происходят из-за невнимания к собственным чувствам. Сердце человека рассматривается как центр жизни, источник душевных и телесных сил. Сердце чувствует все, что касается нашей личности. Свойственное же для христианской традиции заметное преобладание духовного над телесным не могло не вызвать некоего пренебрежения ко всему чувственному, плотскому. Считая тело греховным, христианство настаивало на развитии и приоритете духа над телом. Болезнь в этой концепции рассматривалась как испытание, Божественное наказание, этап духовного становления. Отметим, что ислам, в отличие от христианства, придает гораздо большее значение телесности и физическому здоровью. Именно им посвящены некоторые суры Корана, описывающие конкретные процедуры, которые следовало бы назвать гигиеническими. Большую роль в средние века в развитии представлений о здоровье и болезни сыграл знаменитый ученый и философ Ибн Сина (Авиценна), написавший помимо «Медицинской энциклопедии» «Канон врачебной науки», «Книгу исцеления», в которых впервые было обращено внимание

на связь научных знаний и здоровья. Он же расценивал этические нормы, нравственность как необходимый атрибут врачебной деятельности, и символом этого стали знаменитые белые одежды.

Эпоха Возрождения сместила акценты отношения философии к человеку, в это время в средневековой триаде «Бог—человек—природа» центром мироздания становится именно человек, а ценности земной жизни ярко проявляются и превалируют. Философские воззрения этого периода отличаются верой в человека как творца собственного счастья, идеалом становится «божественная красота» человека (у Ф. Петрарки, Дж. Боккаччо, П. Мирандола). А в медицине наконец-то осознается значимость изучения строения человеческого тела (Везалий). Значимым компонентом становится и общество, триада «Бог-человек – природа» часто сменяется триадой «природа – человек – общество». Уже Э. Роттердамский призывал философию «сойти с небес на землю», заняться основными вопросами естественной жизни людей. Э. Роттердамский выделил необходимые для жизни и здоровья человека качества: свободу, миролюбие, воздержанность, простоту, образованность, здравый смысл, а антиподами назвал: фанатизм, невежество, лицемерие, насилие и чрезмерную интеллектуальную усложненность. Философия Нового времени вернула к жизни наследие великих античных мыслителей. Новый виток начинается с Ф. Бэкона, по убеждению которого человек познает природу с помощью чувств и опыта. И только познавая свою природу, человек может быть здоровым. Применяя созданный Бэконом индуктивный метод, Гарвей как его последователь, осуществляет дальнейшую разработку представлений о здоровье и закладывает основы клинической медицины, в основу которой кладет историю болезни. Декарт постулирует дуализм физического и психического, отмечая, что только в человеке материальное и духовное сливаются, становясь его сущностью. Вслед за Августином Декарт пишет о союзе тела и души через чувства, эмоции, и тогда здоровье есть единство телесного, духовного и чувственного. Новый этап в развитии представлений о здоровье связан с немецкой философией, придававшей большое значение исследованию человеческой сущности как в рамках объективного идеализма (Г. Гегель, Ф. Шеллинг), субъективного идеализма (И. Кант, И. Фихте), так и в рамках материализма (Л. Фейербах, К.Маркс, Ф.Энгельс, Бюхнер). Так, Канту принадлежит заслуга введения в философию и науку термина «сознание», и исследования процессов сознания, легших в основу психологии. Ему же принадлежит представление о связи здоровья и нравственности, о нравственном здоровье как необходимом условии человеческого счастья. Гегель полагал человека посредником Мирового Духа в творении материальной и духовной культуры и определил здоровья как сложное взаимодействие этих двух составляющих. Здоровье

по Гегелю - это «пропорциональность между самостью организма и его наличным бытием», и тогда в поисках сущности здоровья необходимо задуматься и о теле, телесности, чувственности. В философской антропологии Фейербаха человек представлен как единство материального и идеального, как часть природы. И биологическое, и психологическое в человеке активно развивается в определенной среде, и этот факт обозначает определенную перспективу развития общественного интеллекта в поколениях: «то, что не познаем мы, познают наши потомки». А единство духа и тела есть источник и непереносимое условие физического, нравственного и практического здоровья. Марксисты, изучая сущность человека и его здоровья, отметили, с одной стороны, возможность преобразования человеком окружающего мира и самого себя, с другой, - влияние общественных отношений и материального производства на человека и его здоровье. Так, Ф. Энгельс впервые теоретически и эмпирически определил влияние социальных факторов на здоровье рабочих в Англии. В западноевропейской же научной традиции такого разнообразия результатов не наблюдалось, и в течение пятнадцати веков здоровье изучалось лишь в рамках медицины, где господствовали представления Галена, опирающегося на философские принципы Платона и Аристотеля. Гален подчинил гуморальное (телесное) начало в человеке духовному началу и указал, что целесообразность работы органов определяет его здоровье как норму. Телесности же ее отнятая христианством значимость была окончательно возвращена только в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. В русской философии это сделали В.В. Розанов и Н. Бердяев, а в западной - Ф. Ницше и М. Хайдеггер. Бердяеву принадлежит и заслуга осмысления связи здоровья и творчества, и рассмотрение творчества как способа достижения целостного и гармоничного здоровья.

А русский космизм в очередной раз возродил идеи восточных религий и античной философии. «...Вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение», - писал в начале XX века С.Н. Булгаков, признавая признак подобия жизни человека и развития Вселенной. «...то, что мы наблюдаем, как в модели, в организме, этой стянутой вселенной, то в отношениях между живым и не живым, мы наблюдаем в жизни всей вселенной, *natura naturans...*». В философское осмысление феномена здоровья внесли свой вклад и знаменитая философия жизни, и различные направления позитивизма, и психоанализ, и экзистенциализм. В философии здоровья XX века формируется особый взгляд на здоровье и болезнь.

Еще совсем недавно, в 19 веке, религиозная парадигма здоровья признавала болезни нормой человеческого бытия, а попытки улучшить здоровье трактовались как вмешательство в компетенцию Всевышнего. Уже через сто лет, по мере изменения характера патологии, когда лидирующее место заняли эндогенные (внутренние) факторы заболеваемости и смертности, биомедицинская парадигма сменилась социальной парадигмой здоровья. Это характерно для отношения к здоровью в советский период отечественной философии здоровья. Состояние здоровья в тот период определялось низким уровнем материально-бытовых и производственных условий, гигиенической культуры населения. В то время велась активная санитарная пропаганда, которая ориентировала население на соблюдение гигиенических норм - как основы борьбы с инфекционными и паразитарными болезнями - и лечение в случае болезни. Индивидуальное здоровье понималось как общественное достояние, которым в случае необходимости ради государственных интересов следовало жертвовать. Государство брало на себя ответственность за состояние здоровья своего населения в условиях социализма, это привело к появлению морали безответственности за состояние своего здоровья. При слабом уровне здравоохранения забота государства сводилась к «поголовной» вакцинации и выдаче больничных листов в случае заболевания. Бесплатное медицинское обслуживание имело как позитивные (в случае оказания неотложной помощи и прочих мероприятий), так и негативные (репрессивный характер психиатрии, принудительное лечение, например) черты. Значимость общественного здоровья в первые десятилетия советской власти была велика, выделялись огромные средства на развитие медицины, физкультуры и спорта. При этом жестко контролировалось распространение социально опасных заболеваний (венерических, психических, алкоголизма). Права личности открыто попирались, ценность общественного здоровья доминировала. С началом ухудшения демографических показателей в 60-х гг. прошлого века значение здоровья населения объективно выросло. Но осознание этого факта не трансформировалось в адекватную социальную политику государства. Сократилось финансирование, здравоохранение ограничило свои функции главным образом лечением. В новых социально-экономических условиях рыночной экономики, когда здравоохранение оказалось лишенным его патерналистской сути, ценность индивидуального здоровья резко возрастает, имея исключительно инструментальный характер. В целом рыночные преобразования резко обострили все негативные тенденции в сфере общественного здоровья и выдвинули отношение к здоровью в число первоочередных проблем.

Теоретическое осмысление здоровья и отношения к здоровью шло последовательно в различных парадигмах: структурного функционализма,

символического интеракционизма, теории конфликта, постструктурализма, постмодернизма при доминирующем значении структурного функционализма, в котором впервые были определены роль больного, роль врача и место медицины в структуре общества. В результате анализа здоровья в разных теоретических концепциях произошло изменение вектора интереса исследователей от анализа различных атрибутов болезни и медицины к изучению здоровья, здорового индивида и факторов формирования здоровья. Ведущее место в этих процессах занимают самосохранительные тенденции в поведении современного человека. Самосохранительное поведение определяется как система действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни. Самосохранительное поведение является одним из основных показателей отношения к здоровью индивида. В последние годы в связи с индивидуализацией понятия здоровья подчеркивается особая значимость позитивных показателей здоровья. В отличие от традиционных негативных (заболеваемость, инвалидность, смертность), позитивные позволяют прогнозировать трудовой и социальный потенциал населения, обосновывать меры социальной политики и способствовать выработке более рационального отношения людей к собственному здоровью, формированию самосохранительного мировоззрения и поведения. В известной книге М.Фуко "Рождение клиники» рассматриваются организм человека, его здоровье и болезнь, жизнь и смерть. Именно болезнь и смерть как области безусловной власти в самом широком смысле оказались той моделью, на которой он показал сложную структуру самых разных социальных феноменов и онтологические основания субъекта и всей жизни.

Представляется, что для полного освещения проблемы следует обратиться к конкретному опыту решения проблем здоровья в нашем городе. В Уставе ВОЗ здоровье характеризуется как «состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие» [7].

Будучи базовой ценностью человека, здоровье определяется как некое идеальное состояние, поскольку на протяжении всей жизни человек не бывает вполне здоров. В Конституции указывается, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это предполагает в числе прочего государственную поддержку инвалидов и пожилых граждан, развитие социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Предполагается, что населённые пункты нашей страны станут благоприятными для жизни инвалидов, будет обеспечен

безбарьерный доступ к объектам всей общественной инфраструктуры, в том числе возможность получать государственные услуги дистанционно, с использованием сети Интернет. Как говорил в своей предвыборной речи премьер-министр В.В.Путин, будет расширена сеть центров реабилитации для детей-инвалидов, возможности для качественного обучения в общеобразовательных и специализированных учебных заведениях по выбору. Вместе с тем реальная практика демонстрирует постоянную или спорадическую изоляцию некоторых социальных групп, их маргинализацию и даже эксклюзию. В первую очередь эти явления затрагивают индивидов, которые ввиду ограниченных возможностей здоровья не могут выполнять типичные для общества виды деятельности. В реальности же пока мы видим, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень интеграции инвалидов остается по-прежнему низким, социальная активность и профессиональная самореализация, социальные и семейные сценарии деформируются ограничениями, налагаемыми дефектами здоровья. В Российской Федерации наблюдается рост численности инвалидов: 2004 год - 11,4 млн. человек; 2010 - 13 млн. человек. Ежегодно признаются инвалидами около 3,5 млн. человек, в том числе более 1 млн. человек - впервые. Во многом это обусловлено высоким уровнем заболеваемости и травматизма населения, недостаточным качеством медицинской помощи и услуг, оказываемых лечебно-профилактическими учреждениями и учреждениями медико-социальной экспертизы, а также другими причинами. Увеличивается число инвалидов трудоспособного возраста и детей-инвалидов. В социальной структуре общества наблюдается значительное количество лиц, имеющих ограничения жизнедеятельности вследствие боевых действий и военной травмы и их интеграции в общество. Количество инвалидов в Томске на сегодня – около 45 тысяч человек, среди них детей-инвалидов около 4 тысяч. В городе действуют программы, направленные на организацию существенной помощи лицам с ограниченными возможностями при участии, в том числе и представителей системы высшего образования, готовящих специалистов соответствующего профиля. Философия здоровья в практическом применении получила распространение в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники.

Идеология и философия здоровья реализуется усилиями преподавателей и студентов гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). За последние два года на факультете созданы два структурных подразделения, направленных на решение проблемы инклюзивного образования инвалидов. Во-первых, это Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ), который создан с целью организации помощи и

содействия студентам с ограниченными возможностями здоровья, обеспечения условий для успешной адаптации в образовательной деятельности. При посредстве центра в университете стало возможным обучение инвалидов, которых курируют специалисты с момента подготовки к вступительным испытаниям, поступления и сопровождения в процессе обучения. На сегодня в главном корпусе созданы условия для обучения инвалидов, в том числе колясочников: смонтированы пандусы, отдельные туалетные комнаты и специальная аудитория для обучения. Благодаря этим изменениям в декабре 2011г. в университете прошел городской кубок по шахматам для детей с ограниченными возможностями, в котором приняли участие и будущие студенты. На более широкий охват студентов рассчитано создание второго - «Спортивно-оздоровительный центра» (СОЦ), вызванного к жизни пониманием необходимости совершенствования системы физкультурно-оздоровительной работы в нашем университете. Деятельность этого центра направлена на развитие физической культуры и спорта в ТУСУРе, воспитание студенческой молодежи, а также более активное привлечение сотрудников к спортивной жизни университета, формирование у них потребности в физическом, нравственном и духовном совершенствовании. В числе главных задач деятельности Центра стоят, возможно, общие для всех университетов задачи: медицинское обеспечение спортивно-массовых мероприятий, соревнований и учебного процесса по физическому воспитанию в ТУСУРе; организация спортивно-оздоровительных программ и проектов в университете; организация совместной работы и координации деятельности кафедр, факультетов и структурных подразделений вузов региона в научном, учебном и учебно-методологическом обеспечении развития физической культуры и спорта в высших учебных заведениях; проведение исследований с целью разработки и внедрения теории и методик совершенствования технической и тактической подготовки спортсменов различного уровня; проведения исследований функциональных возможностей и адаптационных резервов при занятиях физической культурой и спортом и ряд не менее значимых задач. Принято различать три состояния в жизни человека, влияющие на здоровье: телесное, душевное и духовное. Опираясь на данный тезис, студенты гуманитарного факультета специальности «Организация работы с молодежью» принимают участие в реализации городской программы «Социально-психологическая программа интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество». Цель программы заключается именно в гармонизации психического состояния личности, как важного фактора показания здоровья. В рамках программы актуализируется позитивный опыт личной эффективности, расширяются способности адекватного и полного

познания себя и других людей, снижается уровень тревожности, повышается уровень самооценки. Занятия проходят на базе ряда общественных организаций таких как: «Томское региональное отделение общественной организации «Всероссийское общество глухих», «Всероссийское общество слепых», на дому у лиц с ограниченными физическими возможностями. В рамках программы происходит взаимодействие и обмен опытом с организациями, занимающимися культурными и образовательными программами для инвалидов. Программа состоит из психодиагностики эмоциональной сферы личности – отслеживается уровень тревожности, самооценки (тест на определение ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, тест на самооценку Дембо-Рубинштейн); проводятся психологические занятия с использованием арт-терапевтических техник, занятия на повышение социально-психологической адаптации личности, занятие на повышение личностной эффективности и т.д. В тесном контакте с городским центром профилактики здоровья (МБЛПУ ЗОТ «Центр медицинской профилактики») по данной программе работают преподаватели и студенты кафедры философии и социологии гуманитарного факультета ТУСУР.

В рамках международного сотрудничества по магистерским программам кафедра сотрудничает с университетом г. Лимож (Франция). Нам удалось привлечь находящихся в нашем университете на стажировке студентов Лиможского университета к участию в проекте, так как они занимаются разработкой технических средств помощи для лиц с потерей автономности. Сотрудничество оказалось плодотворным для всех участников, включая преподавателей, студентов и специалистов. Результатами реализации программы стало: повышение уровня самооценки, уверенности в себе, снижение тревожности, повышение коммуникативных навыков у людей с ограниченными возможностями.

Реализация мероприятий, предусмотренных программой, позволит создать условия для успешной социально-психологической адаптации инвалидов в общество; увеличить объем реабилитационных мероприятий, создать для людей-инвалидов равные с другими людьми возможности участия в жизни общества.

Поскольку в последние годы «растут потери национального дохода вследствие смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта и диабета, становится очевидно, что государство, политики, да и простые люди не относят здоровье к числу приоритетов, средний россиянин готов им пожертвовать ради достижения каких-то материальных или социальных выгод» [8.С.148] Философия и идеология здоровья, культивирование ведения здорового образа жизни со студенческой скамьи, способны принести весьма ощутимый эффект,

позволят предотвратить не только большие расходы на восстановление здоровья в будущем, но и преодолеть связанные с болезнями ограничения вести полноценную, насыщенную жизнь.

Список литературы:

1. «Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке» (Под. Общ.ред. Б.Г.Юдина.) М.:Прогресс-Традиция, 2007.368 с.
2. Белялетдинов Р.Р. Киберчеловек: взгляд в будущее // Человек. 2006. № 6. С. 128-132
3. В.Г.Борзенков. //Человек. №3. 2007. С.183-186.
4. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy 2004. №144 (Sept/Oct.) .Mode of access:Http// foreingpolicy.com/story/cms.php?
5. Репин В.С., Скуратовская Л.Н. «биологические последствия изменения климата». // Человек. №1.2011, 125 с.
6. Л.А.Буланов. Восточные единоборства – путь к совершенству. // Наука и религия. №4.2012. 62 с.
7. Сайт ВОЗ.,2011. URL: [www://who.int/governance/eb/constitution/ru/](http://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/).
8. Степанова Г. Болевые точки здоровья россиян. //Человек. №1. 2008. 148 с.
9. Хубларян М.Г. Антропогенные воздействия на водные ресурсы Севера и его экологические последствия. - М.: Наука-Интерпериодика, 2000. - 411 с.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ

В.А.Постоева

*Любовь – активное участие в жизни
другого человека и принятие его таким,
каков он есть...*

Эрих Фромм

Реализация идей инклюзивного и интегрированного образования происходит не только в высокоразвитых странах Европы, Америки, Африки, в Японии, но и в нашей стране. В России созданы первые модели инклюзивных образовательных учреждений, осуществлена модернизация системы специального образования для детей и подростков с

особенностями развития, определены основные пути ее структурно-функционального преобразования и совершенствования.

В нашей стране инклюзивное образование является вызовом не только всей традиционной системе образования и здравоохранения, но и вызовом всем участникам инклюзивного процесса. Учащиеся и студенты с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности отважно пытаются реализовать равные образовательные возможности в условиях, которые не способствуют реализации инклюзии на «равных». Для условно здоровых участников инклюзивно-образовательного процесса это – вызов толерантности, человеческим качествам и мировоззрению [12].

Осмысление первых этапов организации инклюзивной практики в Москве и регионах России показало, что в нашей стране существуют деструктивные установки, связанные с обучением детей с особенностями развития. Общественные стереотипы в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности как подлежащих изоляции от всех детей, складывались десятилетиями в условиях существования специальных учреждений для их обучения [3]. Кроме того, советская идеологема о всесторонне развитой гармонически личности, строящей коммунистическое общество, оставила после себя негативный отпечаток в общественном сознании, хотя русской дореволюционной культуре было свойственно особое бережное и терпимое отношение к детям-сиротам, обездоленным старикам, людям с физическими и психическими недостатками.

Анализ результатов отечественных исследований показывает, что в современном обществе для значительной части людей свойственно «застревание» на уровне пассивной жалости и сочувствия либо страха и неприятия по отношению к людям с особенностями развития [8, 32].

Родители детей с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности часто сталкиваются с негативными интерпретациями состояния их детей, определяемых современной культурой общества, семейной мифологией, предубеждениями, косными установками не только близкого окружения, но иногда и педагогов, медиков и других помогающих специалистов, работающих с ребенком с особенностями развития.

Представители теорий стигматизации подчеркивают, что если окружающие начинают считать кого-то ненормальным, то человек начинает сам воспринимать себя таковым. Стигматизированные личности воспринимаются как «неполноценные» по сравнению с «нормальными».

Стигматизация (от греч. *στίγμα* – ярлык, клеймо) – клеймение, нанесение стигмы. В психологии стигматизация рассматривается как навешивание обществом определенных социальных и психологических ярлыков на конкретного человека или группу людей, чем-либо отличным

от других. Следствиями стигматизирующего общественного прессинга являются программирование и реализация неконструктивного жизненного сценария у людей с особенностями развития.

Оценивая риски и перспективы развития инклюзивного и интегративного образования в России, можно отметить следующее:

1. Сложившийся комплекс социально-экономических проблем, недостаточный уровень материально-технической оснащенности образовательных учреждений, низкая профессиональная и психологическая готовность специалистов к работе с особыми детьми являются факторами риска для дальнейшего развития включающего образования в России. Перспективы инклюзии связаны с модернизацией образовательных систем (совершенствованием нормативно-законодательных актов, улучшением материально-технической базы образовательных учреждений, созданием комфортных условий для профессиональной деятельности помогающих специалистов, их профессиональной подготовкой и переподготовкой и т.д.), что вполне выполнимо уже в ближайшем будущем в нашей экономически сильной и развивающейся стране.

2. Развитие российской практики инклюзивного и интегрированного образования неразрывно связано с высоким уровнем психологической готовности и эволюцией фундаментальных основ мировоззрения у педагогов, менеджеров образовательной системы, специалистов в области коррекционной педагогики, специальной и педагогической психологии.

Проблемы мировоззренческой ориентации человека, осознание им своего места и роли в обществе и истории, целей и смыслов социальной и личной активности, ответственности за свои поступки и результаты действий – междисциплинарные темы, которые привлекают внимание в современной философской, социальной, психолого-педагогической антропологии, социальной психологии личности, психологии развития человека и других науках.

Человеку свойственно смотреть на других людей сквозь личную призму предубеждений, оценочных представлений и стереотипов. Индивидуальные или коллективные ценностные (аксиологические) ориентации, убеждения и установки, которые обуславливают отношение человека к объективной реальности и другим людям, являются квинтэссенцией, ядром мировоззрения как отдельных личностей, так и определенной социальной группы, общественного класса или партии.

По содержанию и общественной значимости мировоззрение бывает научным или ненаучным, гуманистическим или негуманистическим, прогрессивным или реакционным, атеистическим или теологическим, материалистическим или идеалистическим, систематизированным или несистематизированным и т. п.

В современном человекознании проблемы развития детей, определение основных целей образования, норм психологического здоровья в контексте педагогической деятельности и психологической помощи рассматриваются в русле различных теоретических платформ, методологических и мировоззренческих подходов.

Проанализируем мировоззренческие подходы к оказанию различных форм помощи (социальной, педагогической, психологической, волонтерской и др.) детям с особенностями развития, существующие в реальности или только в залоге идеального долженствования.

Прагматический подход постулирует, что при существующих социально-экономических условиях развития человеческого общества помощь детям и взрослым с отклонениями в развитии должна быть ограниченной.

С точки зрения Антонио Менегетти, основоположника онтопсихологии и онтопедагогике, во многих случаях ребенок с ограниченными возможностями есть продукт патологической семейной среды, концентрированное выражение ее неблагополучия. Защищая такого ребенка, общество защищает и воспроизводит патологический семейный круг. В действительности «необходимо хирургическое вмешательство» – единственное радикальное средство – изъятие ребенка из патологической семейной среды.

Менегетти считает, что в сегодняшнем обществе сохраняется и спасается ярко выраженная неполноценная личность. Общество утвердило защиту этой личности по сравнению с другими членами, вследствие ее несчастья и болезни. Законы и социальные программы способствуют «паразитированию» семьи, перекладыванию на общество решение ее проблем. Охраняя неполноценную личность и ее патологическую семейную среду, существующий уровень культуры общества подавляет творческие аспекты жизнеспособных людей. Во имя спасения одного больного ребенка или взрослого останавливают в развитии десять человек, у которых здоровая в физическом и социальном плане личность. Здоровая личность – «главное действующее лицо жизни» и необходимо дать возможность лучшим людям идти вперед, максимально развивая их, чтобы они впоследствии смогли сформировать подобных себе людей – «они создадут высшее сознание, и это сознание будет обладать большей свободой и большей легкостью...» [15, С. 531-534].

Многие представители прагматического подхода не столь радикальны как Менегетти и считают, что для предупреждения отклонений в развитии у детей необходимо также оказывать полноценную социальную помощь различным группам населения, находящимся в зоне социального риска (многодетным семьям, молодым семьям, имеющим детей, матерям, воспитывающим ребенка без мужа, безработным родителям). По данным

федеральной службы государственной статистики в России насчитывается 42 млн семей, 22 млн семей проживают за чертой бедности, каждая шестая из общего количества семей – молодая, 24 млн семей имеют несовершеннолетних детей. Треть детей, проживающих в Российской Федерации, находятся в зоне социального риска [6].

Критика прагматического подхода. Миф о неизбежно патологической семейной среде, в которой воспитывается ребенок с отклонениями в развитии, является одним из самых стигматизирующих и разрушительных для общественного сознания. Милтон Селигман и Розалин Дарлинг подчеркивают, что слишком долго специалисты в области медицины, педагогики и социальной помощи придерживались патологизирующей ориентации и полагали, что рождение ребенка с особыми нуждами неизбежно влечет за собой нарушение функционирования семьи [26]. Например, в зарубежных исследованиях, особенно в рамках психоаналитического направления, в формировании синдрома раннего детского аутизма значительная роль отводилась хронической семейной психотравмирующей ситуации, вызванной материнской холодностью, равнодушием, деспотическим давлением, парализующим эмоциональную сферу и активность аутичного ребенка. В современное время подобные теории считаются устаревшими и не соответствующими реальным причинам возникновения синдрома детского аутизма, поэтому стоит посочувствовать матерям аутичных детей, которых стигматизировало не одно поколение психиатров и клинических психологов.

Исследования зарубежных и отечественных психологов убедительно доказывают, что нередко в семье особого ребенка, существует нормальный психологический климат и супружеское согласие (Marsh D.T., Селигман М., Дарлинг Р.Б., Валитова И. Е.). В отношении влияния рождения особого ребенка на семейный психологический климат и супружеские отношения Marsh D.T. замечает: «Сейчас специалисты все более склоняются к выводу, что катастрофические события, бросающие вызов нашим силам, могут служить катализаторами обновления и обогащения нашей жизни» [цит. по: 26, С. 350].

Гарри Лэндретт считает, что объяснения нарушений у детей как продукта отношений в семье нередко упрощают видение семейной ситуации и уводят от истинного понимания причин заболеваний, не объясняя различий у детей, воспитывающихся в одной и той же семейной среде. Ученый пишет: «Как мы можем объяснить тот факт, что некоторых детей не затрагивают, казалось бы, разрушительные события в их жизни? Некоторые дети регулярно получают побои от нелюбящих и бесчувственных родителей, но при этом остаются живыми в психологическом плане. Некоторые дети растут в бедности, но

вырастают богатые духовно и с оптимистическим взглядом на жизнь. У некоторых детей родители-алкоголики, и тем не менее в отличие от своих братьев и сестер, также испытывающих пристрастие к алкоголю, они сохраняют независимость и хорошо приспособлены к жизни. Некоторые дети имеют эмоционально неуравновешенных родителей: при этом сами они успешно и хорошо приспособлены и в подростковом, и во взрослом возрасте» [13, С. 493].

Лэндретт полагает, что такое возможно благодаря внутренней интеграции ребенка при взаимодействии со средой и подчеркивает, что у детей есть внутренние жизнеспособные силы, способность, стремление человеческого организма развиваться в направлении достижения полной зрелости даже в неблагоприятных условиях.

Вряд ли можно оспорить тот факт, что одаренные, творческие люди с активными гуманистическими ориентациями являются бесценным человеческим капиталом любого государства, и что сегодня существует острая социальная потребность в приумножении такого капитала.

История педагогики и психологии показала, что «лучшие» люди нередко обращались с любовью, пониманием и состраданием к проблемам детей и взрослых людей с «ярко выраженной неполноценностью».

Первая в Италии женщина-врач Мария Монтессори (1870–1952) создала педагогическую систему сенсорного и интеллектуального развития для умственно отстающих детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Идеи гуманистической человекоцентрированной психотерапии возникли у Карла Рэнсома Роджерса (1902-1987) после тридцати трех лет оказания помощи самым разным людям, среди которых было немало «невротиков», «душевнобольных» – Роджерс ставил кавычки в использовании подобных понятий-ярлыков, так как полагал, что они вводят в заблуждение. Роджерс пишет: «Я помогал тем, кто приходил за помощью, и тем, кого присылали; тем, у кого были небольшие проблемы, и тем, которые совершенно отчаялись и потеряли надежду в жизни». Именно работа с людьми, отличающимися незрелым и деструктивным поведением, помогла понять Роджерсу, что на глубинном уровне у каждого из них и во всех людях существуют сильные позитивные тенденции [24, С.34].

Личность, жизненный путь Л.Н. Толстого, К. Роджерса, М. Монтессори, Р. Штейнера, А. Швейцера, Я. Корчака и многих других людей убедительно доказывают, что лучшие представители человечества не отчуждаются от бед, несчастий и страданий нашего мира, а их идеи и взгляды могут стать ценностными ориентирами для современных молодых людей.

Гуманистический подход связан с именами К.Р. Роджерса (1902–1987), А.Г. Маслоу (1908–1970), Г. Олпорта (1897–1967), Э. Фромма (1900–1980), К. Хорни (1885–1952) и др.

Гуманистическая психология, возникнув на рубеже 1950–1960-х гг. первоначально как психологическая инновация, распространила свое идейное влияние на философию науки, духовную психологию и многие научные отрасли. Гуманистические идеи проникли в образовательную, социальную, психотерапевтическую и медицинскую практики.

Особая ценность гуманистических теорий состоит в том, что они доказали принципиальную важность трансперсональных отношений между людьми, основанных на безоценочном позитивном принятии другого человека, эмпатии и конгруэнтности. Гуманистические отношения между людьми ориентированы на взаимное признание внутренней уникальности субъективного мира другого.

Важная черта гуманистических теорий – концепция становления и концепция уникальности жизни отдельного человека. Человек способен к становлению, реализации своих возможностей, к непрерывному развитию и духовному росту. Представители гуманистического подхода считают, что человек – главный архитектор своего поведения и жизненного опыта. Жизнь каждого из людей – искусство, в сущности самое важное и в то же время самое трудное и сложное для человека (Эрих Фромм).

Социально-экономическая система, исторические обстоятельства, социальное окружение, природно-климатические условия и даже случай обуславливают проявление активности человека. Однако человек может реализовать свою «самость», поскольку способен сознавать свою ценность, возвыситься над сложными жизненными обстоятельствами и превратностями судьбы и посредством собственных усилий изменить направление жизненного пути. Источниками саморазвития и роста человека являются не внешние социальные и экономические условия, а – внутренние (потенциальные возможности, скрытые ресурсы, способность к самовосстановлению, мужество и др.)

Абрахам Гарольд Маслоу рассматривал самоактуализацию (self-actualisation) как основную базовую потребность человека. Самоактуализация – это полное применение талантов, способностей, потенциалов, действующий процесс, в котором способности индивида применяются полностью, творчески и радостно [14]. Маслоу писал: «Я думаю о самоактуализированном человеке не как об обычном человеке, которому что-то добавилось, а скорее как об обычном человеке, у которого ничего нельзя отнять». Самоактуализированный человек отличается глубокой идентификацией с человечеством, братской любовью к людям. Человек, не достигший уровня самоактуализации,

нуждается в других людях, поскольку может получить от других столь необходимую для него любовь, безопасность и уважение [14, С.236].

Альфред Адлер приписывает человеку активную творческую силу, уникальность, самосознание и контроль над своей судьбой. Ядром адлеровской модели человеческой природы является активное творческое начало – креативное «Я» [36].

Карл Рэнсом Роджерс разработал психологическую теорию полноценно функционирующей личности и соответствующую ей психотерапевтическую практику, известную как «человекоцентрированная терапия». Роджерс верил в изначальную, конструктивную и творческую мудрость человека, постулировал, что каждый человек наделен врожденным, естественным стремлением к здоровью и росту. Он утвердил «новую декларацию независимости» для человека, который выбирает себя, пытается в самом сложном и часто трагическом мире стать самим собой, уникальным, индивидуальным «Я», а не быть куклой, рабом, «застывшей сущностью».

Глубинная природа человека остается положительной и социализированной. Гнев, жестокость и агрессия могут пробуждаться в каждом человеке. Они не являются частью основной глубинной, человеческой природы и возникают на поверхностных, вторичных уровнях тогда, когда человек не может достигнуть любви и привязанности. Защитные реакции и внутренний страх человека могут быть причиной деструктивного и асоциального поведения и причинять боль другим людям. Такие эмоции и реакции человека, как страх, страдание, конфликт, вина и др. составляют внутренний опыт человека и поэтому должны восприниматься психотерапевтом доброжелательно [24, 36].

Самореализация в отечественной психологии понимается как осуществление индивидуальных и личностных возможностей «Я» посредством собственных усилий, а также содейтельности с другими людьми.

В гуманистической психологии особое значение придается самопознанию, которое рассматривается необходимым условием саморазвития личности, ее самоактуализации. В результате самопознания человек овладевает собственным опытом, глубинными переживаниями, способностью «быть тем, кто ты есть на самом деле» (Серен Кьеркегор) в изменчивом и меняющемся потоке жизни, а не тем, кем ему навязывают стать другие.

В каждый момент жизни у человека есть выбор: продвижение вперед, преодоление препятствий, неизбежно возникающих на пути к полноценной жизни, или отступление, отказ от борьбы и сдача позиций. Средний человек часто представляет человеческое существо в расцвете

лет с размытыми и зажатыми силами и способностями, так как психологическая природа человека очень слаба, она затаена и трудноразличима. Множество людей остаются так и «необнаруженными».

Можно говорить о нормальном и здоровом развитии, если человек движется к самоактуализации, реализации индивидуальных потенциалов и возможностей, заложенных в сущностной природе каждого из нас. Самоактуализированная личность является образцом гуманистической нормы, ее эталоном. Список ее характеристик весьма широк: позитивное восприятие мира, ориентация на будущее, устойчивая позитивная самооценка, терпимость к людям, чувство юмора, толерантность к жизненным трудностям и т. д. Необходимым основанием жизненного пути любого здорового в психическом отношении человека является его ответственность за содержание своей жизни. Непосредственной формой, в которой реализуется ответственность перед жизнью, миром и людьми, является совесть, определяемая как ощущение обязанностей, ответственности перед собой и другими.

Врожденные нарушения могут предопределять жизненный путь и судьбу человека. Но человек не является марионеткой условий бытия и генотипа. Именно внутренняя позиция по отношению к особенностям своей судьбы укрепляет самосознание, чувство личности, потребность в свободе самовыражения.

Гуманистический подход привнес в решение проблемы «норма – отклонение – патология» качественно новый импульс. Согласно воззрениям Абрахама Гарольда Маслоу, вопрос о норме является не профессиональным, а важнейшим общечеловеческим ценностным вопросом. Ученый выступает против использования понятия «нормальный», считая его совершенно бессмысленным из-за его многогранности и емкости. Основоположник гуманистической психологии подчеркивает, что даже профессионалы, имеющие представления о различных подходах в определении понятия «норма», вне стен своего кабинета мыслят общечеловеческими категориями [14].

Существенный вклад в развитии концепции психического здоровья человека внес Карл Рэнсом Роджерс [24, 36]. Многолетний опыт психотерапевта позволил ему сформулировать понятие «полноценно функционирующий человек». Это психически здоровый, творческий человек, который открыт опыту, т.е. способен слышать, осознавать, понимать себя, переживая то, что в нем происходит. Он открыт своим чувствам страха, робости, боли, но также более открыт чувствам смелости, нежности и благоговения. Он способен понимать свои чувства, жить ими, не прибегая к защитным реакциям или ложному «фасаду», за которым скрывается подлинная человеческая личность. Существенное качество полноценной жизни психически здорового человека, согласно

Роджерсу, – стремление жить настоящим. Жить настоящим моментом означает отсутствие неподвижности, застывших структур, фиксированных форм, предполагает изменение, динамику организации «Я» и личности. Полноценно функционирующий человек верит в свои внутренние побуждения и интуитивную оценку, собственную способность принимать решения. Он все более доверяет своему организмическому «Я» в выборе лучшего варианта поведения из множества возможных в данный момент. Ошибки и неверные решения такой личности являются следствием неверной информации, а не способом ее переработки. По мере уточнения информации полноценно функционирующий человек способен перестроить собственные реакции.

В социальных условиях жизни человека, по убеждению Эриха Фромма (1900-1980), кроются причины нарушений развития. Внимание, тепло и нежность при воспитании ребенка, свобода и возможность самовыражения в игре и других формах общения оказывают прямое воздействие на его развитие. Все эти качества и эмоции являются необходимыми для нормального роста ребенка, развития у него синдрома жизнелюбия, а при их отсутствии человек может стать ограниченным существом с «синдромом враждебного отношения к жизни» [36, 38].

Александр Владимирович Шувалов считает, что ребенок наиболее уязвим в отношениях со значимыми взрослыми. Группу риска составляют личностно незрелые, психически неуравновешенные и арефлексивные взрослые, «которые не подозревают, что творят, и не ведут, что творят в совместном с детьми жизненном пространстве», а также взрослые, пренебрегающие этическими нормами и склонные к асоциальному поведению [40].

Гуманистическая психология привлекает своей направленностью на конкретного человека с его реальными затруднениями, переживаниями, чувствами и ценностями. Гуманистические психологи убеждены, что если любого младенца с момента рождения окружить добротой, заботой и лаской, то он вырастет здоровым и целостным в психическом отношении человеком.

Главными гуманистическими принципами обучения и воспитания являются:

- направленность на конкретную личность ребенка с ее реальными проблемами;
- учет реальности чувств, ценностей, интенций и переживаний ребенка;
- оказание реальной помощи человеку с отклонениями в развитии;
- создание психологического климата доверия между участниками учебно-воспитательного процесса;

- актуализация мотивационных ресурсов учения;
- обеспечение сотрудничества в принятии решений;
- вера в доброту и собственные силы человека.

Исследования отечественных психологов показали, что причиной нарушения в личностном, социальном, эмоциональном развитии воспитанников дома ребенка является неполноценное, дисгармоничное взаимодействие сотрудников закрытых детских учреждений с воспитанниками. Образовательная среда детских учреждениях закрытого типа нередко характеризуется формальными, поверхностными контактами, отсутствием лично-ориентированного отношения взрослых к своим подопечным.

Авдеева Н. Н. предлагает ряд важнейших условий и изменений, необходимых для поддержки социально-эмоционального развития детей, воспитывающихся в учреждениях закрытого типа [1]:

- организация лично-ориентированного взаимодействия и общения детей и взрослых, насыщенного теплом, искренностью и доброжелательностью;

- организация просветительской работы, тренингов для персонала домов ребенка, способствующих повышению уровня компетентности во взаимодействии с детьми и достижению позитивного межличностного общения сотрудников между собой.

Современная гуманистическая практика осознанно отказывается от манипулятивного управления человеком и его психикой как объектом воздействия (психотерапевтического, педагогического, политического и любых других воздействий). Эта практика альтернативна «лечению», «преподаванию», «формированию личности».

Гуманизация мира невозможна без гуманизации человека. Пономаренко В. А. считает, что гуманизм в контексте педагогики есть сложное социально-психологическое образование, которое реализуется в виде нравственного принципа, охраняющего процесс воспроизводства добра [19].

Критика мировоззренческого контекста гуманистической психологии. Для ряда авторов (Эллис, Торн) объектом замечаний является взгляды Роджерса, Маслоу на позитивную природу человека. Они полагают, что подобным утверждением сглаживается темная, теневая сторона человека, в то время как психопатологические паттерны могут прочно укореняться в людях и мешать их саморазвитию [36].

Другие ученые возражают против идеи врожденности или приобретенности в ходе развития человека стремления к самоактуализации. Виктор Эмиль Франкл (1905-1997) считал, что не стоит делать акцент на идеализации самовыражения и самоактуализации.

Согласно его точке зрения, самореализация является не объектом стремлений, а следствием. Только выход за собственные пределы, самотрансценденция является одним из существенных качеств человеческого бытия [35, С.53]. Человек, нашедший смысл своей жизни, выходит за собственные пределы, перестает концентрироваться на своих интересах, приходит к значимым отношениям любви и только в этом случае достигает аутичной жизни. Создатель логотерапии был солидарен с мнением Шарлотты Бюлер, утверждавшей, что самореализация представляет поиск человеком вероятностей и возможностей, и полагал, что скрытые и врожденные потенции человека необходимо рассматривать через призму личностных ценностей и смысла. Франкл приводит в пример Сократа, верившего в то, что в нем есть потенциал преступника: «Если бы он реализовал все свои возможности, великий защитник закона и правосудия оказался бы обычным преступником» [35, С.54].

Шувалов А.В. считает, что замыкание индивида на своем самосовершенствовании ради самосовершенствования может привести к обесмысливанию бытия и общему снижению жизнеспособности [40].

Идеи и идеалы гуманистической психологии по-прежнему имеют эвристическую ценность, органично ассимилируются в развитии современных мировоззренческих подходов (антропологического, культурно-антропологического, гуманитарно-антропологического и ноосферного).

Антропологический подход.

В научном мировоззрении XX века произошел антропологический переворот, поставивший в центр научного познания вопросы о сущности, природе и развитии человека.

Антропология (от греч. «antropos» – человек, «logos» – понятие, учение) – междисциплинарная отрасль человекознания, изучающая биологическую, социальную и культурную эволюцию человека как особого вида (*Homo sapiens sapiens*) и человеческого общества как особого типа социальной организации. Термин «антропологиос» (говорящий о человеке) впервые употребил древнегреческий философ Аристотель (384-322 г. до н. э.). Сегодня антропология – это особая философия и особый взгляд на мир. Она охватывает биологию и культуру, общественные и социальные системы, прошлое, настоящее и будущее человечества.

Антропологический подход развивает ключевые идеи антропологии и постулирует, что с одной стороны вся культурно-историческая эволюция человечества – это, в конечном счете, процесс развертывания социальной системы в целостность, совершенствование систем социальной помощи и защиты. С другой стороны, в процессе эволюции общества происходит развитие человека на трех уровнях: сущностно-родовом, личностно-типологическом и индивидуально-субъектном [7, 25].

Сущностно-родовые качества – родовая доминанта человека, главные качества человека как особого вида живых существ, которые отличают его от всех иных существ. В психологической антропологии в качестве предельных оснований, конституирующих «человеческое в человеке» были выделены сознание, деятельность и общение.

Современные антропологические концепции человека сходятся в одном – в понимании человека как духовного, открытого, целостного, саморазвивающегося существа, как существа, которое постоянно и заново определяет и создает себя, создает собственный образ мира, индивидуальную жизненную и образовательную траектории.

Антропологический подход в понимании нормы [25, 29] вводит такой критерий как процесс самоосуществления человеком своей родовой человеческой сущности (человечности как системного качества), показателями которого являются:

1. уважение ценности другого человека;
2. способность к самоотдаче и любви;
3. творческий характер жизнедеятельности;
4. потребность в позитивной свободе;
5. возможность самопроектирования будущего;
6. вера в осуществимость намеченного;
7. внутренняя ответственность перед жизнью, людьми и собой (совесть);
8. стремление к обретению общего (высшего) смысла человеческой жизни.

Включаясь по собственному выбору в различные сферы жизнедеятельности (природное и социальное, в духовное и материальное, в производство и потребление, в творческое и репродуктивное), человек развивается и самоосуществляет себя.

Аномальным и патологическим является отрыв от всеобщей родовой сущности человека, проявляющийся в следующих чертах:

1. неспособность любить других людей;
2. отношение к другому человеку как к вещи, объекту использования;
3. нетворческий характер жизнедеятельности;
4. отсутствие веры в добро и совершенство природы человека;
5. бессовестность, безответственность.

В процессе эволюции человеческого рода человек развивался во взаимосвязи и единстве биологического и социального, Приблизительно 40 тыс. лет назад социальная эволюция человека впервые стала обгонять биологическую. На каком-то этапе антропогенеза человек начал развиваться не по законам биологической целесообразности, а по

качественно иным законам социального развития. По законам биологической целесообразности внутри групп и между группами людей должна идти постоянная борьба и отбор сильнейших. Для выживания рода и его успеха в межвидовой конкуренции вредно оставлять в живых больных, старых и людей с инвалидностью. Но именно это происходило в человеческом обществе с нарастающей скоростью.

Социальные антропологи полагают, что такие люди нужны человечеству ради духовного, культурного, нравственного прогресса и утверждают, что человечество только возмужало и окрепло, защищая «сырых» и «убогих», больных, старых, бедных людей и беззащитных детей [7].

Человек как *Homo sapiens sapiens* стал добрее и гуманнее в результате длительного и мучительного духовного прогресса, происходившего в истории развития человечества с многочисленными отступлениями назад.

Законодательный фундамент, защищающий права людей с ограниченными возможностями, был заложен в начале 70-х гг. XX века в Европе. Человек с особенностями развития имеет те же права и привилегии, что и все остальные члены общества: право учиться, работать, жить в своем доме, выбирать друзей и дружить с ними, право быть уважаемым и признанным членом общества, право жить полноценной жизнью.

В XXI веке развивается фундаментально новое мировоззрение человеческого сообщества, прошедшего очень долгий путь от равнодушия и агрессии по отношению к людям с особенностями развития до понимания необходимости их поддержки, сотрудничества и партнерства. Реализация гуманистических идей безбарьерного мира для особых людей в развитых странах свидетельствует об эволюционном переустройстве мировоззренческих общественных убеждений и установок.

Клайд Клакхон пишет: «Мир во всем разнообразии должен быть един и оставаться верен простейшим общим целям, разделяемым всеми людьми. Те границы, которые препятствуют взаимопониманию, будут стерты благодаря активному развитию общих идей...» [9].

Критика антропологического подхода. Идея о поступательном и бесконечно прогрессирующем развитии человеческой цивилизации имеет немало сторонников. Исторически длительный процесс антропосоциогенеза привел к созданию современного человека, глобальному сообществу, космическим полетам на Луну и Марс, созданию коллайдера и т.п. Человек также изобрел инквизицию, разнообразные орудия физического уничтожения и пыток, концентрационные лагеря смерти, «инновационные» производства, уничтожающие природу и животный мир нашей планеты. Человек так и

не научился строить общество, где каждому из его членов была бы обеспечена достойная жизнь, постулирует А. А. Крылов, а «гуманистические тенденции в жизни человечества пробиваются, как нежные ростки, среди чертополоха мерзости, лжи и изощренного насилия» [22, С.731].

Йохан Хейзинга отмечает, что всеобщее притупление нравственного чувства, вседозволенность и оправдание зла, острые формы насилия, лживости и жестокосердия – «заколдованный» круг человеческого духа XX века [39].

Эрих Фромм предупреждает о том, что человечеству необходимо духовное обновление, новое обнадеживающее настроение, социальные и культурные преобразования. В книге «Психоанализ и этика» он доказывает, что система «Человек» функционирует ненормально, если удовлетворяются только материальные потребности, а такие специфические человеческие способности и потребности как любовь, нежность, разумность, радость остаются нерожденными в реальности. Фромм полагает, что надежда на рождение новых духовных потребностей и деятельностей, которые могут проявляться у людей при контакте друг с другом в естественной, подлинно-групповой жизни, слишком неопределенна. Неясно, найдет ли человек новые духовные формы выражения жизненно важных потребностей – «..в данный момент есть только голубь с оливковой ветвью, свидетельствующий о конце потопа» [38, С. 326].

В условиях планетарного кризиса, наполненного национальными и религиозными войнами, техногенными катастрофами и природными катаклизмами, человечество поставлено перед цивилизационным выбором. Новый этап в развитии человечества может быть связан с признанием приоритета нового мышления и психологии, общечеловеческих ценностей, ценностных ориентаций и гуманистических устремлений (Фролов И. Т.) созданием концепций жизни на основе «добра», объясняющих и развивающих духовный мир человека (Крылов А. А), духовным очищением (Хейзинга Й.) или духовным обновлением людей (Фромм Э.).

Культурный и социальный прогресс человечества происходил благодаря тому, что каждое новое поколение людей накапливало и приумножало духовные, материальные достижения, социальные знания и поэтому находилось на более высоком эволюционном уровне, чем предыдущее.

Эда Ле Шан уверена, что образованная и развитая молодежь нашей планеты найдет новые и свежие решения мировых проблем, благодаря пониманию, что все происходящее на Земле касается каждого из нас [11].

Гуманитарно-антропологический подход.

Центральной для гуманитарно-антропологического подхода в психологии является идея возможности и необходимости восхождения человека к полноте собственной реальности.

Суть подхода отражена в ключевых понятиях: «гуманитарный» происходит от латинских *humus* – почва» и *humanus* – «человечный» и подразумевает пространство и зарождение человеческих качеств и способностей, духовную укорененность и культурную преемственность человека; «антропологический» символизирует сущностные силы и надобывденную устремленность человека.

Методологическую основу подхода составляет антропологическая теория развития, в которой описаны общие закономерности становления собственно человеческого в человеке в пределах его индивидуальной жизни.

Оказание психологической помощи, психотерапия, педагогическая деятельность рассматриваются как особые формы антропопрактики, мировоззренчески ориентированные на культивирование сущностно-родовых качеств человека, восстановления и наращивания «человеческого в человеке» [25, 27, 29, 40].

Гуманитарно-антропологический подход рассматривает формы проявления психического здоровья человека и его нарушения в контексте онтологии человеческого способа жизни. Следует отметить, что нарушения психологического здоровья могут наблюдаться вне зависимости от социального, интеллектуального статуса, пола, возраста, наличия нормального физического здоровья или его отсутствия.

С точки зрения Шувалова А.В., существует дизонтогенез субъектности, проявляющийся в следующих типичных отклонениях [40]:

1. Недоразвитие – ограничение самобытности и созависимость (гипертрофированная форма зависимости от других людей и обстоятельств жизни). Характерными признаками этого варианта дизонтогенеза являются диффузная самоидентичность, несформированность внятной личной позиции, неопределенность ценностных приоритетов, неустойчивый и беспринципный стиль поведения, отсутствие стремления к позитивной свободе и самостоятельности, неспособность к планированию жизни и проектированию будущего, конформизм и зависимость от стечения обстоятельств, чужой воли и среды (не обязательно отрицательной).

2. Дисгармоничное развитие определяется как искаженная самоидентичность с характерным эгоцентрическим настроением, как замкнутость индивида на самом себе, на своих интересах и пристрастиях. Деформация личности проявляется в чрезмерном самолюбии, неутолимой привычке самоутверждаться, навязывать свою волю и интересы окружающим, в бесчувственном отношении к дальним и близким людям,

безнравственном характере поступков (за счет других, в ущерб другим, против других), в отрицании чувства долга и моральной ответственности.

3. Промежуточная форма проявляется как сужение мотивационно-смысловой сферы и дезинтеграция личности, при которой определяется ярко выраженный приоритет материального (карьера, комфорт, достаток) над духовными ценностями. При данной форме дизонтогенеза субъектности наблюдается «экзистенциальный вакуум», утрата чувства внутренней свободы и полноты бытия, застревание в обыденности, впустую затраченные силы и способности, «лишение правды собственной личности», «духовное безвременье».

Человек с дизонтогенезом субъективной реальности отличается не только материальным, но и духовным потреблением, беззащитным использованием духовных, культурных и материальных ресурсов других людей, неспособностью любить.

Гуманитарно-антропологический подход ориентирован при оказании психологической помощи на пробуждении в человеке его духовного (истинного) «Я». Актуальным для оказания психологической помощи признается гуманистический антропологический принцип, согласно которому качество работы помогающего специалиста обеспечивается не только выбором верно выбранных и адекватных методов и грамотной организацией психокоррекционного процесса (метод сам по себе не помогает), но и человеческим «фактором».

Новая страница в истории развития российской образовательной системы может быть связана с экзистенциальной идеей построения педагогической деятельности на основе понятий «Другой» и отношения «Я» и «Другой».

Александр Борисович Орлов подчеркивает, что путь без обращения к реальной личности учителя и, тем более, без обращения личности учителя к личности ученика, приводит к тому, что одна система механических знаний, умений и навыков формирует подобную систему у ребенка [18].

Ольга Семеновна Васильева и Филипп Робертович Филатов подчеркивают, что блестящее владение психокоррекционными технологиями оказывается невостребованным и бесполезным, если психологу не удастся установить и поддерживать в течение всего процесса психокоррекции эмпатийный контакт с ребенком с особенностями развития. При оказании психологической помощи наиболее важным оказывается глубина проникновения в затруднения ребенка, сопереживание и вовлеченность психолога в процесс развития его здоровой и целостной личности.

Предназначение психолога, по-мнению Васильевой О.С. и Филатова Ф.Р., состоит в том, чтобы с помощью символических средств арт-

терапии, новой игровой и творческой деятельности, имагинативной (образной) психокоррекции и других подобных направлений психологической помощи, открыть путь человеку к его заблокированным личностным ресурсам. Они сравнивают психолога-практика с волшебником Гудвином из сказки «Волшебник Изумрудного Города»: «Дети, приходящие к нему за помощью, несмотря на все нарушения и дефекты, уже наделены всем необходимым для полноценной самореализации; просто они не знают об этом и не могут в это поверить. Им слишком часто указывали на их отклонения» [2, С. 42].

С нашей точки зрения структура психологической готовности специалиста к работе в условиях инклюзии включает:

1. «инклюзивное» мировоззрение, отсутствие личных предрассудков;
2. способность к эмоциональному принятию ребенка с особенностями развития;
3. удовлетворенность собственной профессиональной деятельностью;
4. способность к рефлексии собственных затруднений;
5. толерантность к неопределенности (готовность к ее принятию и к работе в ситуациях неопределенности);
6. стрессоустойчивость к воздействию профессиональных дистрессов;
7. развитый эмоциональный интеллект;
8. развитая психологическая культура и аутентичность.

Классическое описание образа идеального специалиста в американской психологии выглядит следующим образом: успешность, функциональная специфичность (позитивное отношение к особому ребенку и его семье, специализация и когнитивная осведомленность в области профессиональной деятельности), эмоциональная беспристрастность и нейтральность (Селигман М., Дарлинг Р.Б., Parson Т.) [26].

Профессионалы в области медицины, педагогики и социальной работы часто испытывают на себе давление своей профессии, связанной с рабочей, перегруженностью, сильной психологической нагрузкой, особой ответственностью и общей усталостью. Педагогическая деятельность, по общему признанию отечественных и зарубежных ученых – одна из наиболее деформирующих личность человека разновидностей профессиональной деятельности. Важной характеристикой помогающих специалистов является личностная стрессоустойчивость, способность противостоять профессиональным дистрессам.

В условиях инклюзивной практики помогающий специалист должен обладать не только знаниевой компетентностью в таких областях как коррекционная (специальная) педагогика и психология, но и отличаться высоким уровнем психолого-педагогической культуры, а также принятием инклюзивных ценностей. Толерантность к неопределенности,

гибкость мышления, способность точно и быстро перерабатывать поступающую информацию, открытость новому, способность быстро менять способы действий, личная стрессоустойчивость являются важными личностными качествами психологов и педагогов, которые необходимо сформировать и развить в процессе личностного и профессионального становления.

Людам, не обладающим вышеперечисленными качествами в достаточной мере, разумнее всего не пробовать себя в профессии, основной задачей которой является помощь людям. Селигман М., Дарлинг Р.Б. подчеркивают: «Люди, занимающиеся отбором, обучением и тренингом молодых врачей, педагогов и социальных работников, должны помнить, что именно наличие или отсутствие определенных личностных характеристик составляет разницу между действительно специалистом – и тем, чьи действия лишь повергают в растерянность и уныние тех, кому он пытается помочь» [26, С.279].

Новые условия развития современного образования диктуют необходимость расширения профессиональных компетенций помогающих специалистов, предъявляют особые требования к их психологической готовности в условиях инклюзии. Всероссийский мониторинг Службы практической психологии образования был проведен в 2008 году Министерством образования и науки Российской Федерации совместно с Московским городским психолого-педагогическим университетом среди 6992 педагогов-психологов [16].

Результаты его показали, что только 18,9 % педагогов-психологов занимаются интеграцией ребенка с особенностями развития в образовательное поле массовой школы. Это обусловлено и особенностями профессиональной подготовки большинства школьных психологов, слабой материально-технической базой (у 41,1 % психологов отсутствовали отдельные помещения для работы), недостатком времени (психолог в школе нередко один) и другими факторами. По результатам мониторинга предложены стратегии модернизации Службы практической психологии в системе образования Российской Федерации.

Культурно-антропологический подход ориентирован на понимание глубинных изменений, произошедших в развитии современных детей, подростков и молодых людей, на раскрытие социокультурных, психофизиологических, иных резервов воспитания для совершенствования человека и человеческого сообщества.

Культурно-антропологические аспекты проблемы обучения и развития человека с особенностями развития определяют, что такой человек в большей мере, чем человек с общепринятой нормой психофизиологического здоровья нуждается в образовательных практиках и психологической помощи, которые удовлетворяют его особые

культурные потребности (Шувалов А. В.), обеспечивают «личную инклюзию» в мир человеческой культуры (Суворов А. В.), актуализируют и приведут в движение процессы саморазвития и самоосуществления (Назарова Н.М.).

С точки зрения представителей культурно-антропологического подхода особенно важным при оказании помощи детям с особенностями развития является определение особых культурных потребностей каждого ребенка и создание адекватной культурной среды, развивающей его личность.

Потребность в культуре – результат почти семимиллионнолетней эволюции человеческого рода. Развитие культуры, формы ее проявления и жизнедеятельности, весь спектр культурных явлений изучается в девятнадцати науках. В человекознании человек рассматривается как субъект (творец) и объект культуры. Гирц К., современный американский антрополог, связывает идею культуры с идеей образа жизни и поведения людей. Культура в его представлении – это символическая сеть (network), принадлежащая семиотическому контексту, но призванная описывать и объяснять социальную ткань общества [7].

В психологии культура определяется как совокупность материальных и духовных достижений, накопленных за период развития человеческого общества, которые используются в качестве условий развития и бытия человека в конкретное историческое время. Культура – явление коллективное, исторически детерминированное, воплощенное в рукотворном предметном мире, в знаково-символической форме, в социально-нормативном пространстве межличностных отношений [17].

Современная человеческая цивилизация находится в новом историческом состоянии, обозначаемом порой как «глобальная» или «информационная», в котором происходит не только взаимопроникновение различных социальных систем, культурная интеграция стран, но и обеспечивается активная представленность открытости мира человеку и человека всему миру, что способствует выходу человека за пределы привычной среды в новое пространство жизнедеятельности [7, 33, 34].

Современный ребенок живет и развивается в новой онтологической реальности информационного общества XXI века. Изменения современного ребенка связаны не только с социокультурными процессами, преобразовавшими общество, но и с эволюционными морфологическими изменениями, что проявляется в астенизации, деселерации, тенденции к леворукости, ювенилизации, грацилизации и андрогонии. Новые социокультурные, объективные процессы, диктуемые быстро меняющимся миром, предъявляют детям новые требования и, в

тоже время предоставляют им совсем другие возможности развития, чем это было десятилетия назад [8, 23, 33, 34].

Татьяна Ивановна Сулова полагает, что в основе культуры информационного общества лежит принципиальная возможность выбора нескольких вариантов кодирования и творческой переработки информации [31]. Пространство информационной культуры должно обеспечивать удовлетворение культурных потребностей всей когорты современных детей, побуждать осваивать их творчески-инновационные виды деятельности.

В XX веке человечество впервые за свою историю создало информационные технологии (компьютеры, портативные видеокамеры, мультимедиаальные дисковые системы, сотовая связь, виртуальные социальные сети, цифровая техника и др.), которые из простых систем обработки, хранения информации и виртуальных коммуникаций превратились в механизмы трансформации его собственного сознания. Расширяются коды доступа к образовательному культурному пространству через дистанционное образование, онлайн-библиотеки, культурно-просветительские порталы, видеотрансляции из знаменитых музеев мира и пр.

Мир жизнедеятельности, психологическая реальность людей с особенностями развития испытывает влияние изменившейся культурно-исторической ситуации.

Интенсивное развитие детской игровой и книжной индустрии привнесло качественно новый импульс в обучение и психолого-педагогическую коррекцию детей с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности. Современные развивающие игрушки и игры, разработанные с учетом экологии воздействия на детскую психику, книги, изготовленные по современным полиграфическим технологиям (с конгревным теснением, цветными рельефными рисунками, ароматизированными вставками, игровыми и движущимися элементами и др.), музыкальные книги, развивающие слуховое восприятие и художественный вкус у детей – все это существенно обогащает предметно-практическую среду детей с особенностями развития.

Современные информационные технологии помогают снизить воздействие культурной и когнитивной депривации на развитие детей с ограниченными возможностями. Культурная депривация возникает у ребенка при ограничении, лишении доступа к духовным и культурным ресурсам человечества, общественно-распространенным элементам родной культуры, а также при невозможности удовлетворения его особых культурных потребностей. Важнейшей культурной потребностью ребенка является потребность в общении со сверстниками в контексте детской субкультуры, а затем – подростковой.

По мнению Щербакова А.М., Шеманова А.Ю., дети с выраженной интеллектуальной недостаточностью испытывают значительную культурную депривацию в условиях современного общества, так как воспитываются в условиях культурной среды, которая отличается недоступным и сложным уровнем предъявляемых задач, что подвергает их самооценку резким, непрерывным и контрастным воздействиям. Именно создание адекватной культурной среды, учитывающей особые образовательные потребности, могло бы послужить основой для развития его личности и базой для повышения качества обучения. Адекватная культурная среда включает ребенка в доступную деятельность, обеспечивает позитивную личностную направленность [8, 23].

Условиями развития человека на всех этапах онтогенеза следует рассматривать развитие тех деятельностей, которые вводят человека в пространство современной ему культуры. Вне деятельности человек теряет высшую феноменологическую сущность: безусловное достоинство, чувство личности, стремление к большему и лучшему, свою личностную самостоятельность [17].

Задача коррекционно-развивающей педагогики, по мнению Зинченко В.П., состоит в том, чтобы вызвать у ребенка «вкус и волю» к целостной, культурной деятельности, предоставить средства для ее овладения. Процесс овладения ребенком должен содержать в себе единство воспроизводящей и креативной (творческой) тенденции [цит. по 5].

Валерия Сергеевна Мухина считает, что для понимания закономерностей личностного развития человека важно определить константы и переменные пространства человеческой культуры, ее значения и смыслы в конкретный исторический момент времени [17].

Лев Семенович Выготский (1896–1934), классик мировой психологии, лидер психологии развития XX века, названный американским философом Стефаном Тулмином «Моцартом в психологии», создал культурно-историческую концепцию общественно-исторического развития психики человека. Выготский рассматривал культурное развитие ребенка как «процесс вхождения ребенка в культуру», как специфический человеческий путь, имеющий свои закономерности, свои внутренние рамки и стадии [4]. Культурное развитие представляет собой особый вид развития, отличное от биологического и интеллектуального. Полноценное развитие психики ребенка обеспечивается через освоение общественно-исторического опыта в процессе обучения и воспитания. По мысли Выготского, мир идеальных (высших форм), мир культуры есть источник, из которого ребенок черпает образцы или образы. Идеальные, культурные образы обнаруживаются, сравниваются с собственными действиями ребенка, это сравнение и есть источник развития.

Выдающийся российский ученый полагает, что развитие ребенка с ограниченными возможностями всегда и при всех обстоятельствах представляет собой творческий процесс созидания и пересозидания личности ребенка на основе всех функций приспособления, образования новых – надстраиваемых, замещающих, выравнивающих процессов, порождаемых нарушением, и прокладывания новых, обиходных, бесконечно разнообразных форм и путей развития.

Лев Семенович Выготский напоминает, что для педагогов особенно важно знать своеобразие пути, по которому они должны повести ребенка. Это особый путь становления человека, его личности и индивидуальности, который востребует как от самого ребенка, так и от его воспитателей творческого отношения к построению этого пути, поскольку сопряжен с индивидуальным поиском компенсаций нарушения.

В 1970 гг. под руководством А. Н. Леонтьева, А. И. Мещерякова и кураторстве Л. Ф. Обуховой было организовано обучение четверых слепоглухих студентов на психологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Двое из них – А.В. Суворов и С.А. Сироткин имеют ученые степени и являются авторами научных и научно-популярных книг.

Александр Васильевич Суворов вспоминает особенности своих школьных и студенческих лет в статье «Инклюзивное образование и личная инклюзия». Он считает, что «образование должно включать, интегрировать, вводить в культуру», благодаря чему у каждой личности возникает индивидуальный вариант культуры, свой вариант «соавторства с человечеством». Образование для каждого из нас – это, прежде всего, включение в культуру. Создание индивидуального варианта культуры у ребенка является приоритетной целью образования. Приобщение ребенка с особенностями развития к культуре человечества представляет собой личностную инклюзию, что возможно в благоприятных условиях совместной педагогики. А. В. Суворов постулирует, что для достижения успешного результата личной инклюзии «...лучше всего, когда учитель и ученик – вдвоем. Другие люди подключаются по мере необходимости. А в основном – вдвоем» [30. С.27-32].

Ведущими общественными тенденциями XXI века являются развитие инклюзивного образования и обеспечение интеграции людей с особенностями развития в общекультурное, образовательное и жизненное пространство социума. В центре внимания представителей эволюционных мировоззренческих подходов находится человеческий «фактор». Человеческий фактор обеспечивается, как высоким профессионализмом помогающего специалиста, так и его способностью к «духовному соприкосновению (Флоренская Т.А.), «диалогическим прорывом» (Копьев А.Ф.), «встречей в со-бытии» (Слободчиков В.И.) [27. 40].

Милтон Селигман, Розалин Дарлинг подчеркивают, что никакие

психологические тренинги не сделают нетерпимого человека терпимым, равнодушного – дружелюбным, узколобого – всепонимающим [26].

Личность воспитывается личностью, духовность рождается духовностью, доброта рождается добротой. Анатолий Борисович Орлов пишет: «И кем бы ни был тот, кто стремится способствовать гуманизации действительности, – психотерапевтом, педагогом или политиком, он сможет содействовать этому процессу только в том случае, если сначала проделает определенную внутреннюю работу с самим собой». Каждый, кто стремится воплотить и утвердить сначала в самом себе, а затем и во взаимоотношениях других людей *rah humana* (гуманный мир) должен пройти «лабораторию» гуманизма», двери которой открыты Карлом Роджерсом [18. С.31].

Современные эволюционные мировоззренческие подходы формируют новые смыслы и ориентиры в оказании социальной, психологической, педагогической, волонтерской помощи людям с особенностями развития.

Список литературы:

1. Авдеева, Н. Н. Личностно-ориентированное взаимодействие персонала с воспитанниками дома ребенка как условие социально-эмоционального развития детей / Н.Н. Авдеева // Психологическая наука и образование. – №1. – 2011.
2. Васильева, О. С. Этапы индивидуальной психокоррекции детей и подростков группы «риска» / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы – №3. – 1999.
3. Включающее образование: осмысление инклюзивной практики // Психологическая наука и образование. – № 3.– 2011.
4. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М.: Из-во Смысл; Из-во Эксмо, 2003.
5. Гонеев, А. Д. Основы коррекционной педагогики / А. Д. Гонеев, Н. И. Лифинцева, Н. В. Ялпаева. – М.: Академия, 2007.
6. Дети в России // ЮНИСЕФ: Сб. статей. Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009.
7. Добреньков, В. И., Социальная антропология / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2005.
8. Инклюзивный подход и сопровождение семьи в современном образовании // Психологическая наука и образование. – № 1.– 2011.
9. Клакхон, К. К. М. Зеркало для человека. Ведение в антропологию / К. К. М. Клакхон. – СПб: Евразия, 1998.

10. Корнилова, Т. В. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – М.: Юрайт, 2011.
11. Ле Шан, Э. Психология ребенка / Э. Ле Шан. – М.: Олма, 2008.
12. Леонтьев, Д. А. Специфика ресурсов и механизмов психологической устойчивости студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного образования / Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова, А.А. Лебедева // Психологическая наука и образование. – № 3.– 2011.С.81
13. Лэндретт, Г. Л. Игровая терапия: искусство отношений / Г.Л. Лэндретт // Методы эффективной коррекции: Хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2003.
14. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999.
15. Менегетти, А. Введение в теорию онтопсихологической музыкотерапии / А. Менегетти // Методы эффективной коррекции: Хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 2003.
16. Метелькова, Е. И. О стратегии модернизации Службы практической психологии образования как инструмента социального развития системы образования / Е. И. Метелькова // Психологическая наука и образование. – № 2.– 2010.
17. Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. С. Мухина. – М.: Издательский центр «Академия», 2011.
18. Орлов, А. Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики / А.Б. Орлов. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
19. Пономаренко, В. А. Психология духовности / В.А. Пономоренко. – М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1998.
20. Проект Федерального государственного образовательного стандарта (среднее, (полное) общее образование) от 15 апреля 2011 г.
21. Проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 15 июля 2011г.).
22. Психология: учеб. / В. М. Аллахвердов, С. И. Богданова и др.; отв. ред. А. А. Крылов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.
23. Развитие и обучение современного ребенка / Психологическая наука и образование. – №2. – 2010.
24. Роджерс, К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Р. Роджерс. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994.
25. Салов, Ю. И. Психолого-педагогическая антропология / Ю.И. Салов, Ю. С. Тюнников. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.
26. Селигман, М. Обычные семьи, особые дети. Системный подход к помощи детям с нарушениями в развитии / М. Селигман, Р.Б. Дарлинг. – М.: Теревинф, 2007.

27. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учебное пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. - М.: Школьная пресса, 2000.
28. Специальная педагогика / под ред. Н. М. Назаровой. – М.: Академия, 2007.
29. Столяренко, В. Е. Антропология – системная наука о человеке. / В.Е. Столяренко, Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д., 2004.
30. Суворов, А. В. Инклюзивное образование и личная инклюзия / А.В. Суворов // Психологическая наука и образование. – № 3.– 2011.
31. Сулова, Т. И. Интернет-фольклор как форма межкультурной коммуникации / Т.И. Сулова // Дефиниции культуры. – Томск: ТГУ. – №8.– 2009.
32. Усанова, О. Н. Специальная психология / О. Н. Усанова. – СПб.: Из-во «Питер», 2008.
33. Фельдштейн, Д. И. Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума /Д.И. Фельдштейн // Психологическая наука и образование – №1. – 2012.
34. Фельдштейн, Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития /Д.И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – №3. – 2010.
35. Франкл, В. Воля к смыслу /В. Франкл. – М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000.
36. Фрейджер, Р. Личность: теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – СПб. : Из-во Еврознак, 2006.
37. Фролов, И. Т. Многомерный образ человека. Комплексное междисциплинарное исследование человека. /И. Т. Фролов – М.: Наука, 2001.
38. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э.Фромм. – М.: Республика, 1993.
39. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М.: «Прогресс», 1992.
40. Шувалов, А. В. Антропологический подход к проблеме психологического здоровья /А.В. Шувалов // Вопросы психологии – №5. – 2011.

ГЛАВА 2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

СТРУКТУРИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ¹

Е.М.Покровская, Д.В.Озеркин

В настоящее время инфокоммуникационное пространство асимметрично и личностно обусловлено. Негативная составляющая превалирует над позитивным и нейтральным информационными потоками. Психолого-интеллектуальные характеристики личности, его опыт и комплекс социальных признаков влияют на процесс восприятия, фильтрации и воспроизводства информации при коммуникации.

С целью снижения негативного влияния асимметрии требуется при взаимодействии использовать не симпатический подход, заключающийся в умении поставить себя на место другого, но при этом действовать исходя из собственной мировоззренческой матрицы, собственной картины мира в предлагаемых обстоятельствах, а сделать выбор в пользу эмпатического подхода, позволяющего не просто «встать» на место другого, а смоделировать развитие ситуации с точки зрения мировоззренческих установок Другого, опираясь на такие поведенческие паттерны, которые он сам бы использовал в предлагаемой ситуации.

Для максимальной реализации эмпатического подхода необходима трансформация существующей парадигмы диалога в полилог, где существуют принципиальная возможность возврата к ранним стадиям коммуникационного процесса, критическое отношение к стереотипам, способность к рефлексии готовых поведенческих паттернов. Полилогичность мышления, таким образом, связана не только с социокультурным окружением, но и с коммуникативной компетенцией личности, т.е. коммуникативной личностью [1. С.180].

Предложенная дескриптивная модель обеспечения информационно-коммуникационной безопасности (ИКБ) личности в общем виде может быть описана как четырехкомпонентная модель коммуникационного взаимодействия, где коммуникация – это синхронное и диахронное взаимодействие [1. С.65]. Базовыми характеристиками коммуникативного взаимодействия выступают целесообразность и функциональность. По словам А.В. Соколова: «... бред – это не коммуникационный акт» [2. С.24]. Для обеспечения ИКБ личности важно учитывать именно данные

¹ Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

параметры, поскольку необходима фильтрация информации, когда источник передает информацию, имеющую смысл для получателя, но, не имея цели или намерения ее передачи.

В силу того, что коммуникация сложный и комплексный феномен описание модели обеспечения ИКБ личности последовательно проходит в рамках двух теоретических традиций [1. С.70]:

1. Кибернетической/процессно-информационной, в которой коммуникация рассматривается как процесс механического перемещения определенных объемов информации от одного субъекта к другому, имеющий определенный эффект, т.е. процесс обработки информации. Для обеспечения безопасности в данном подходе важно избегать сбоев в процессах обработки информационных потоков, являющихся следствием шума, информационных перегрузок или несоответствия структуры функции. Применительно сознания субъекта определенная линейность отношений актуализирует сложность и непредсказуемость реакций индивида напрямую связанных со степенью сформированности и возможности развития свойства полиментальности, присущего коммуникативной личности.

Полиментальность может рассматриваться как необходимая предпосылка эффективности взаимодействия. Современное мировое сообщество стремительно входящее в глобальное пространство становится все более сложным и плюралистичным. Мышление и сознание людей становится многопозиционным, значительно отличаясь от сознания человека с иерархически организованными установками, нормами и ценностями. Другими словами, возникающие новые менталитеты пересекаются в сознании людей, образуя некую многоплановую мозаику, и преломляясь через призму индивидуальных интеллектуально-психологических особенностей личности, образуют такое ее свойство как «полиментальность».

Мы рассматриваем «полиментальность» как интегральную характеристику человека, проявляющуюся в коммуникативной деятельности, как функциональный субстрат индивидуального (личностного) сознания, обусловленный спецификой деятельности человека и устойчивыми психолого-интеллектуальными особенностями. Полиментальность, рассматриваемая как интегральное свойство, представляет собой совокупность наиболее устойчивых и постоянно проявляющихся особенностей человека в процессе коммуникации, направленных на проникновение в ментальный фон интеркоммуниканта и выстраивание диалога, исходя из концептуального каркаса интеркоммуниканта, которые обеспечивают определенный качественно-количественный уровень эффективности взаимодействия на межкультурном и социокультурном уровнях для данного человека.

Полиментальность, рассматриваемая как процесс, (закономерное, последовательное изменение) имеет фазы или стадии: начало (возникновение), течение (экстенсивное или интенсивное развитие, стагнацию, деградацию и др.), окончание. Процессуальный аспект изучения феномена полиментальности основывается на выделении его временных характеристик: длительности и устойчивости фаз и стадий. Можно выделить следующие стадии развития полиментальности:

а) стадия мономентальности, когда человек способен к реализации процесса коммуникации, но не обладает достаточным набором качеств, позволяющих эффективно взаимодействовать, а результативность его коммуникативной деятельности невысокая;

б) стадия биментальности, когда человек демонстрирует стабильно высокие результаты в коммуникации, и актуализировано диалогическое общение на когнитивном и прагматическом уровнях с охватом и расширением интеллектуальной сферы субъекта с последующим переходом к интенциональному общению, обладание психологическими и социокультурными особенностями своей и другой культурной (социальной) группы, признание бикультурной компетенции на основании правилосообразной коммуникации, знания «иного» глобального культурного контекста и осознания необходимости усилия при изменении когнитивной схемы, допущение мировосприятия «по-другому»;

с) стадия полиментальности, когда человек демонстрирует стабильно высокие результаты в коммуникации (шум и сбои исключены), умеет использовать правильную эмоциональную, образную, стилистически маркированную речь, выбирать и гибко варьировать активные стратегии и тактики общения, интерпретировать и понимать взгляды и поведение представителей других культур (субкультур) на основе этноменталеведческих синтезирующих умений (умений распремечивать понятийное содержание концептов, производить комплексный анализ информационного посыла с последующим составлением ассоциогаммы), а также подразумевает переструктуризацию собственной «модели мира».

Полиментальность, рассматриваемая как состояние человека-интеркоммуниканта, может быть внутренне и внешне наблюдаемой. Внутренне наблюдаемое состояние полиментальности – это зафиксированное сознанием субъекта на определенный момент времени интегральное ощущение благополучия (неблагополучия) в тех или иных коммуникативных дискурсах.

Внешне наблюдаемое состояние полиментальности – это степень благополучия, определяемая по внешним признакам: поведенческая диспозиция интеркоммуникантов, их психическое состояние.

Полиментальность, понимаемая как состояние, активизирует регулятивные функции адаптации субъекта в различных ситуациях межкультурного и внутрикультурного взаимодействия.

Свойство полиментальности как совокупность определенных признаков, связанных единым механизмом возникновения и развития, представляет собой одну из важнейших сторон индивидуальности человека, духовного развития личности. Полиментальность проявляется в способности человека эффективно и безопасно реализовывать процесс коммуникации, преодолевая объективные и субъективные трудности, возникающие в процессе взаимодействия на межкультурном и внутрикультурном уровнях, обеспечивая противодействие негативному информационному влиянию.

2. Социально-психологической традиции, где коммуникация опосредована и детерминирована психологическими факторами (подсознательными комплексами, установками и стереотипами, эмоциональными состояниями, неосознаваемыми конфликтами и т.п.). Эти факторы могут трансформироваться по ходу социального взаимодействия.

В нашей работе модель обеспечения ИКБ личности представлена как транзакционная модель, сочетающая элементы математической модели Шеннона-Уивера, модели Джорджа Гербнера и социально-психологической модели Теодора Ньюкомба, собирающая воедино их достоинства.

В модели Шеннона-Уивера, нацеленной, прежде всего, на решение проблем коммуникации адресата, коммуникатор выбирает сообщение из набора доступных ему возможных сообщений – пространство информационных выборов. При этом цель источника и цель коммуникации – уменьшение уровня неопределенности (энтропии) у получателя. Как источнику, так и реципиенту известна размерность исходного пространства информационных выборов.

С целью обеспечения ИКБ личности важно учитывать цель коммуникации как снижение уровня энтропии у получателя, но из-за отсутствия обратной связи коммуникатор оказывается не в состоянии отследить изменение уровня и степень опасности влияния информационных потоков. Обратная связь между коммуникатором и адресатом заключается в том, что сигнал передается в направлении обратном нормальному, т.е. не от коммуникатора к адресату, а наоборот. Заметим, что обратная связь сильно изменяет свойства модели коммуникации.

Модифицируем данную модель Шеннона-Уивера с учетом наличия обратной связи между коммуникатором и адресатом. Для математического описания модифицированной модели можно

воспользоваться системой дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами. Учитывая, что исследователя, как правило, интересует реакция адресата на некоторое входное воздействие, исходная система дифференциальных уравнений может быть приведена к единому уравнению высокого порядка вида

$$a_n \frac{d^n}{dt^n} u_{\text{вых}} + a_{n-1} \frac{d^{n-1}}{dt^{n-1}} u_{\text{вых}} + \dots + a_0 u_{\text{вых}} = b_m \frac{d^m}{dt^m} u_{\text{вх1}} + b_{m-1} \frac{d^{m-1}}{dt^{m-1}} u_{\text{вх1}} + \dots + b_0 u_{\text{вх1}} + \\ + c_l \frac{d^l}{dt^l} u_{\text{вх2}} + c_{l-1} \frac{d^{l-1}}{dt^{l-1}} u_{\text{вх2}} + \dots + c_0 u_{\text{вх2}}, \quad (1)$$

где $u_{\text{вх1}}$ и $u_{\text{вх2}}$ – мгновенные значения входных возмущений, приложенных к различным каналам коммуникатора; a_i , b_i , c_i – постоянные коэффициенты, содержащие суммы и произведения параметров элементов, входящих в состав канала передачи.

Воспользовавшись операторной формой записи уравнений, т.е. обозначив $\frac{d^i}{dt^i} = p^i$, уравнение (1) можно представить в виде

$$(a_n p^n + a_{n-1} p^{n-1} + \dots + a_0) u_{\text{вых}} = (b_m p^m + b_{m-1} p^{m-1} + \dots + b_0) u_{\text{вх1}} + \\ + (c_l p^l + c_{l-1} p^{l-1} + \dots + c_0) u_{\text{вх2}}. \quad (2)$$

Уравнение (2) позволяет получить передаточную функцию процесса коммуникации по выбранному входному возмущению, под которой понимается выражение

$$W_1(p) = \frac{u_{\text{вых}}}{u_{\text{вх1}}} = \frac{b_m p^m + b_{m-1} p^{m-1} + \dots + b_0}{a_n p^n + a_{n-1} p^{n-1} + \dots + a_0}. \quad (3)$$

При получении (3) предполагается, что $u_{\text{вх2}} = 0$. Такое допущение справедливо, если предположить, что процесс коммуникации сводится к линейной системе, для которой существует принцип суперпозиции, т.е. реакция на сумму воздействий равна сумме реакций на каждое отдельно взятое воздействие.

По аналогии с ранее проделанным, передаточная функция по входному возмущению $u_{\text{вх2}}$ имеет вид

$$W_2(p) = \frac{u_{\text{вых}}}{u_{\text{вх2}}} = \frac{c_l p^l + c_{l-1} p^{l-1} + \dots + c_0}{a_n p^n + a_{n-1} p^{n-1} + \dots + a_0}. \quad (4)$$

Используя передаточные функции (3) и (4), уравнение (2) можно представить в виде

$$u_{\text{вых}} = W_1(p) u_{\text{вх1}} + W_2(p) u_{\text{вх2}}. \quad (5)$$

Полученную передаточную функцию (5) назовем передаточной функцией в операторной форме.

Обязательным условием любого процесса коммуникации, без соблюдения которого нельзя выполнить возлагаемые на него функции, является устойчивость. Свойство устойчивости означает, что конечные

изменения входного сигнала и действия, небольших наперед заданных значений, внешних возмущений или ограниченные изменения самих параметров процесса коммуникации не приводят к значительным, неограниченным отклонениям выходного сигнала. Эти неограниченные отклонения выходного сигнала могут выражаться в увеличении или уменьшении до максимально или минимально возможного значения.

Любой процесс коммуникации с заданной степенью точности можно описать дифференциальным уравнением вида (1). Если известно решение этого уравнения входного воздействия произвольного вида, то известен и процесс коммуникации во всех других условиях, т.е. при произвольных возмущающих воздействиях. Решение данного уравнения можно рассматривать как некоторую траекторию движения в пространстве параметров процесса коммуникации:

$$u_{\text{ВЫХ Н}} = F(t, u_{\text{ВХ}}, a_i, b_i, c_i). \quad (6)$$

Уравнение (6) – это невозмущенное движение системы.

Если в процессе коммуникации действует некоторое непредвиденное внешнее возмущение $u_{\text{ВОЗМ}}$, то поведение системы будет выглядеть

$$u_{\text{ВЫХ В}} = F(t, u_{\text{ВХ}}, u_{\text{ВОЗМ}}, a_i, b_i, c_i). \quad (7)$$

Выражение (7) для возмущенного движения также описывает некоторую траекторию движения в пространстве параметров процесса коммуникации. Отличие возмущенного и невозмущенного движений процесса коммуникации можно записать как

$$e(t) = u_{\text{ВЫХ В}} - u_{\text{ВЫХ Н}}. \quad (8)$$

и использовать для математического определения понятие устойчивости процесса коммуникации.

С точки зрения функции (8) невозмущенному движению системы соответствует точка начала координат пространства параметров процесса коммуникации. Тогда, свойство устойчивости системы можно определить по виду функции (8), возникающей при кратковременном воздействии в процессе коммуникации какого-либо внешнего возмущения.

Процесс коммуникации устойчив (стабилен), а следовательно и безопасен, если для любых отклонений его параметров или внешних возмущений, действующих в момент t_0 и вызывающих отклонения $e(t_0)$, лежащие в некоторой конечной области S_0 , величина $e(t)$, при $t \rightarrow \infty$ не превысит некоторого заданного значения H , т.е. максимум $e(t) \leq H$ при $t \rightarrow \infty$.

Геометрическая интерпретация данного условия показана на рис. 1.

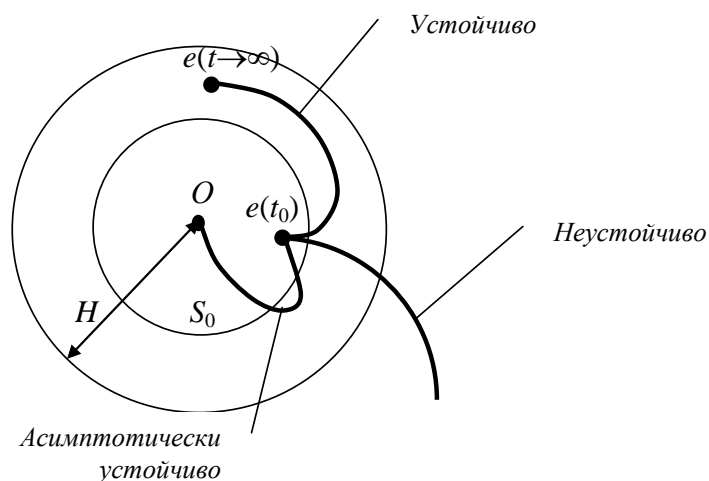

Рисунок 1. Геометрическая интерпретация устойчивости процесса коммуникации

Если сформулированное условие не выполняется, то процесс коммуникации неустойчив, и как следствие, небезопасен, а его эффективность не гарантирована.

Отметим, что свойство устойчивости относится к процессу коммуникации, содержащему обратную связь. Это может быть либо внутренняя связь, обусловленная свойствами инфокоммуникационного процесса, либо внешняя обратная связь, выполненная путем введения в процесс специальных субъектов коммуникации. В любом случае, если обратная связь отсутствует, то процесс коммуникации является разомкнутым и понятие устойчивости к нему неприменимо.

Продолжая традицию, заложенную Шенноном и Уивером, Д. Гербнер [1. С.115] предложил модель коммуникации, подразумевающую, что сам коммуникативный процесс – это процесс субъективный, избирательный, изменчивый и слабо предсказуемый. Данный подход способен описывать как простые, опосредованные техническими устройствами информационные взаимодействия, так и более сложные, в частности те, в которые включены средства массовой коммуникации. Также важным достоинством является появление еще одного компонента – связи между миром событий и миром сообщений, создающейся коммуникаторами. Здесь главную роль играет социокультурное окружение и условия коммуникативной ситуации. В этом контексте проявляются манипулятивные механизмы, тайное принуждение личности.

Для обеспечения ИКБ личности важно проводить анализ ощущений, доступности и возможностей использования коммуникативных средств. Однако, вместе с тем, рассматриваемая модель имеет ряд недостатков. В явном виде не выявлены коммуникативные шумы, сказывающиеся на эффективности взаимодействия и ИКБ личности.

Для более полного и всеобъемлющего понимания социально-психологического содержания (появившееся у Гербнера и отсутствующее у Шеннона-Уивера), обратимся к модели Т. Ньюкомба [1. С. 122]. Недостаток модели в том, что она не объясняет механизм процесса коммуникации.

Для преодоления механистичности модели Шеннона-Уивера, дополнив модель Гербнера и, используя условия коммуникации в модели Ньюкомба, предложим в качестве базовой модели обеспечения ИКБ личности транзакционную модель коммуникации.

Данная модель позволяет не только отфильтровать информационные угрозы, выделить полезные сигналы, определить информационный шум, но и откорректировать свое коммуникативное поведение в соответствии с собственными пределами реагирования на информационные стимулы, заданными свойством полиментальности, обеспечить безопасность за счет перемещения в зоны нечувствительности субъекта.

В настоящее время практически не подвергается сомнению тот факт, что человек для реализации своего социального поведения в обществе нуждается в постоянном притоке информации. Постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой, в которой он действует как активный социальный субъект, является одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности.

Усложнение и динамичность социальных процессов в обществе, влияние происходящих общественных изменений непосредственно на повседневную жизнь человека делают его все более зависимым от потока сообщений средств массовой коммуникации. Все меньше сведений, необходимых для своего социального поведения и жизни в обществе, он может получить, основываясь только на своем повседневном опыте. Все больше необходимой социальной информации он получает из теле- и радиопрограмм, периодических изданий.

Особенно ярко это проявляется в формировании мнений по вопросам, которые не находят отражения в его непосредственном опыте, например, об обстановке в других городах, регионах, странах, о политических лидерах, об экономической конъюнктуре и т.п. Но средства массовой информации в большинстве своем не дают возможности сориентироваться в окружающей обстановке, так как заняты борьбой за аудиторию, используя для этого сенсационность и другие приемы привлечения внимания, различные методы манипулятивного воздействия на психику людей

Манипулирование людьми, а именно использование различных средств и технологий информационно-коммуникационного воздействия стало достаточно обычным явлением в повседневной жизни. Масштабность и мощь воздействия информационных факторов на

психику людей выдвигает обеспечение информационно-коммуникационной безопасности в современных условиях на уровень общенациональной проблемы.

Именно человек как личность и активный социальный субъект, его психика подвержены непосредственному действию информационных факторов, которые трансформируясь через его поведение, действия (или бездействие), оказывают дисфункциональное влияние на социальные субъекты разного уровня общности, различной системно-структурной и функциональной организации.

Выделение информационно-коммуникационной безопасности из общей проблематики информационной и психологической безопасности в качестве самостоятельного направления определяется следующими основными причинами:

во-первых, в связи с переходом к информационному обществу (информационной цивилизации), увеличением масштабов и усложнением содержания и структуры информационных потоков и всей информационной среды многократно усиливается ее влияние на психику человека, а темпы этого влияния стремительно возрастают. Это определяет необходимость формирования новых механизмов и средств выживания человека как личности и активного социального субъекта в современном обществе;

во-вторых, взаимодействие психики человека с информационной средой отличается качественной спецификой и не имеет адекватных аналогов в информационном взаимодействии других биологических структур, технических, социальных и социотехнических систем;

в-третьих, основной и центральной «мишенью» информационного воздействия является человек, его психика. Именно от отдельных личностей, их взаимосвязей и отношений зависит нормальное функционирование социальных субъектов различного уровня сложности, любых общностей и социальных организаций - от малой группы до населения страны в целом.

Общим источником внешних угроз информационно-психологической безопасности личности является та часть информационной среды общества, которая в силу различных причин неадекватно отражает окружающий человека мир. То есть информация, которая вводит людей в заблуждение, в мир иллюзий, не позволяет адекватно воспринимать окружающее и самого себя.

Рассмотрим, какие могут быть источники, повышающие степень неадекватности информационной среды общества. В группу источников угроз можно объединить действия тех людей, которые, преследуя собственные цели, добиваются этого, используя различные способы информационно-психологического воздействия на других без учета их

интересов, а зачастую, просто вводя в заблуждение, действуя вразрез с их интересами и нанося им ущерб. Это деятельность различных лиц - от политических лидеров, государственных и общественных деятелей, представителей средств массовой коммуникации, литературы и искусства, до повседневных наших партнеров по межличностному взаимодействию.

Кроме этого большую опасность для личности может представлять деятельность различных группировок и объединений людей, в частности, некоторых политических партий, общественно-политических движений, националистических и религиозных организаций, финансово-экономических и коммерческих структур, лоббистских и мафиозных групп и т.п. Их деятельность становится опасной, когда для достижения своих целей они начинают применять различного рода средства информационно-психологического воздействия, изменяя посредством этого поведение людей таким образом, что наносится ущерб их же интересам. Широко известны примеры деятельности такого рода некоторых религиозных сект, провоцирования национально-этнических конфликтов, недобросовестной рекламы, в частности, нашумевшая история с АО «МММ» (у которого не было проблем, но эти проблемы возникли у большинства его клиентов).

В качестве основных средств информационно-психологического воздействия на человека в обобщенном виде выделяются следующие:

- средства массовой коммуникации (в том числе информационные системы, например, интернет и т.п.);
- литература (в том числе, художественная, научно-техническая, общественно-политическая, специальная и т.п.);
- искусство (в том числе, различные направления так называемой массовой культуры и т.п.);
- образование (в том числе, системы дошкольного, среднего, высшего и среднего специального государственного и негосударственного образования, система так называемого альтернативного образования и т.п.);
- воспитание (все разнообразные формы воспитания в системе образования, общественных организаций - формальных и неформальных, система организации социальной работы и т.п.);
- личное общение.

Внутренние источники угроз информационно-психологической безопасности личности заложены в самой биосоциальной природе психики человека, в особенностях ее формирования и функционирования, в индивидуально-личностных характеристиках индивида.

В силу этих особенностей люди отличаются степенью восприимчивости к различным информационным воздействиям, возможностями анализа и оценки поступающей информации и т.д. Кроме

индивидуальных особенностей есть и определенные общие характеристики и закономерности функционирования психики, которые влияют на степень подверженности информационно-психологическому воздействию и присущи большинству людей [3. С. 84].

Так, например, в кризисных изменениях общества повышается внушаемость людей, и, соответственно, возрастает подверженность информационно-психологическим воздействиям. Она также возрастает в условиях нахождения человека в массовых скоплениях людей, в толпе, на митинге, демонстрации. С человеком происходит своеобразное психическое заражение определенным психоэмоциональным состоянием, что, например, достаточно ярко проявляется на различных зрелищных мероприятиях. Грубо говоря, срабатывает стадный инстинкт, чем и пользуются политические деятели, да и государство в целом. В современном обществе люди не стремятся узнать о собственных психологических характеристиках и способах использования своих психологических возможностей, поэтому, сами того не подозревая, «позволяют» другим манипулировать собой.

Было бы неверно полагать, что манипулирование информацией, психологические манипуляции с людьми есть открытие современного общества и связано лишь с функционированием средств массовой коммуникации. Переход к информационному обществу лишь способствует трансформации психологических манипуляций и переносу их применения из таких относительно ограниченных сфер общественной жизни, как политика, дипломатия, военное искусство, торговля и некоторых ситуаций межличностного взаимодействия (например, «придворно-аппаратные» и любовные интриги, экономические аферы и мошенничество, азартные игры и т.п.), в область массового использования, как технологии и идеологии социального взаимодействия и общения людей в современном обществе. Современные условия придали, по сути, информационно-психологическому воздействию и использованию психологических манипуляций в коммуникационных процессах практически характер всеобщности.

Применительно обеспечения ИКБ личности, заметим, что манипуляция - это система игр, регламентирующая всю систему взаимодействия с миром, позволяющая эксплуатировать и контролировать как себя, так и других.

Рассмотрение психологических манипуляций в межличностном взаимодействии можно и даже целесообразно осуществлять с позиции исследователя-аналитика. Данная позиция позволяет провести анализ этого процесса, вскрывая его содержание как бы с двух полюсов одновременно: со стороны инициатора – актора манипулятивного воздействия и объекта – адресата манипуляции.

Подход со стороны инициатора манипуляции необходимо знать при организации защитных процедур, так как при защите, адресат воздействия может становиться на позицию субъекта, актора манипулятивного воздействия.

Совершенно иная ситуация возникает когда человек является объектом информационно-коммуникационного воздействия.

Каким бы опытом выявления психологических манипуляций человек не обладал, он не в состоянии организовывать и осуществлять в полном объеме встречное контрманипулятивное воздействие. Это происходит, прежде всего, потому, что каналы средств массовой коммуникации являются односторонним инструментом информационно-коммуникационного воздействия их владельцев на потребителей информации. Причем зачастую это воздействие осуществляется помимо воли адресата, например, когда информирование выступает в роли некоего фона в местах, где человек в то или иное время вынужден находиться. Что бы по этим каналам не распространялось, человек не может повлиять на источник информационно-психологического воздействия и таким образом, вынужден воспринимать информацию, в которую хитроумно вплетена специалистами паутина психологических манипуляций [З.С.234]. Наиболее простой способ это отключение от канала, но при этом происходит отключение и от информационных потоков, без которых в современном мире зачастую невозможно обходиться и удовлетворять собственные информационные потребности.

Степень вредного воздействия зависит от способности субъекта справляться с негативным влиянием или подчиняться ему. Принуждение есть всегда, мы постоянно испытываем его на себе в разных сферах нашей жизнедеятельности. Полностью ограничить себя от негативного воздействия со стороны средств массовой коммуникации и социокультурного пространства невозможно. Возможно научиться более качественно фильтровать и анализировать поступающую информацию и оставаться при своем мнении, не обращая на навязывание чужой, негативной точки зрения внимание.

В настоящее время одной из самых востребованных социальных и культурных моделей, на наш взгляд, является модель кросскультурного диалога в коммуникативных практиках. Острая общественная потребность в преодолении разногласий в процессе кросскультурного взаимодействия путем рационально мотивированного выбора и достижения возможного консенсуса на основе совместно выработанных решений рассматривается Ю. Хабермасом как одна из важнейших задач коммуникативных отношений. Под коммуникативными философ понимает «такие интеракции, в которых их участники согласовывают и координируют планы своих действий, при этом достигнутое в том или

ином случае согласие измеряется субъективным признанием притязаний на значимость» [4. С. 91], т.е. на истинность, правильность и правдивость. Результатом такого процесса должны быть согласованные целерациональные практические действия, представляющие собой единство цели, средства и результата.

Развивая данную идею и опираясь на современные наработки теории коммуникации, предложим концепцию прогнозирования эффективности языковой коммуникации, характеризуемую как полилог. Минимальными, но необходимыми условиями полилога являются наличие:

- предмета, по поводу которого строится общение;
- субъектов коммуникации;
- общего языка интеркоммуникантов;
- регламента коммуникативной ситуации.

В проблеме определения эффективности взаимодействия на кросскультурном уровне предметом полилога являются различные темы из сферы жизнедеятельности человека. Для осуществления подлинного диалога нам необходимо иметь или создать образы конкретного предмета общения, гештальтов, выраженных в словесно-понятийной форме. От того как точно они будут представлены в общественном сознании и в сознании отдельного индивидуума – субъекта коммуникации для понимания и точной реконструкции данных образов в сознании другого интеркоммуниканта зависит эффективность процесса кросскультурного взаимодействия. Именно тождественность ментальных структур обеспечивает возможность эффективной коммуникации, а различие обуславливает проблемы понимания при взаимодействии на межкультурном и социокультурном уровнях.

В связи с вышеизложенным, сформулируем концепцию предмета полилога. Для создания образа коммуникативного концепта (КК) принята аддитивно-мультипликативная модель обобщенного динамического показателя эффективности взаимодействия на всех стадиях ее существования и развития, определяемая показателями: «значимость коммуникативного события», «значимость личного вклада», «значимость вклада интеркоммуниканта» и т.п.

Основным элементом полилога являются люди – субъекты полилога. Субъекты полилога: представитель одной социальной общности, представитель одной культуры, представитель иной социальной общности, но одинаковой культуры, представитель одной социальной общности, но иной культуры и пр. в большинстве случаев привносят элемент нового, того, что еще не существовало в социокоммуникативной практике (рис. 2).

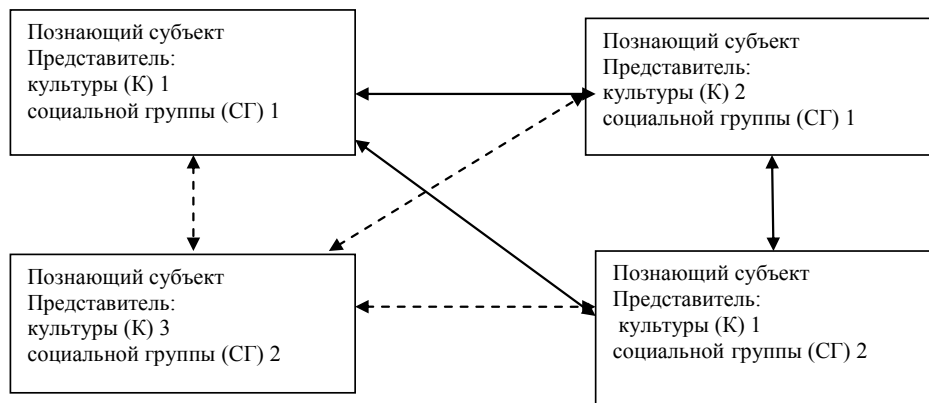

Рисунок 2. Состав и связи субъектов полилога в процессе коммуникативного прогнозирования

В проблеме определения эффективности взаимодействия процесса коммуникативной деятельности на межкультурном и социокультурном уровнях только язык, принятый в данном социуме для общения, способен своими терминами и характеристиками охватить и опосредовать тактико-психологические, социальные, интеллектуальные и этнические концепты и правила. Это, чаще всего, система оценок: «тема – субъект – результат» (рис. 3).

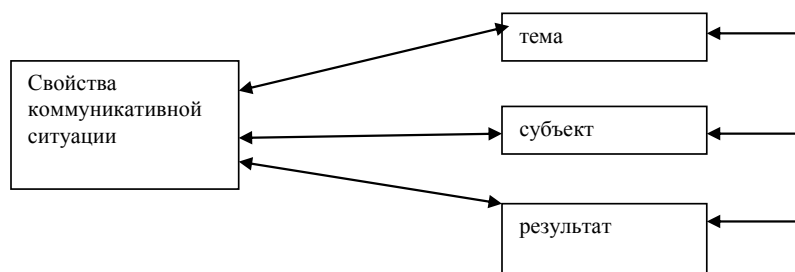

Рисунок 3. Модель общего языка диалога

Традиционный регламент диалога – линейная схема этапов развития (разработка темы → учет интеркоммуниканта → разработка предложений → анализ и синтез → консенсус → взаимообогащение). Но эффективным процессом коммуникации будет считаться тот, который максимально соответствует основным принципам процесса эффективного взаимодействия, в котором линейная схема должна быть пересмотрена в пользу «герменевтического круга», т.е. в регламенте полилога необходимо предусмотреть этапы возвращения к ранним стадиям развития и нахождения консенсуса. По словам Г.Г.Гадамера, «это значит, что вдруг

становятся совершенно прозрачными причины, по которым другой говорит, то, что он говорит» [5. С. 48]

Никакое нововведение, концепт не переходит непосредственно из ума одного из интеркоммуникантов в ментальность другого. На своем пути ему необходимо пройти ряд последовательных этапов. Важной особенностью регламента полилога является последовательный, параллельный и взаимосвязанный анализ и синтез информации в процессе решения задачи нахождения «своего», «знакомого» среди аналогичных понятий на каждом этапе, выбранных с учетом непрерывности коммуникации. Напряженное усилие воли к пониманию начинается с ощущения столкновения с чем-то чуждым, провоцирующим, дезориентирующим, тем, что не укладывается в наши начальные ожидания и первичные схемы нашей мироориентации. Именно через полилогическое общение раскрывается сущность понимания, когда понимающий изначально вовлечен в сферу понимаемого (за счет свойства полиментальности субъекта – интегральной характеристики человека, проявляющейся в коммуникативной деятельности, как функциональный субстрат индивидуального (личностного) сознания, обусловленный спецификой деятельности человека и устойчивыми психолого-интеллектуальными особенностями), понимание предполагает истолкование (заключенное не в реконструировании замысла, а в конструкции смысла), которое, в свою очередь, предполагает предпонимание (чтобы понять нечто, нужно уже обладать его пониманием) и чувственную апперцепцию (личностную характеристику).

Возвращение к ранним стадиям коммуникативного цикла определяет возможность максимально эффективно реализовать процесс кросскультурного взаимодействия.

На основе проведенного анализа выделим следующие условия для позитивных социокультурных трансформаций:

1. Преодоление маргинализации культуры, ее массовости и нацеленности на потребительскую позицию.
2. Выстраивание виртуального поля для самоидентификации личности путем сознательного и ответственного моделирования ролей, с их последующей рефлексией.
3. Переход от парадигмальных отношений диалога к полилогичности взаимодействия и функционирования субъектов в инфокоммуникационном пространстве.

Отметим, что для прогнозирования коммуникативного концепта (КК) необходим опосредованный язык синтеза образов коммуникации – язык, который должен обладать способностью охватить, перевести, объединить своими терминами понятия субъектов полилога о предмете общения; развивать, дополнять и уточнять понятия коммуникативной ситуации

(национальные, культурные, социальные, психолого-интеллектуальные и пр.); обладать способностью выражения каждой индивидуальности и сохранять качественную своеобразность субъектов полилога.

Содержательно понятие «ИКБ личности» многогранно и включает во-первых, определенные аспекты понятия «самоидентификация личности», связанные с коммуникативным культурно-духовным базисом личности, его национальной культурной самобытностью, а также в виртуальной реальности (VR) самоидентификация осуществляется посредством выбора пространства, ника и творения метафорического вербального дискурса. Актуализация телесного компонента позволяет локализовать собственное местонахождение, выстроить хронотоп и обозначить те личностные качества, о которых коммуникант желает заявить. Репрезентация личности (субличности) носит характер мифологического именованя: выбранное имя определяет дискурс.

Отсюда второе смысловое наполнение содержания понятия «ИКБ личности» – коммуникативно-ментальное, связанное с эффективностью взаимодействия. А эффективность, как коммуникативная категория, подразумевает взаимообогащение и, как условие, инфокоммуникационную безопасность личности.

Информация и коммуникация, как глобальные ценности человека, содействуют освоению и преобразованию окружающего мира человека и его самого. Любые информационные процессы превращаются в коммуникационные, т.к. сам факт передачи информации от какого-либо субъекта объекту обозначает акт состоявшейся коммуникации между ними. Также и наоборот, любые коммуникационные процессы автоматически обозначают, что состоялась передача или совершился обмен информацией между субъектами коммуникации. На наш взгляд, правильно рассматривать информационные и коммуникационные процессы, протекающие в одной и той же системе связей и отношений, как информационно-коммуникационные (инфокоммуникационные). Информация как единственный инструмент осознания процессов и явлений, и коммуникация как форма взаимодействия (обмена информацией в условиях полилога) между различными субъектами становятся глобальным национальным ресурсом научно-технического прогресса и развития всего человечества.

Решение проблем обеспечения ИКБ личности в данных условиях напрямую зависят не только от умелого использования информации, основанной на новейших технологических достижениях, но и от способности субъектов к осуществлению эффективной коммуникации на различных уровнях. Применительно данной работы информационно-коммуникационная безопасность личности – это состояние защищенности индивидуального сознания от воздействия информационных факторов,

вызывающих дисфункциональные психо-эмоциональные и социальные процессы в условиях межкультурного и внутрикультурного взаимодействия.

Прежде чем говорить об алгоритме обеспечения ИКБ личности, важно определить, что представляет собой функционирование субъекта в инфокоммуникационном пространстве. По сути, это межперсональное кросскультурное взаимодействие. Выявлены [6. С. 41], следующие механизмы регуляции эффективного кросскультурного взаимодействия:

- развитие способности к эмпатии, основанной на технике вникания в переживания другого человека и реализующей принцип подобия определенных биосоциальных особенностей интеркоммуникантов;

- формирование способности к глубокому осмыслению окружающей реальности, в нашем контексте в речевой коммуникации, выраженной в таксономических этномаркированных стереотипах (когниция);

- развитие умения избирательности восприятия, умения вычленить главные и игнорировать второстепенные признаки коммуникативной ситуации (абстрагирование и фильтрация, упрощение отфильтрованной информации);

- формирование способности к включению в общую аналитико-синтетическую деятельность (ассоциирование, комбинирование и реорганизация информации);

- развитие способности к рефлексии, «расшифровке» истинных целей и мотивов поведения интеркоммуникантов, преодолению стереотипов социальной перцепции, разного рода негативных установок. Рефлексиование ценностных ориентаций, статусно-ролевых позиций, мотивов, черт характера;

- развитие личностных качеств субъекта.

Однако данные механизмы не работают без учета коммуникативной личности. В литературе существует множество определений понятия «коммуникативная личность». С точки зрения нашего исследования, это личность, которая складывается из двух подсистем – внутренней (мира подсознания и сознания) и внешней (мира коммуникативного поведения). Использование именно этого определения выводится из полигонных испытаний, где испытуемые назвали потребности, знания, верования, стереотипы, выбор и самооценку ролей, эмоциональное состояние в качестве основных элементов обеспечения ИКБ личности.

Ядром коммуникативной личности является ее внутренняя подсистема, детерминирующая коммуникативное поведение, способное реализовываться как через выполнение функций коммуникатора, так и реципиента.

Внутренняя подсистема коммуникативной личности складывается из следующих составляющих [1. С. 193]:

- целемотивационный компонент – цели и мотивы личности как субъекта коммуникации («коммуникационное хочу»). В полигонных условиях испытуемые указывали на «интерес узнать что-то новое», «довольно интересно, хотелось бы попробовать» и т.п.;

- абилитационный компонент – коммуникационные возможности индивида и коммуникативные способности личности, определяемые ее физическим и психическим состоянием («коммуникативное могу»). Испытуемые показывали, что те или иные информационные события по-разному воздействуют на людей, находящихся в различных психо-эмоциональных и физических состояниях в определенное время в определенном месте;

- когнитивный компонент (или ресурсно-когнитивный компонент) – знания, освоенная информация (освоенный информационный ресурс), обеспечивающие потенциальные характеристики качества функционирования личности как коммуникативного актора. Это связано, прежде всего, с тем фоновым знанием, ментальностью личности. В полигонных условиях установлено, что восприятие зависит от мировоззренческих установок индивида, и степень негативности влияния тех или иных информационных событий может варьироваться. Например, реклама нового пива вызывает очень сильную негативную реакцию у людей, ведущих здоровый образ жизни, интерес к маркетинговым ходам – у бизнесменов, предвкушение нового вкуса – у эстетов и гурманов и т.д. («коммуникативное знаю»);

- операциональный (или инструментальный) компонент – коммуникативные навыки личности и ее умения пользоваться когнитивными и прагматическими ресурсами для осуществления коммуникации («коммуникативное умею»), т.е. осознаю цель коммуникации, ориентируюсь на собеседника, понимаю коммуникативный контекст, прогнозирую возможную реакцию и предполагаю обратную связь для принятия корректирующих воздействий.

В целом внутренняя структура коммуникативной личности может быть представлена как некоторая многослойная сфера, каждый из последующих слоев которой надстраивается над внутренними глубинными слоями. Каждый из компонентов является необходимым, а их совокупность – достаточной. Отсутствие либо полная неразвитость любого из этих компонентов делает личность неспособной к коммуникации, а как следствие механизм обеспечения безопасности не включается.

Еще один аспект реализации коммуникативной личности – это коммуникативное поведение, представляющее собой осмысленную последовательность коммуникативных действий субъекта в качестве как источника, так и получателя сообщений. Одновременно это и сложная

форма социальной активности субъекта, реализуемая в постоянных коммуникативных практиках, являющаяся функцией не только личностного внутреннего коммуникативного потенциала (ментальность), но и потенциала партнеров по коммуникации (полиментальность).

Исходя из целей обеспечения ИКБ личности, заметим, что коммуникативная личность может выступать в любой коммуникативной функции – и как коммуникатор, и как реципиент. В зависимости от функции будут по-разному разворачиваться компоненты коммуникативной личности и защитные механизмы, обеспечивающие ИКБ. Важно учитывать, что для личности коммуникатора «сильными» сторонами выступают его целемотивационный и когнитивный компоненты, а «слабыми», подверженными угрозам – абилитационные и операциональные характеристики. Поясним, что «коммуникативное могу» включает в данном поле способности к производству и передаче сообщения, а «коммуникативное умею», обобщающее совокупность коммуникативных практик индивида, и включающее такие умения как умение правильно выбрать кодовую систему, закодировать, выстроить дискурс в соответствии с особенностями коммуникативной ситуации и реципиента, может обнаружить несостоятельность или малую эффективность собственных коммуникативных умений. Как следствие, если в процессе коммуникации выявляются определенные барьеры, то ни препятствуют коммуникативному процессу и угрожают психо-эмоциональному состоянию личности, ведут к его дисфункции.

Для личности реципиента «сильная сторона» - это целемотивационный компонент (поскольку информационный «спам» не удовлетворяет потребности индивида), а «слабые», подверженные угрозам – когнитивные, абилитационные и операциональные характеристики, но в другой плоскости по сравнению с ролью коммуникатора. В абилитационных характеристиках важны возможности восприятия сообщения, когнитивные характеристики, связанные со знанием кодовых систем, прагматических правил их использования в конкретном контексте, среди операциональных – оценить коммуникативную ситуацию, коммуникативную компетентность коммуникатора (достоверность, надежность, искренность и пр.), отсементировать шумы и адекватно декодировать сообщение.

Обозначим безопасность как условие существования деятельности субъекта и состояние самого субъекта, позволяющие ему реализовать свою целевую коммуникативную функцию (использовать коммуникативную компетенцию).

Прогнозирование угроз с опорой на информационный полигон различается по следующим признакам: преднамеренным и непреднамеренным угрозам.

Для начала рассмотрим планирование системы обеспечения безопасности по непреднамеренным (случайным) угрозам. Так, у субъекта защиты изначально есть некая цель, на основании которой с учетом параметров среды (*I*) формируется коммуникативная стратегия (*КС*). На основании информации об обстановке *I* и коммуникативной стратегии лицо, принимающее решение (*ЛПР* – субъект безопасности) формирует целевой режим функционирования системы (*ЦРФ*). Кроме этого *ЛПР* необходимо прогнозировать динамику среды как пассивной среды: пассивной, т.к. в условиях отсутствия конфликта мы исключаем из рассмотрения свободные информационные системы, которые можно рассматривать как активные элементы. Способность *ЛПР* найти оптимальный *ЦРФ*, удовлетворяющий конечной цели, а также спрогнозировать вероятные угрозы, характеризует информационную безопасность субъекта по пункту *B*. На основании прогноза выявляются возможные отклонения функциональных характеристик подсистем от целевого режима функционирования и вырабатываются управляющие воздействия на каждую из подсистем. Если такие управляющие воздействия можно осуществить, то система информационно безопасна в соответствии с пунктом *A*.

Если безопасность по пункту *A* субъект всегда может оценить, выделив для этого необходимые критерии и измерив уровень их достижения, то безопасность по пункту *B* требует для своей оценки некоторого эвристического анализа, нетрадиционности мышления и всегда, в той или иной степени, удовлетворяет требуемым условиям.

Для примера возьмем в качестве свободной информационной системы инновационное предприятие, созданное выпускником технического университета, целью которого является получение максимального экономического дохода и выход на мировой рынок. Здесь нас будет интересовать только информационная составляющая технологических процессов с учетом, что необходимые технологические процессы уже выработаны как *ЦРФ* по ключевым направлениям деятельности инновационного предприятия (*ИП*). Получением информации и формированием информационного массива (*I*) занимается руководитель предприятия. В качестве коммуникативной стратегии используются технологические схемы, выработанные по другим направлениям деятельности *ИП*, а также алгоритмы прогнозирования техногенных рисков и методическое обеспечение защиты информации. Причинно-следственные связи и пр. данные могут быть использованы для модификации коммуникативной стратегии. В соответствии с технологическими процессами в коммуникативной стратегии формируются требования к целостности и доступности информации (конфиденциальность здесь не учитываем, т.к. нет конфликтующей

структуры). На основании этого производим функциональную декомпозицию до систем класса A и анализируем возможное отклонение от требований по результатам прогноза техногенных рисков. Если отклонение не выходит за рамки требуемых, то состояние систем является информационно безопасным.

Рассмотрим теперь ситуацию конфликта двух свободных информационных систем, преднамеренные угрозы.

Здесь появляется субъект ($ЛПР_2$), имеющий свою цель и коммуникативную стратегию и на основании их выстраивающий целевой режим функционирования систем, определяя тем самым отношение предпочтения на множестве их состояний, не соответствующую нашей. Такую ситуацию назовем субъективным конфликтом. Отличие в предсказании возможных угроз является прогнозирование динамики среды как активной, а не пассивной системы, т.к. в этом случае мы рассматриваем наличие целенаправленного изменения параметров системы, которые сами могут изменяться с учетом прогнозирования поведения защищаемого субъекта и на основании этого вырабатывать решения. Возможность осуществить такой прогноз является одной из составляющих информационной безопасности по пункту B . Второй составляющей является (в случае присутствия объективного конфликта по цели) возможность обеспечить условия неприятия адекватных ситуации решений контрагентом для реализации состояния систем по предпочтениям несоответствующих нашим. В результате само управление безопасностью необходимо рассматривать как управление активной системой, активным элементом которой является $ЛПР$ контрагента.

Мотивационное управление в активных системах подразумевает управление целевой функцией субъекта, на которую он ориентируется, совершая действия [7]. Поскольку в нашем случае цель необходимо считать неизменной, будем рассматривать мотивационное управление как изменение алгоритмов принятия решений (коммуникативной стратегии) противника посредством передачи некой информации (I). Активный прогноз есть целенаправленное сообщение о будущих значениях параметров [8], которые субъект использует для прогнозирования динамики среды. Информационное регулирование подразумевает прямое влияние на образ контрагента о текущих параметрах среды [9].

Информационное управление есть возможность влияния на рациональность принятия решения контрагента с учетом, что он рационализирует свое решение, пользуясь неверными представлениями об обстановке, т.е. информационная безопасность субъекта по пункту B в конфликте достигается в условиях информационной небезопасности контрагента.

Для разрешения противоречия в управлении параметрами среды (в частности в информационном управлении) предложим концепцию «параллельности и взаимосвязанности» анализа и синтеза в коммуникативном цикле структуры «новая коммуникативная ситуация – идеальная коммуникативная модель» (рис. 4).

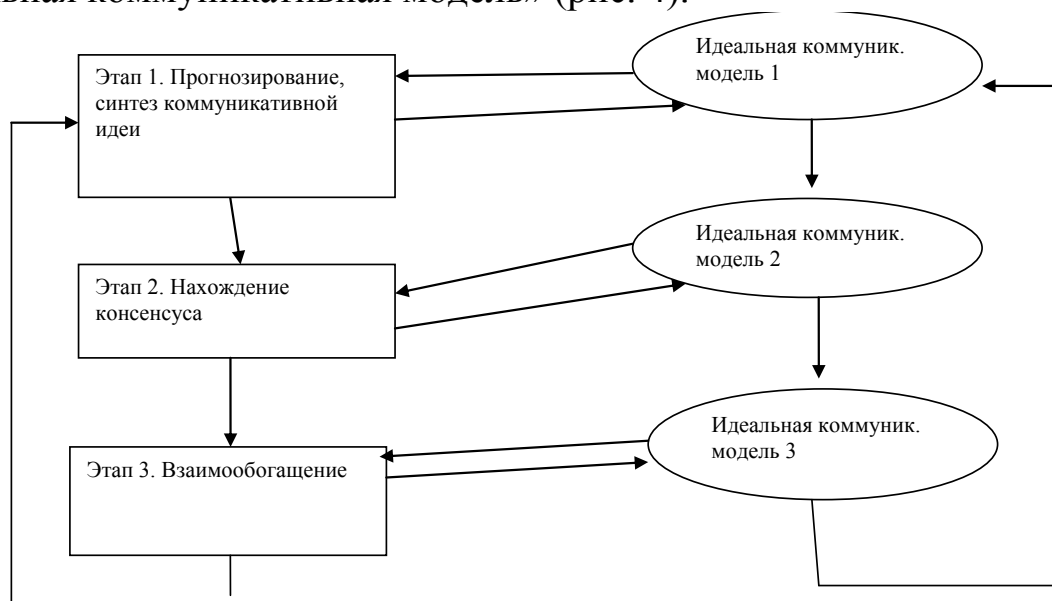

Рисунок 4. Структурная схема параллельности и взаимосвязанности анализа и синтеза коммуникативного цикла

Для создания образа конкретного предмета общения, гештальта и решения задачи нахождения «знакомого» среди аналогов необходим последовательный, параллельный и взаимосвязанный анализ и синтез информации на всех этапах коммуникативного цикла с возвращением к ранним стадиям (т.е. с периферийными и главными обратными связями), осуществляемый интеркоммуникантами в определенной инфокоммуникационной ситуации.

Для представления механизма осуществления концепции «параллельности и взаимосвязанности» рассмотрим Этап 1 – «прогнозирование, синтез коммуникативной идеи», опираясь на системное свойство полиментальности субъекта на примере синтеза структуры «представитель: культуры (К) 1, социальной группы (СГ) 1 – представитель: культуры (К) 2, социальной группы (СГ) 1», существующей в рамках К 2 и язык общения К 2.

Коммуникативная среда современных национальных культур весьма разнообразна [10], относится к неопределенным динамическим системам, поскольку их математические модели могут быть составлены лишь приближенно, параметры законов управления требуют корректировки, а

используемые языковые средства не вполне точно воспроизводят возлагаемые на них функции.

Разработка эффективных систем взаимодействия создает предпосылки для образования специфичной коммуникативной среды, и, в свою очередь, она, синтезированная специально для них, упрощает структуру и схемные решения коммуникационных практик, помогает максимальной реализации эффективного взаимодействия на кросскультурном уровне. При синтезе структур, схемных решений конкретной коммуникативной ситуации необходимо не только учитывать культурные, социальные и прочие факторы коммуникативной среды, но определенным образом их выстраивать для достижения максимального эффекта, качеств единого целого, подлинного диалога [11].

В сознании интеркоммуникантов на основе предыдущих знаний, опыта, интуиции возникает гипотетический образ коммуникативного концепта (КК), выполняющего поставленные задачи. Концепты «представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы» [12. С. 228]. Концепт отражает этническое мировидение, он эмоционально, экспрессивно и оценочно окрашен. На основе жизненного личного опыта и народного опыта, включающего, как и общенациональные ментальные установки, так и индивидуально-личностные, синтезируется гипотетическая структура «уравновешенный КК 1(2) – симметричный КК 2(1)». Тут же, параллельно и взаимосвязанно возникает желание ответить на вопрос, существует ли аналог в собственной ментальной схеме (идеальная коммуникативная модель). Параллельно и взаимосвязанно проводятся рефлексивные оценки, выбирается аналог (схожий по содержанию и функциям концепт), осуществляется анализ и синтез коммуникативного цикла, затем производится сравнение с показателем «значимость коммуникативного решения» для собственной ментальной конструкции и ментальности интеркоммуниканта.

Одновременно с вышеизложенным, в сознании интеркоммуникантов проходит параллельный и взаимосвязанный процесс анализа и синтеза структур образов, различных схемных решений, гештальтов, этнических стереотипов и т.п. Свойство полиментальности в этом процессе служит основным средством общающегося человека, опорой его знаний, опыта и интуиции, т.к. является функциональным субстратом сознания, охватывающим, как указывает Л. Витгенштейн в «Голубой книге» «ментальные состояния и ментальные процессы, ... те интроспективные «внутренние» содержания, которые я могу обнаружить в своем сознании» [13. С. 51].

Далее следует Этап 2 – нахождение консенсуса, на котором происходит дальнейший синтез поступающей информации и в естественных условиях, в коммуникативной ситуации проверяется синтезированная коммуникативная идея в целом. Получив подтверждение КК, параллельно и взаимосвязанно проводятся рефлексивные оценки, расчет и сравнение показателя «значимость коммуникативного решения», присущий анализируемому этапу, для собственной ментальной конструкции и ментальности интеркоммуниканта на основе предыдущего этапа и свойства полиментальности.

Структура и реализация Этапа 3 – взаимообогащение – аналогична схемам, описанных выше двух этапов.

Таким образом, будут осуществляться параллельный и взаимосвязанный процесс эффективного взаимодействия, рефлексия, критичность и, возможно, нестандартность мышления на всех этапах коммуникативного цикла, сравнение его с эталонными моделями КК, соответствующими конкретному этапу, приниматься решения о переформировании схемы мировидения, о реструктуризации смысла и т.п. Все вышеобозначенное обуславливает процесс обеспечения безопасности личности в инфокоммуникационном пространстве.

Информация и коммуникация как глобальные ценности человека содействуют освоению и преобразованию окружающего мира человека и его самого. Любые информационные процессы превращаются в коммуникационные, т.к. сам факт передачи информации от какого-либо субъекта объекту обозначает акт состоявшейся коммуникации между ними. Также и наоборот, любые коммуникационные процессы автоматически обозначают, что состоялась передача или совершился обмен информацией между субъектами коммуникации. На наш взгляд, правильно рассматривать информационные и коммуникационные процессы, протекающие в одной и той же системе связей и отношений, как информационно-коммуникационные (инфокоммуникационные). Информация как единственный инструмент осознания процессов и явлений, и коммуникация как форма взаимодействия (обмена информацией в условиях диалога) между различными субъектами становятся глобальным национальным ресурсом научно-технического прогресса и развития всего человечества.

Решение проблем обеспечения ИКБ личности в данных условиях напрямую зависят не только от умелого использования информации, основанной на новейших технологических достижениях, но и от способности субъектов к осуществлению эффективной коммуникации на различных уровнях. Применительно данной работы информационно-коммуникационная безопасность личности – это состояние защищенности индивидуального сознания от воздействия информационных факторов,

вызывающих дисфункциональные психо-эмоциональные и социальные процессы в условиях межкультурного и внутрикультурного взаимодействия.

Для обеспечения ИКБ личности важно учитывать параметры целесообразности и функциональности, поскольку необходима фильтрация информации, когда источник передает информацию, имеющую смысл для получателя, но не имея цели или намерения ее передачи.

В современных условиях глобализирующегося мира эффективность взаимодействия в речевой коммуникации может быть рассмотрена как одна из форм процесса культурной глобализации, предполагающей становление универсальных для всех культур мира форм и структур, обеспечивающих коммуникацию между отдельными индивидами, группами, индивидами и группами. Именно язык в информационном обществе выступает медиумом ИКБ личности. Одной из базовых функций языка является модификация внутреннего состояния человека, реализуемая посредством знаков так, что все языковые структуры, в конечном счете, ориентированы на человека, и поэтому естественно, что язык предполагает в качестве необходимого условия интерпретатора (адресата сообщений, выдаваемых другими людьми при помощи определенной знаковой системы) и механизмы интерпретации сообщений. Другими словами, речевая коммуникация подразумевает выражение ментальности личности.

ИКБ личности актуализирована в контексте коммуникативной компетенции индивида, характеризующейся когнитивным и функциональным параметрами. Процесс обеспечения ИКБ личности реализуется максимально, в случае, когда свойства коммуникативной личности обусловлены совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, определяемых степенью коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией.

Приведено описание алгоритма обеспечения ИКБ личности, в котором безопасность обозначена как условие существования деятельности субъекта и состояние самого субъекта, позволяющие ему реализовать свою целевую коммуникативную функцию (использовать коммуникативную компетенцию). Данный алгоритм обеспечивает возможность прогнозирования угроз с опорой на информационный полигон и различается по следующим признакам: преднамеренным и непреднамеренным угрозам.

Подводя итог, можно говорить о том, что информация и коммуникация как глобальные ценности человека содействуют освоению и преобразованию окружающего мира человека и его самого. Информация

как единственный инструмент осознания процессов и явлений, и коммуникация как форма взаимодействия (обмена информацией в условиях полилога) между различными субъектами становятся глобальным национальным ресурсом научно-технического прогресса и развития всего человечества. Решение проблем обеспечения ИКБ личности в данных условиях напрямую зависят не только от умелого использования информации, основанной на новейших технологических достижениях, но и от способности субъектов к осуществлению эффективной коммуникации на различных уровнях.

Список литературы

1. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
2. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. 403 с.
3. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998. 125 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
5. Гадамер Г.Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.43 – 59.
6. Покровская Е.М. Выявление механизмов регуляции эффективности кросскультурного взаимодействия // Вопросы культурологии, №11, 2010. С. 37-42.
7. Бурков В.Н. Теория активных систем: состояние и перспективы. М.: СИНТЕГ, 1999. 128 с.
8. Новиков Д.А. Активный прогноз / Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили. М.: ИПУ РАН, 2002. 101 с.
9. Чхартишвили А.Г. Теоретико-игровые модели информационного управления / А.Г. Чхартишвили. М.: ЗАО «ПМСОФТ», 2004. 227 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
11. Брушлинский А. В. Поликарпов В. А. Мышление и общение. Минск: Изд-во Минского гос. ун-та, 1990. 215 с.
12. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: Монография. – М.: Гнозис, 2007. 320 с.
13. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Под ред. Суровцева В.А. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОСТИ: К СТАНОВЛЕНИЮ ЗНАНИЕВОГО ОБЩЕСТВА

Ан. А. Корниенко

В существующих аналитических суждениях о сущности и природе власти знания в коммуникативно-информационном обществе, на наш взгляд, следует выделить в качестве фундаментального принципа анализ коммуникативного аспекта данного феномена. Сосредоточение исследовательского внимания на конститутивной обусловленности информационной власти коммуникативной природой социума позволяет в ряду новых форм властных практик уделить должное внимание и манипулятивным техникам, осуществляемым через управление коммуникациями и их содержанием, что свойственно постметафизическому образу функционирования информации.

В условиях деконструкции метафизической парадигмы изучение классических властных отношений и их трансформации в контексте коммуникативно-информационной социальности позволяет вскрыть причины распада гносеологической структуры мира (разрыв с миром истины, допустивший плюралистичность и децентрализацию субъекта социального действия) как предпосылки и основания для манипулирования массовым сознанием. Не менее важно в этом контексте, наряду с анализом классических властных отношений, исследовать трансформацию и особенности функционирования информационной власти как постметафизического феномена, преобразующего всю классическую структуру властных отношений в структуру властных отношений коммуникативно-информационного общества.

Обусловленность информационной власти коммуникативно-информационным состоянием социума вполне очевидна, если речь идёт о медиа-сфере, ибо именно эта сфера наиболее адекватна постметафизическому определению социальности в качестве её онтологии, поскольку информативность общества без его коммутативности невозможна, как невозможна и реализация информационной власти вне коммутативности социальности. В этом контексте статусные особенности, функционирование и природа информационной власти раскрываются через структуру и содержание средств и методов её осуществления посредством массовых коммуникаций.

Специфика предлагаемого в данной работе исследовательского подхода состоит в попытке рассмотреть феномен трансформации знания и информационной власти в социально-философском контексте именно

того общества, в котором знание, трансформированное в информацию, обретает онтологический статус феномена, преобразующего также и систему властных отношений в рамках коммуникативной социальности. В связи с этим перед исследователем возникает множество вопросов: становление коммуникативно-информационного общества; статус информационной власти в горизонте коммуникативно-информационной социальности; структурирование коммуникативно-информационного общества; конструирование политической реальности и виртуализация политического процесса и др.

Для поиска ответов на означенные вопросы концептуально значимой является идея «смещения власти» в процессе становления коммуникативно-информационной социальности, включающая: распад существующих властных структур и возникновение новых; радикальные сдвиги в соотношении социальных сил в структуре власти; перераспределение власти. Иначе говоря, трансформация затрагивает не только структуру власти, но и её основания: если до трансформации основными факторами социальной власти выступали «насилие и богатство», то в XXI в. список властных факторов расширен за счёт такого фактора, как знание. Мало того, изменился не только состав факторов социальной власти, но изменилось также соотношение сил этих источников власти в коммуникативно-информационном обществе в пользу знания: теперь знание становится средством обретения и силы, и богатства, и власти. В качестве средства осуществления информационной власти всё чаще рассматривается информационная техника как единство её материальной (hardware) и интеллектуальной (software) компонент, в определённой степени выражающая экзистенциальную и интеллектуальную природу человека и многократно увеличивающая его способности к восприятию и обработке информации.

Становление кооммуникативно-информационной социальности обнаруживает органичную связь с трансформацией знания: знание, преобразованное в информацию (прикладное знание), обретает способность к трансформации социокультурной онтологии и становится важнейшим властным ресурсом, трансформирующим и структуру властных отношений. Этим объясняется и культурное состояние рубежа XX-XXI вв., которое аналитики постмодернистской ориентации (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, К. Хельд, Р. Бахрах, М. Баратц, У. Браун, П. Клотц, В. Фурс) охарактеризовали как состояние постоянной динамики, маргинальных пересечений, «мерцания смыслов». Деконструктивистские процессы в философии и культуре, обусловленные трансформацией (теоретического) знания в информацию (прикладное знание), обусловили и трансформацию статуса истинного (фундаментального) знания, инициировав появление идей контекстуальности, ситуативности,

лингвистичности обоснования истины, что вполне адекватно, на наш взгляд, прикладному характеру информации. Таким образом, гносеологическая власть истины, служившая базисной установкой классической философии, ориентированной на единое «начало», «первооснову», трансформировалась во множество идей истины частного характера, свойственных прикладным сферам использования знания в виде информации.

Деконструктивным процессам в метафизике сопутствовал культурный резонанс: мир культуры стал восприниматься как «ризомный» (Ж. Делез), «жизненный мир» (Э. Гуссерль), «повседневность» (М. Хайдеггер, Б. Вальденфельс), поликультура. Коснулась трансформация также онтологии социальности и культуры, возникли направления, в пределах которых исследователи (Ю. Хабермас, К. Хельд, В. Фурс) обратили внимание на специфичность коммуникативной онтологии как неотъемлемо связанной с информационным характером общества. Анализируя взаимосвязь коммуникативной социальности и информативности общества, исследователи (Ж. Подгурецкий, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, П. Бурдьё) увидели её в том, что заполняющая социальные сферы информация наделяет их движением и непрерывным изменением, преобразующим все сферы социума. Д. Белл и О. Тоффлер обратились к исследованию трансформации статуса экономического фактора, а М. Баратц, П. Клотц, Р. Бахрах – к изучению власти знания в информационном обществе. В поле исследовательских интересов появились такие идеи, как «распыление», «смещение» власти и социокультурные последствия, которые это «распыление», «смещение» влекло. Речь идет о возникновении меритократии (М. Янг), формировании новой классовой структуры (Д. Белл, А. Турен, Ф. Махлуп), о новой природе бюрократии и предпосылках преодоления ее влияния (У. Браун, А. Мартелл, А. Хонор, Б. Губл, Г. Маркузе, А. Инглегард).

Приведённые выше направления исследований и суждения исследователей подтверждают наше мнение о том, что становление коммуникативно-информационного общества по сути представляет собой процесс преобразования знания в информацию (прикладное знание) и её распространения через коммуникации на все сферы социальности, инициируя их трансформацию.

Столь пристальный интерес к перечисленным проблемам обусловлен реальным изменением статуса знания в коммуникативно-информационной социальности, в которой власть истины, служившая основополагающим принципом построения научного знания, была трансформирована в социокультурную власть информации в постиндустриальном обществе. Такая трансформация властных

отношений в информационном обществе выдвинула в число важнейших ряд аналитических проблем философско-социокультурного плана: выявление механизма превращения знания в информацию; анализ соотношения гносеологической и социокультурной власти знания в информационном обществе; выявление социокультурной взаимосвязи властных отношений в информационном обществе; анализ философских оснований и предпосылок формирования новых социальных структур в информационном обществе.

Важнейшим в условиях новой социальности является также вопрос о том, как под влиянием процессов превращения знания в информацию трансформируется социальная структура, меняется ось социальной дифференциации, формируются новые социальные слои с учётом того, что ось социальной дифференциации в новых условиях располагается не по вертикали, а по горизонтали (в зависимости от уровня образованности и владения знаниями), как появляется «оверстрат» интеллектуалов, удерживающих функции управления в экономике и политике благодаря тому, что владеют знаниями.

Существенным для решения означенных вопросов является тот факт, что онтология социальности тесно связана с ролью, которую выполняет информация в пределах социальности. Иллюстрацией к сказанному может служить уже упоминавшееся положение о том, что информация играет роль дестабилизирующего фактора: для классического знания в качестве центра выступает истина; превращаясь в современную форму знания, информация утрачивает этот центр, теряет своё системное единство, «рассыпается», «рассеивается». В результате формируется та онтология, предназначение которой состоит в том, чтобы «схватить» «рассыпанную» социальность, в чём и видится основная роль коммуникативной онтологии сторонникам этой идеи. Нам же она применительно к научному знанию представляется чрезмерной абсолютизацией. Каждое теоретическое знание получает множество интерпретаций в различных предметных областях, дополняется положениями и законами, присущими лишь этим предметным областям, но не утрачивает полностью своей связи с базовой теорией. Что касается медиа-сферы, то такая абсолютизация, пожалуй, вполне согласуется с реалиями в этой области.

В социокультурном плане идея о «рассыпанной» власти знания представляется более продуктивной. Процесс становления информационного общества затрагивает и социокультурные аспекты властных отношений. Если раньше истина представлялась как воплощение её власти над знанием и культурой, то деструктивизм в культуре XX в. поставил под сомнение такую интерпретацию власти истины. В результате пониманию власти как централизованной приходит на смену видение власти как «распылённой», проникшей в периферийные

структуры социума. Таким образом, процесс распространения информации, замещающей знание, превращается в процесс формирования новых межличностных отношений и представлений о сути и назначении власти в условиях информационной социальности. Как отмечают аналитики [1-3], концептуальная модель постиндустриального общества эволюционирует в направлении теоретических построений, выдержанных в социокультурном ключе, что, очевидно, требует анализа самых различных социокультурных феноменов (политических, организационных, массовых коммуникаций и т.д.). Так, по мнению Д. Гэлбрейта, исследовавшего «анатомию» власти, социокультурный контекст оказывает существенное влияние на её характер: в традиционном обществе это «заслуженная» власть; в индустриальном обществе это «компенсирующая» власть (частная собственность и вознаграждение), в постиндустриальном обществе власть достигается через овладение знанием, благодаря чему складывается «невидимое сообщество людей с просветлённым пониманием будущего». Знание, таким образом, становится важнейшим стратегическим ресурсом власти и управления.

Аналитики С. Нора, А. Минк, М. Постер, П. Друкер, и М. Кастельс выполнили масштабный анализ тенденций развития информационного общества. В монографии «Информационная эпоха» [4] информационная эра представлена М. Кастельсом как эра глобализации, поскольку владение, сбор, анализ и передача информации превращены в источники роста производительности и власти: «...новая власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей. Вот почему власть в информационный век одновременно можно идентифицировать и нельзя уловить. Мы знаем, что она собой представляет, однако неспособны уловить её, поскольку она является функцией бесконечной битвы вокруг культурных кодов и кодексов общества. Вне зависимости от того, кто выйдет победителем в битве за умы людей, именно он будет править миром, поскольку в обозримом будущем никакие громоздкие, неповоротливые механизмы не смогут соперничать с умами, опирающимися на власть гибких, многовариантных сетей» [4. С. 341].

Обретение знанием посредством информации статуса ресурса власти проявилось в расширении сферы применения знания в прикладной его форме в целях управления, научное обоснование управления из сферы государственно-политической распространяется на все социальные структуры. Таким образом, именно в социокультурной области знание посредством информации обретает статус ресурса власти и управления. Распространение знания в информационной форме радикально

трансформирует культуру, а знание как информация приобретает культурное значение: Д. Белл характеризует распространяемое знание как оплачиваемую «интеллектуальную собственность», как «составную часть социальных инвестиций». Р. Акофф формулирует своё представление о роли знания в культуре в виде модели процесса становления статуса знания в культуре: данные-информация-знание-понимание-мудрость. П. Друкер считает, что распространяемое в информационной форме знание лежит в основе любой сферы современной социокультурной деятельности.

Сказанное выше о влиянии знания в виде информации на социокультурные процессы заставляет обратить внимание не только на прикладной характер информации как формы представления знания, но и на другие аспекты содержания этого понятия. Само слово «информация» (от латинского *informatio* – сведения) ввёл в употребление в XX веке Клод Шеннон применительно к теории связи и кодирования, получившей затем название «теория информации». Строгого определения понятия «информация» до сих пор не существует и в различных областях оно трактуется по-разному: в быту – это любые воспринимаемые человеком сведения об окружающем мире; в технике – это любые сообщения, передаваемые с помощью сигналов или символов; информация в теории информации, согласно К. Шеннону, – это сведения, уменьшающие неопределённость (энтропию). Можно ли эти точки зрения как-то привести к некоему «общему знаменателю»? Попробуем это сделать, выделив основные аспекты этого феномена.

Прежде всего, информация – это содержание сообщения, передаваемого от одного субъекта (отправителя) другому (получателю), который должен быть способен его воспринять и понять. Однако не всякое такое сообщение несёт информацию его получателю. Сообщение несёт информацию для получателя, если его содержание:

а) соответствует действительности, отражает реальное положение вещей (в противном случае это дезинформация);

б) несёт новое для получателя знание (в противном случае оно не представляет интереса для получателя);

в) является полезным для получателя, поскольку способствует решению каких-то важных для него проблем (в противном случае сообщение тоже не представляет для него интереса).

Таким образом, содержание сообщения несёт информацию для получателя, если оно представляет собой объективное, новое и полезное для получателя знание.

Субъективная сторона данного феномена отражает зависимость информационной значимости содержания сообщения для получателя от

его способности к восприятию содержания сообщения, от его потребности в получении этого знания и от его текущей осведомлённости.

Объективная сторона данного феномена состоит в том, что информация, доставленная получателю сообщением, для него тем более ценна, чем больше её соответствие реальному положению вещей (достоверность, точность, полнота, актуальность).

Предложенная интерпретация понятия информации не противоречит определению информации, используемому в теории информации К. Шеннона, поскольку прирост осведомленности получателя сообщения означает соответствующее уменьшение неопределённости его состояния. Более того, как отмечает И. В. Мелик-Гайказян, между убылью энтропии и приростом информированности системы, хотя и существует тесная взаимосвязь, но она различна в различных ситуациях и нелинейна [7. С. 31]. Поэтому качественная оценка информационной содержательности сообщения, с учётом её обусловленности субъективными характеристиками получателя сообщения, мы полагаем, вполне уместна.

Определяющим фактором существования общества и культуры становятся коммуникации, развитие которых превращает общество в коммуникативно-информационное, в процессе функционирования которого образуется положительная обратная связь: потребности в распространении знания стимулируют развитие системы коммуникаций, которая, в свою очередь, открывает новые возможности для распространения знания. В результате такое общество функционирует как саморазвивающаяся система, в которой коммуникации проявляют себя в качестве онтологии культуры. Фактор же развития коммуникаций выступает как культуuroобразующий, порождая процессы социокультурных трансформаций. Вполне обоснованно такое общество можно квалифицировать как коммуникативное.

Применительно к проблеме трансформации власти знания О. Тоффлером предложена концепция знания как ресурса власти и управления в его исследовании «Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века», в котором автор анализирует ситуацию трансформации власти, в ходе которой распадаются существующие в мире структуры власти и формируются совершенно новые [5. С. 3]. Феномен «смещения» власти автор объясняет трансформацией природы власти, в результате которой традиционная власть силы и богатства уступает свои доминирующие позиции власти знания, а культура нового типа открывает новые способы обретения общественного богатства посредством знания в условиях «суперсимволической экономики». Процесс «смещения власти» означает не её перемещение куда-либо, а трансформацию способа реализации власти, в результате которой

получение общественного богатства оказывается зависимым от распространения информации и коммуникативных отношений.

Понятие информационного общества ассоциируется с распространением знания в виде информации (в предложенной нами интерпретации). Со становлением информационного общества (общества распространения знания) неразрывно связано становление сервисной отрасли экономики, ориентированной на оказание услуг, требующих либо привлечения специалистов, владеющих необходимым научным знанием (в этом случае распространяются продукты применения научного знания без существенного роста научной информированности потребителей услуг), либо передачи информации, содержащей необходимое для решения проблемы потребителя научное знание (в этом случае действительно имеет место распространение и интерпретация научного знания применительно к предметной области потребителя). Однако, в том и в другом случае контроль над информацией определяет реальную власть как в экономике, так и в политике. Вместе с тем, процесс распространения научного знания и продуктов его применения способствует тому, что промышленное производство постепенно обретает статус «ментального производства», характерный для общества, определяемого как знаниевое общество, общество знания, общество, основанное на знании (Knowledge based Society). Характерной чертой общества, основанного на знании, является его способность создавать продукты, не существующие в природе, и решать проблемы, разрешимые исключительно на основе научного знания (выход человека в космос, например).

В заключение отметим, что предложенная в статье интерпретация понятия информации позволила дифференцировать постиндустриальный период в эволюции социальности и выделить в нём этапы становления коммуникативно-информационного и знаниевого общества как специфические этапы в распространении научного знания в социуме, своеобразии которых, однако, требует дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Бакун Л. А., Шумаван А.И. Что за «третьей волной»? // Полис. - 1991. - № 5. -С. 19-42.
2. Земсков А. Информационное общество - открытое общество // Новая книга. -1998. – №8. – С. 28 - 41.
3. Пугачев В.П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XX веке // На рубеже веков. - 1997. - № 4. - С. 15 - 21.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2001.- 606 с.

5. Тоффлер О. Третья волна // США - экономика, политика, идеология. - 1982. - №7.-С. 3 - 17.
6. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века.- М.: Наука, 1991.-212 с.
7. Мелик-Гайказян И. В. Информация и самоорганизация. (Методологический анализ). Под ред. В. М. Лисицына – Томск: Изд. ТПУ, 1995. – 180 с.

К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.П. Чубик

Средства массовой информации, оснащенные по последнему слову техники, предлагают человеку такое качество изображения действительности, которое предлагает зрителю полную иллюзию реальности, не оставляющую никакого зазора для возможного сомнения. На первый взгляд телевиденье и фотография воплощают в жизнь идеал метафоры зеркала в искусстве: реальность в них представлена «такой, какая она есть», без эмоций и без видимой интерпретации. Документальное кино и репортажные фотографии предполагают максимальное отсутствие субъекта, воспринимаемого только как тот, кто нажмет на затвор, так как непосредственно само изображение он не создает, а только лишь наводит объектив. Однако даже сам факт наведения объектива на какой-то конкретный объект, его композиционное размещение в кадре (не говоря уже о возможности постановочной фотографии) свидетельствует об отсутствии абсолютной объективности даже там, где к непосредственному созданию изображения человек непричастен.

О том, что любое документальное доказательство иллюзорно говорил еще Р. Барт, обративший внимание на мифологичность «неоспоримости фотографии». «Предположим, я сижу в парикмахерской, мне протягивают номер журнала «Пари-Матч». На обложке изображен молодой африканец во французской военной форме: беря под козырек, он глядит вверх, вероятно, на развевающийся французский флаг. Таков *смысл* изображения. Но каким бы наивным я ни был, я прекрасно понимаю, что хочет сказать мне это изображение: оно означает, что Франция – это великая Империя», что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами, и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой

африканец служит своим так называемым угнетателям. И в этом случае передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему (*африканский солдат отдает честь, как это принято во французской армии*); есть означаемое (в данном случае это намеренное смешение принадлежности к французской нации с воинским долгом); наконец, есть презентация означаемого посредством означающего» [1. С.80-81]. Для борца с колониализмом данная фотография могла нести противоположный смысл, отражая подлость колониального режима. Современные способы обработки фотографии с помощью фотошопа нагляднее демонстрируют невозможность абсолютного мимезиса в средствах массовой информации, не смотря на кажущуюся объективность.

Если внимательно присмотреться к самой метафоре зеркала, то даже в ней можно обнаружить субъективность. Конечное отражение зависит от двух людей: того, кто установил и направил его на объект, задав тем самым ракурс восприятия действительности, и того, кто смотрит на это отражение. Зеркало недаром издревле считалось обладающим магическими свойствами: два разных человека, находясь недалеко друг от друга, увидят в нем разные вещи – в этом проявляется закон геометрической оптики. Таким образом, фотография, обладая уникальной в отношении метафоры зеркала способностью отражать реальность, все же несет в себе субъективность. Справедливости ради следует ответить, что фотография, будучи значимой для средств массовой информации в качестве документального доказательства, не обладает столь тотальными методами воздействия на человека как телевиденье.

Унаследовав от фотографии реалистичность, телевиденье усилило ее переходом от статики к динамике, однако оно сохранило и усугубило уход от реальности. Существует немало примеров подлогов, когда неизвестно где и неизвестно кем записанные репортажи появлялись в новостных лентах в качестве доказательств декларируемого видения событий, которых на самом деле не было. Телевиденье, не смотря на кажущуюся достоверность изображения, не может предоставить зрителю возможность однозначного соотнесения телевизионного кадра с определенными событиями. Зритель ожидает увидеть в репортаже нечто наподобие камеры наблюдения, которая передвигается во времени и пространстве и может быть участников событий, происходящих за тысячи километров от него и даже за много лет до его рождения. На самом же деле перед ним предстает бесконечный симулякр – образ без подобия, ведь репортаж создает кто-то с целью вызвать ощущение уверенности в реальности наблюдаемого события.

«Мало-помалу телевидение, которое по идее является инструментом отображения реальности, превращается в инструмент создания реальности. Мы все больше и больше приближаемся к пространству, в котором социальный мир описывается и предписывается телевидением» [2. С.35]. Иногда это происходит через удаление неприемлемого содержания, иногда путем перемещения негативного контента на периферии зрительского внимания. Второй способ наиболее наглядно проявил себя в том, что масштаб события, определяющийся порядком его появления в новостной ленте, может быть искусственно завышен или занижен. Именно это позволяет превратить частные локальные происшествия превратить во всеобщие. «Цунами в Пакистане, соревнование чернокожих боксеров в Соединенных Штатах, хозяин бистро, выстреливший в молодого человека, и т.п. – все эти события, ранее считавшиеся ничтожными и аполитическими, сегодня распространяются с той силой, которая придает им особый социальный и «исторический» размах» [3. С. 246.].

Телевиденье демонстрирует исчезновение реальности и подмену ее тотальной симуляцией. Наиболее наглядно это представлено в освещении военных событий: не имеет значения имело ли место событие или нет, статус реальности ему придает то, что оно «отражено» в средствах массовой информации. Зачем взрывать военные машины, если можно просто об этом сообщить, показав при этом по телевиденью какие-то обломки, которые являются «объективными свидетельствами происшедшего». В «цивилизованном» обществе войну пытаются изгнать из социального бытия, заменяя его другими понятиями «миротворческая акция», «антитеррористическая операция», «операция по восстановлению конституционного порядка», «операция по принуждению к миру» ит.п., утверждая тем самым мысль о том, что война является основой для своей противоположности – мира. Таким образом телевиденье не несет в себе отражения объективной реальности, напротив, оно творит собственную телевизионную реальность.

Одним из ярких примеров такой искусственности являются «мокументори» - имитация якобы реальных событий. Монтажное телевидение дает возможность свободно создавать любую информационную продукцию, единственным ограничителем которой может выступать фантазия креативщиков и конкурирующие средства массовой информации. Запись позволяет создать такой текст, который переводит живую информацию в фиксированную и застывшую форму, которая может трансформировать исходное событие так, что оно будет соотнесено с иным временем и пространством, приобретя другое значение в ином масштабе. Таким образом, телевиденье выступает основой реальности симулякра. «Симулякр – инстанция, включающая в себя

различие как (по меньшей мере) различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии [4, С.93].

Именно благодаря этой способности средств массовой информации конструировать искусственную реальность взамен непосредственно окружающей человека, они становятся одним из важнейших инструментов осуществления власти на сегодняшний день. На место классического прямолинейного принуждения приходит интеллектуальная информационная война, суть которой является использование целого арсенала манипулятивных информационных технологий, обрушивающихся на человека каждую минуту. Средства массовой информации становятся удобным способом тотального воздействия на психологию человека, так как они окружают его со всех сторон: интернет, телевиденье, реклама (специфический вид информационной технологии) по сути являются вездесущими. При этом свои сообщения они выдают за самую что ни на есть подлинную действительность, на самом деле являясь лишь ее симуляцией.

Способность средств массовой информации конструировать реальность так, что она обладает видимой очевидностью для зрителя создает возможность осуществления «мягкой власти» («soft power»), которая навязывает человеку искусственные потребности и создавая удобного для манипулирования человека. Тотальность этой власти такова, что имеет смысл говорить о ее ризоматичности, основанной на психологическом давлении, а не на военной мощи. Современная власть, основанная, как и любая другая власть, на экономических факторах распределения ресурсов среди населения, она качественно иначе решает вопросы управления. Вместо традиционных приказов и предписаний, вводится навязывание человеку определенных стереотипов поведения, путем превращения его из личности в потребителя.

Власть, понимаемая в этом смысле, не обладает географической определённостью (директивы от крупных корпораций могут исходить и из регионов, не только из головных центров), не может быть проконтролирована (так как манипулятивные технологии направлены на то, чтобы быть незаметными даже для опытных психологов), она вездесущая и создается не только силами официально ее поддерживающими, но и силами, которые выступают против нее: «... многие из «героев» антиглобализма, которые борются за создание гражданского общества и мультикультуралисты, которые провозглашают «различие», на самом деле создают и поддерживают империю, которая состоит из не-иерархических сетей» [5, С.15].

Трансформация реальности в средствах массовой информации обеспечивает переход от власти внешней к власти внутренней (этот

процесс подробно исследуется М. Фуко [5]), нивелируя человеческое «Я», используя его лишь как базу, чистый лист для наложения не свойственных ему желаний и стремлений. И процесс этот носит глобальный характер не только в общепланетном масштабе, но и на уровне повседневности: власть проявляет себя в моде, пищевых привычках, в различных видах отдыха и т.д. Недаром столь популярными на сегодняшний день являются ток-шоу решающие мелкие проблемы обычных людей, которые возводятся в проблему и представляются как значимые для жизни общества.

Именно поэтому одним из самых популярных концептов в осмыслении средств массовой информации выступает представление о них как о «четвертой власти», которая по-разному интерпретируется (от «служанки» государства, до самодостаточной общественной силы). Однако общим является признание того, что субъектом этой власти выступают не политические лидеры и даже не многочисленные предприятия и корпорации, а газеты, журналы, телевидение, информационные и рекламные агентства и т.д. Их задачей, вне зависимости от содержания послания, является передача культурных ценностей, которые во многом искусственны как искусственная сконструированная реальность. На периферии нередко оказываются традиционно высокие ценности, такие как семья, любовь, верность, а на передний план выходят насилие и пошлость.

На картину трансформируемой в средствах массовой информации реальности влияет такая вещь, как «продаваемость» новости, именно поэтому на экранах телевидения можно наблюдать странный мир жителей Дома-2, разгадывающих бесконечные викторины в надежде выиграть миллион и рассказать об этом в передаче «Пусть говорят». «Секс и кровь, драма и преступление всегда хорошо продавались, а в эпоху погони за массовым зрителем они поднялись на первые страницы журналов, с них начинаются телевизионные выпуски новостей... символическое действия телевидения частично – например, в том, что касается выпусков новостей – заключается в привлечении внимания к событиям, потенциально интересным для всех, которые можно охарактеризовать как omnibus...» [2. С.30.].

Второй отличительной особенностью трансформированной реальности в средствах массовой информации выступает максимальное упрощение, связанное с законом больших аудиторий, который гласит: чем проще содержание, тем шире аудитория. На место серьезной аналитики, которая покажется непонятной массовому зрителю приходят поверхностные и банальные интерпретации, мнения. Вместо специалистов на телевидении в частности можно видеть большое количество «медиа-интеллектуалов». «Для некоторых из наших философов (и писателей) «быть» значит быть показанным по телевизору, то есть в

итоге быть замеченным журналистами, или, как говорят, находиться на хорошем счету у журналистов (что невозможно без компромиссов и саокомпроментации)... Таким образом, телевизионный экран стал сегодня своеобразным зеркалом Нарцисса, местом нарциссического эксгибиционизма» [2. С.25]. Подобные интеллектуалы кажутся зрителю подлинными экспертами, весомость их мнения определяется не уровнем знания, а степенью «раскрученности», которая определяется с помощью рейтинга – по сути внешнего по отношению к качествам личности элементу.

Средства массовой информации, трансформируя таким образом реальность, являются важной составляющей современного политического процесса, хотя существует несколько подходов, характеризующих воздействие масс-медиа на политический процесс: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдые); альтернативный подход, рассматривающий СМИ как инструмент, передающий информацию, но не затрагивающий политических интересов человека (П. Лазарфельд). Выделяются так же две технологии влияния СМИ на политику: конструирование политической реальности (непосредственное воздействие на политический процесс различными способами: от рекламы до поиска компрометирующих материалов) и визуализация политического процесса (Э.Денис, Д. Мерилл). Иными словами роль и значение информационных технологий для политической жизни общества неоднозначна в силу того, что средства массовой информации – материал неоднородный и не имеет никакой внутренней иерархии. Именно на этом принципе основана концепция информационных войн, которая исследуется в работах Т. Розана, Т. Стоунера, Ф. Уэбстера, Б.Н.Пружинина и др.

Информационные войны невозможны при отсутствии глобального информационного пространства, сформированного в результате информационной революции, так как их задачей является формирование информационно богатых и информационно бедных стран на основе использования СМИ в различных конфликтах (чаще всего носящих политический характер). Необходимость в подобной войне возникает в связи с распространением в современном обществе демократии, основанной на свободных выборах, а следовательно на формировании определенного стереотипного представления о политической жизни. Но ведь в таких больших по территории странах, как Россия, реальную ситуацию, тем более в условиях секретности, узнать практически невозможно, в связи с чем противники могут пользоваться любыми способами в поисках факторов уязвимости.

Иными словами, реальность в средствах массовой информации, являясь своего рода воплощением метафоры зеркала, вскрывает

механизмы трансформации реальности даже там, где на первый взгляд речь идет о простом отражении. Так, обнаруживается, что визуальный образ зависит от двух составляющих: как и где установлено зеркало (в данном случае как создан репортаж, является ли он результатом подмены фактов или стремится к максимальной достоверности, что бывает значительно реже) и от воспринимающей стороны (которая все чаще приобретает бездумный характер толпы, требующей хлеба и зрелищ, основанных на сексе и насилии).

Список литературы:

1. Барт Р. Мифология // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002. – 160с.
3. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М., 2007. – 336с.
4. Делез Ж. Повторение и различие. – М., 1998. – 384с.
5. Brown Chris. Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency // Global Society. Journal of Interdisciplinary International Relations. 2004. Vol.18, № 1.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 415с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Гумерова Р. В.

Проблема исследования феномена и онтологических оснований творчества в философии актуальна, поскольку творчество – сущностная характеристика человека и основной культуuroобразующий фактор бытия общества. Без творчества невозможно развитие человечества и культуры. Вместе с тем, большинство исследований творчества носит характер узкоспециальный. Это позволяет провести детальный анализ какой-либо частной проблемы, но не дает возможности осмыслить онтологические основания творчества, саму возможность существования его. В работе предпринимается попытка исследования творчества в обширной междисциплинарной области (философии, психологии, культурологии), при этом. Предполагается, что коммуникация – онтологическое основание творчества. В XX-XXI веках появилось много работ, в которых обосновывается положение, что сущность человека и общества можно эксплицировать в коммуникации (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймсон,

Ж.-Ф. Лиотар, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, И. Хассан, У. Эко, К. Ясперс и др.). Предполагается, что и сущность творчества скрыта в самом процессе коммуникации, в способах коммуникации личности с миром. Проникновение в суть процесса коммуникации позволит понять, почему одни люди способны к творчеству, а другие – нет, почему одни творческие продукты оказывают влияние на широкий социокультурный контекст бытия, а другие интересны только для самого творца.

Проблема творчества в философии исследовалась с античности, выработано множество концепций и подходов. Но творчество никогда не изучалось сквозь призму коммуникации. Наша проблема исследования формулируется в вопросах: Зависит ли сущность и механизмы творчества от способа коммуникации личности с миром? Что такое творческая личность?

Историко-философский анализ литературы о творчестве позволил выделить пять направлений (фокусов) исследования творчества. Первое направление исследует *субъект творчества*: кто творит сущее – Бог, Космос или человек. Второе направление нацелено на изучение *сфер деятельности, в которых возможно приложение творческих сил человека*: творчество в истории, творчество в искусстве, творчество в практической, хозяйственной жизни или творчество в науке. Третье направление посвящено изучению *причин творчества*. Причины человеческого творчества ищутся в наследственности или в социальном окружении. Четвёртое направление исследует *процесс творчества*. В пятом направлении фокус исследований сосредоточен на поиске непосредственно *сущности творчества*. В настоящей работе исследуется сущность человеческого творчества.

В процессе теоретического исследования сущности творчества автор пришел к выводу, что творчество – это непрерывное рождение нового, необычного по форме и содержанию в процессе сознательной и бессознательной деятельности человека. Творчество – это не только создание продуктов материальной и духовной культуры, но и процесс *самосозидания личности*: формирование жизненной цели, стиля жизни, строительство своего мира, самораскрытие, трансформация, совершенствование, аутопойезис, альтернатива. Таким образом, в творчестве происходит два процесса: создание нового в любой сфере человеческой деятельности, и самосозидание личности. При этом, преобразуя внешний мир, личность может не осознавать преобразования собственной природы, не задаваться целью создания новых граней собственной личности.

Сделанный вывод обуславливает необходимость определения понятия *личность*. В результате поиска дефиниций личности в социальной философии, социологии, психологии, автор пришел к

синтетическому определению. Личность – это уникальное экзистирующее существо, сформированное под воздействием общественных отношений, несущее в себе социально значимые черты своей жизнедеятельности в обществе, переживающее и выражающее их специфически индивидуальным для себя способом. Задача личности – выбор собственного пути, определяемый [преимущественно] заинтересованностью в удаче собственного жизненного плана. Быть личностью значит определять свое особое предназначение в мироздании, находить и осуществлять смысл своей жизни. Самое существенное в личности – её свобода, незавершенность, несовпадение с самой собой, способность к трансценденции и самоотстранению, духовная установка. Вместе с тем, творчество – неотъемлемое качество личности, и личностью мы можем назвать лишь человека, творчески преобразующего собственную природу и свои отношения.

Несомненно, бытие личности зависит от общества и культуры, от условий, выпадающих на ее долю. Не следует понимать существование человека как противостояние между ним и обществом. Для индивида общество не только составляет внешнюю среду, к которой он вынужден приспособляться, но «сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы» [16. 185]. При этом, принцип коммуникации шире содержания межличностных отношений, он является одним из универсальных философских принципов осмысления бытия. Онтология коммуникации описывает возможности смыслового обогащения бытия. Тема коммуникации в онтологическом измерении – это проблема прироста бытия, анализ его возможностей, открытие новых измерений и пространств.

Рабочее определение коммуникации в результате теоретического исследования сформулировано следующим образом: коммуникация – это сообщение, взаимодействие личности с миром, это способ существования личности, процесс, в котором происходит смысловое обогащение бытия, где личность действительно становится сама собой в процессе общения, взаимодействия с людьми, миром природы, культуры и самой собой.

Онтологические параметры коммуникации наиболее полно представлены в экзистенциальной философии, поскольку именно для этого направления проблема существования коммуникации стояла особенно остро. Здесь раскрыта фундаментальная роль коммуникации в ее связи с трансценденцией, рисками индивидуального существования, испытания Другим. Основное положение философии коммуникации К. Ясперса заключается в необходимости различения нескольких уровней сознания и соответственно им вариативном отношении личности к самой себе, к другим людям и к миру в целом. Эмпирическое, наличное Бытие личности определяет форму её коммуникации, призванную объединить

индивидов перед лицом внешней опасности. Общение с другим для человека есть средство, инструмент самосохранения и обеспечения безопасности. Принцип утилитаризма – фундаментальный принцип, характеризующий коммуникацию на уровне эмпирического, наличного Бытия. Второй уровень коммуникации – это «сознание вообще». На этом уровне Я выступает как тождественное с другим Я. В сфере сознания вообще действуют законы логической сообразности, принудительная направленность. Базисный принцип, определяющий форму общения на уровне «сознания вообще» – конвенционально-правовой. Разрыв, существующий между сознанием на уровне наличного Бытия и сознанием вообще, может быть преодолен на уровне «духа», где сознание предстает как целостность мышления и чувствования. Любая личность на уровне духа есть момент целого. Диалектичность и стремление к целостности – характерные черты Я как духа. «Коммуникация в сфере духа есть обнаружение в общественной субстанции Идеи целого. Индивид осознает свое место, обретающее существенное значение только в этом целом... Люди общаются друг с другом исходя из общего присутствия Идеи...» [30. 172]. Универсальное общение между людьми становится возможным только на уровне экзистенциальной коммуникации. Экзистенциальная коммуникация – это процесс, в котором участники становятся тем, кто они есть, поскольку они встречаются и противостоят друг другу в их исторической ситуации как уникальное и независимое Я. Следовательно, общение, как экзистенциальная коммуникация, не есть передача чего-либо существующего, а процесс самореализации Я. И только тот, кто обладает «индивидуальной окраской», может иметь плодотворный контакт с другим, причем, этот контакт способствует дальнейшему конституированию его личности. Человеческое Бытие для Ясперса – это всегда Бытие с Другим. Прежде всего, экзистенция обнаруживается для Другого, а через него, и для самой личности.

У большинства экзистенциальных мыслителей и сторонников коммуникативной теории прослеживается четкое разграничение *уровней коммуникации* в зависимости от *интенсивности вовлеченности, погруженности* личности в коммуникативный процесс. Иными словами, речь идет о качестве Бытия человека в ситуации или отношениях – о степени его присутствия в данной ситуации, об уровне аутентичности самовыражения, чувствительности к собственной внутренней реальности и актуализации подлинной заботы о себе. Именно эта сложная и трудноуловимая глубинная динамика коммуникации лежит в основе выделения ее уровней.

Уровни коммуникации, выделенные автором исследования, основываются на уровнях, определенных К. Ясперсом. К. Ясперс наиболее поверхностную, не затрагивающую сущность человека

коммуникацию обозначил как эмпирическая, утилитарная, М. Бубер описал ее как коммуникация Я-Оно – познание закономерностей, характерных признаков, М. Бахтин – познание вещи, познание чистой мертвой вещи, Э. Фромм такой способ коммуникации с миром назвал «иметь» (отношения, людей, любовь), Э. Берн – ритуал. Второй уровень коммуникации Ясперс описал как «сознание вообще», где действуют законы логической сообразности, принудительная направленность; у Бубера – это по прежнему мир опыта «Я-Оно», у Бахтина – познание вещи, у Берна – игра. И самой глубокой, затрагивающей все существо человека коммуникации Ясперс дал имя экзистенциальная коммуникация, в ней человек выступает как уникальное и независимое Я, Бубер назвал ее как Я-Ты-отношения, Бахтин – как познание личности, где «все и каждый является я, все и каждый является другим». Именно на уровне экзистенциальной коммуникации личности вступают в пространство подлинного диалога (Гадамер Х.-Г.).

Теоретические концепции, описывающие разные уровни коммуникации личности с миром, не раскрывают возможности перехода личности с одного уровня коммуникации на другой: благодаря чему и каким образом это может происходить. Существует предположение, что уровни коммуникации могут меняться, что личность обладает гибкостью и возможностью переключения. Представляется, что переход с одного уровня коммуникации на другой может сопровождаться разного рода переживаниями, кризисами, и чем глубже погружение личности в мир и собственную субъективность, чем интенсивнее ее коммуникация с миром, тем более явным и продолжительным будет кризисное переживание. На кризисной стадии происходит изменение, переоценка ценностей, прежняя устоявшаяся иерархическая система ценностей может потерять свою упорядоченность. Кризис сопровождается предельным обострением внутренних противоречий, свойственных личности. Кризисы могут быть позитивны как моменты необычайных переживаний, мобилизации всех духовных сил личности, самообновления и качественного изменения ее внутреннего мира, обретения ею новой формы целостности. Трагические переживания несоответствия своих устремлений и поступков принятым в обществе ценностям, переживание собственной неполноценности является чувственной основой, на которой порождается кризис. «Неразрешимые» ситуации, несмотря на свою труднопереносимость и мучительность переживаний, могут оказаться подлинным богатством личности и средством ее развития. Личность даже не «развивается», а именно изменяется, то есть преодолевает плоскостной, линейный и во многом предсказуемый путь развития, и обретает иные качества. Однако переживание личностью кризиса может вызвать страх, пассивное отстранение, выход из коммуникации, уход в себя. Следовательно, кризис

личности носит амбивалентный характер: с одной стороны, может оказать разрушающее действие на личность, с другой – выступить как необходимый момент развития личности, конструктивный механизм эволюции, обогащающий личность. Причем, чем более развита личность, тем выше возможность появления кризисов. И, напротив, способность всегда приспосабливаться к новым условиям на любом уровне свидетельствует о моральной и эмоциональной неразвитости личности, так как за этой способностью скрывается отсутствие иерархии ценностей. Н.А.Бердяев пишет о том, что страдают более всего не худшие, а лучшие люди: «Развитие мысли и утончение души сопровождается усилением страдания, большей чувствительностью к боли не только душевной, но и физической» [2. 292-293].

Таким образом, автором выделено пять уровней коммуникации: прагматическая, конвенциональная, коммуникация в контексте культуры, кризисная, экзистенциальная коммуникация.

Возможно ли творчество на уровне прагматическом, утилитарном? Есть работы, в которых творчество понимается как *изобретение новых решений в ответ на задачи, поставленные в процессе какой-либо деятельности*. Основы утилитарного творчества восходят к английскому эмпиризму, где творчество представляется как удачная комбинация уже существующих элементов (теория познания Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Дьюи, Дж. Локка, Д. Юма) и в философских направлениях XX в. (прагматизм, инструментализм, неопозитивизм). В них творчество рассматривается с практической точки зрения как изобретательство, цель которого – решать задачу, поставленную определённой ситуацией. Творчество на этом уровне механистично, технично, нет задачи проникновения в духовно-личностную сущность мира (как описывают это экзистенциалисты).

Есть ряд современных профессий, где предполагается написание текстов, товарных слоганов, сценариев для рекламных роликов и тому подобное. Специалистов, занятых подобным творчеством называют криэйторами – «выдумщиками» за деньги. Требования, предъявляемые к человеку, работающему криэйтором, – придумать всё, что угодно: от рекламного слогана про детское питание до концепции нового журнала или телешоу. Для того чтобы быть продавцом идей, как утверждают на рынке, не нужно иметь особых знаний и престижного образования, нужен только талант. Считается, что творческая натура и большой объем знаний – вот что отличает криэйтора, а еще хорошие знания психологии людей и их вкусов. Применяют свои способности «креатившики» во freelance-агентствах, рекламе, офисах, клубах, организациях торжеств и т.д. где нужно будет показать себя на поприще оригинальных идей.

Среди художников так же можно встретить большое количество «утилитарных» творцов. Об их творчестве Кандинский писал: «На полотне с большим или меньшим уменьем, виртуозностью и блеском возникают предметы, которые находятся в более или менее элементарном или тонком "живописном" взаимоотношении. Гармонизация целого на полотне является путем, ведущим к созданию произведения искусства. Это произведение осматривается холодными глазами и равнодушной душой. Знатоки восхищаются "ремеслом" (как восхищаются канатным плясуном), наслаждаются "живописностью" (как наслаждаются паштетом). Голодные души уходят голодными. Толпа бродит по залам и находит, что полотна "милы" и "великолепны". Человек, который мог бы сказать что-то, ничего человеку не сказал, и тот, кто мог бы слышать, ничего не услышал. Это состояние, искусства называется *L'art pour l'art*. Это уничтожение внутреннего звучания, звучания, являющегося жизнью красок, это сеяние в пустоту сил художника, есть "искусство для искусства". За свою искусность, за дар изобретательности и дар восприятия художник ищет оплату в материальной форме. Его целью становится удовлетворение честолюбия и корыстолюбия» [15]. И далее: «В каждом "художественном центре" живут тысячи и тысячи таких художников, большинство которых ищут только новой манеры. Они без воодушевления, с холодным сердцем, спящей душой создают миллионы произведений искусства» [Там же].

Получается, что на уровне прагматического творчество – это *создание оригинальных идей*, причем идей, которые можно продать, которые понравятся заказчику. Творчество на прагматическом уровне носит исключительно предметный характер, оно не затрагивает личность, не преобразует ее сущности.

Творчество на уровне конвенциональной коммуникации личности с миром можно назвать *«творческой адаптивностью»*. «Важнейшее качество зрелой личности – готовность смело и открыто встречать жизненные проблемы и справляться с ними, не упрощая, а проявляя "творческую адаптацию к новизне конкретного момента" и "умение выразить и использовать все потенциальные внутренние возможности"» (К. Роджерс) [6] считают психологи. В данном контексте быть творческим – это значит быть «более зрелым и способным воспринимать мир (внешний и внутренний) не как угрозу, а как вызов жизни, и одновременно – призыв жизни» [Там же]. Творчество как самосозидание автономной личности, в рамках конвенционально-правового бытия есть суть такого творчества. В современных условиях, где нет готовых решений на все жизненные задачи, человек и творит свой мир в рамках закона.

Существует другая сторона творчества – *эскапистское творчество* (происходит от англ. «escape», – убежать, спастись) – творчество на досуге, как способ отдохновения от повседневных забот. Значимость «качественного» досуга, неоспоримо высока, автор бы даже заметил, что вязание, шитье, рисование, написание стихов в свободное время (которое К. Маркс считал высшей ценностью для человека), «эстетическое» времяпрепровождение, несравнимо ценнее, и больше способно обогатить личность, нежели потребление китчевой культуры, гламурного СМИ и компьютерных игр.

Итак, творчество на уровне конвенциональном – это подтягивание к имеющимся культурным образцам. Проблема творчества здесь связана с расчетом необходимых шагов для продвижения по структурной решетке существующих стандартов, в правильной подпитке за счет культурных образцов, в эффективном потреблении культурного богатства.

Творчество на уровне коммуникации в контексте культуры – это поиск личностью своего места в контексте общества, мира. Личность может стать феноменом и субъектом культуры, когда масштаб её шире сиюминутного, утилитарного Бытия, когда она ищет свое уникальное место в контексте настоящего, в контексте общества.

Человек нуждается в других людях, потому что он человек и «он только тогда обладает человеческой завершенностью, когда связан с другими людьми и природой» [26. 325]. И подлинно здоровым и развитым человеком можно называть продуктивного человека, подлинно заинтересованного в мире, богатого отношениями. Творчество в контексте целого мира – это не «своевольное оригинальничание» (Батищев) и тем более не противопоставление себя миру, а построение своей судьбы и своих отношений в том времени и том сообществе, в котором оказался человек. Это нахождение своего уникального места и своей уникальной роли в пространстве мира.

Рассмотренные выше коммуникации происходят на рациональном уровне – человек в каждый момент контролирует ситуацию, осознает свои взаимодействия с миром.

Творчество в кризисных коммуникациях – это преобразование своей жизни в ситуации утраты личностью ориентиров и смыслов. Кризис, инстанцию преобразования Бергер и Лукман называют альтернативой, когда человек радикально по-новому расставляет акценты реальности, демонтирует, разрушает предшествующую номическую структуру субъективной реальности. Эта реинтерпретация приносит с собой разрывы в индивидуальную биографию, когда осуществляется перетолкование *in toto* прошлых событий и лиц. «Ресоциализация представляет собой разрубание гордиева узла проблемы согласованности

– тут поиск согласованности оставлен, реальность реконструируется de novo» [4. 262].

А. Камю поэтически, но точно описывает переходный, кризисный процесс: в воздухе нашего века расплылось абсурдное жизненное чувство, по многим причинам, первое из которых привычка, человек продолжает поступать согласно запросу жизненных обстоятельств. Но однажды, чувство абсурда ударит его в лицо и он вдруг понимает смехотворность этой привычки, отсутствие глубоких оснований для жизни, нелепицу повседневной суеты и ненужность страдания. Но, к сожалению, большинство не задается вопросом о смысле жизни, а среди тех, кто задается, еще меньше тех, кто осмеливается отвечать или хотя бы искать ответ. Жизнь без декораций, заслоняющих от нас абсурд мира – это жизнь без будущего, без уступок, без надежд, но в лад со вселенной, с ясным мышлением. Только мудрецы могут жить тем, что у них есть, и не предаваться умствованиям о том, чего у них нет. И самые абсурдные из персонажей нашего мира – это творцы, утверждает А. Камю. «Они не отрицают абсурд, они им дышат, признают его уроки, и облекают его в плоть. В этом смысле творчество есть наивысшая радость абсурда. И само творчество – есть феномен абсурда» [14. 222].

Важно отметить, что критическая ситуация всегда несет с собой элемент страха, потому что она меняет личность, и человек не может знать, как кризис повлияет на него и как изменит. Критическая ситуация не только изменяет прежние границы и системы координат, она изменяет связь с миром, и человек понимает, что должен искать новый фундамент. Но без этой встречи, замороженности унитарной реальностью бытия, невозможен никакой творческий процесс. А тот, кто не рискует, никогда не достигнет ничего великого [20]. Причиной сильного страха, охватывающего в этот момент, является и головокружительная интенсивность как внешнего, так и внутреннего мира, «и ты уже никогда не будешь прежним после этого переживания» [20. 63]. Но вместе со страхом и чувством вины появляется и чувство удовлетворения: «Все вокруг становится вдруг выразительным!».

Современное цивилизованное общество содействует развитию личности от доконвенциональной к конвенциональной стадии, оно обычно не уделяет внимания и даже яростно сопротивляется всему, что выходит за его пределы. Потому что мудрость, преодолевшая границы обусловленности, способна серьезно подрывать общепринятые устои и образ жизни, бесчисленные коллективные мифы (наподобие тех, что деньги гарантируют счастье или что наша нация лучше всех). И человек, пытающийся выйти за пределы обычного конвенционального уровня, не может рассчитывать на безоговорочную поддержку со стороны общества. Рост так же означает и преодоление своих личных сопротивлений.

Человек часто страшится своего потенциального расцвета, так как боится показаться тщеславным, надутым и претенциозным. Кроме того, достигнув расцвета, человек страшится себя нового, новых обязательств, ибо рост подразумевает движение от известного к неизвестному. И это творение себя и своего мира и есть высший смысл существования.

Важный феномен кризисных коммуникаций состоит и в том, что оболочка между сознательным и бессознательным становится проницаемой, личность перестает сознательно контролировать ситуацию, и ей становится доступно то, что было скрыто в бессознательном.

Вместе с тем, попадая в критическую ситуацию, испытывая страх и неуверенность, человек может отказаться от вливания нового в жизнь, и либо откатиться на уровни рациональных коммуникаций, либо застрять в кризисе на многие годы.

Творчество на уровне экзистенциальной коммуникации. На этом уровне личность выходит за пределы ограничений тела, эго, ума, членского восприятия. В переживаниях, которые трансцендируют культурные схемы (конвенции) берут начало каждое новое озарение и каждое подлинное произведение искусства. Истинная природа человека – природа космической энергии, каждый абсолютно тождественен с божественным источником творения: «мы – коллективно и индивидуально – суть и драматурги, и актеры в этой космической драме» [12. 46]. На уровне экзистенциальной коммуникации личность ощущает, что все границы Вселенной совершенно произвольны, нет фиксированной личности, и каждый является и творцом и творением. Творческий акт – это трансценденция, выход за границы имманентной действительности, прорыв свободы через необходимость. Феномен трансценденции описывают современные постмодернистские философы, давая ему имя трансгрессии (Ж. Батай, М. Бланшо, М. Фуко). Бланшо пишет, что индивидуальное самосознание начинается с "опыта невозможного" – выявления и расширения собственных пределов, которые не совпадают с границами языковых норм, культурных традиций, социальных полей, и реализуется в *трансгрессивном* выходе за пределы социальности. В то время как власть – тотальное господство нормативной рациональности, социально прописанный закон – стремится подавить волю к власти любой личности. «Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, – можно считать, что он состоялся. В частности, через это и состоялась литература, отдавшая предпочтение вызову как порыву. Настоящая литература подобна Прометею. Настоящий писатель осмеливается сделать то, что противоречит основным законам общества» [1]. Трансгрессия – это возвышение над текущей жизнью, зависание во времени, переход, преодоление сложившихся в организованном обществе законов. Трансгрессия – это жест, который обращен на предел, прорыв,

который пронзает мир, завершая себя в потустороннем, где человек вверяет себя какому-нибудь абсолюту (Богу, Бытию, Благу, Вечности) (Бланшо). Батай анализирует феномен религиозного экстаза, как трансгрессивного выхода субъекта за пределы обыденной психической «нормы», феноменологического проявления трансгрессивного трансцензуса к Абсолюту. Феномену безумия постмодерн приписывал процесс трансгрессии, как выходу в невозможное, незнаемое. Батай называет трансгрессию медитацией, жгучим опытом, Бланшо – опытом-пределом. Мир налично данного, возможного, исключает в своих границах перспективу новизны и множит только известное, потому подлинное творчество требует выхода в другое измерение.

Творческий акт человека и возникновение новизны в мире не могут быть поняты из замкнутой системы бытия, творчество возможно лишь при допущении свободы, не детерминированной бытием, не выводимой из бытия. Чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга «действительности», необходимо вообразить иной мир, новый по сравнению с этой мировой действительностью. Истинный путь человека, по мнению Бердяева, это путь духовного освобождения от мира, освобождение духа человеческого из плена необходимости. Истинный путь – это движение в духе, а не в мире, это свобода от приспособлений к миру. Изначальный грех человека, по Бердяеву, – это рабство, несвобода духа, подчинение дьявольской необходимости, бессилие определить себя свободным творцом. «Путь освобождения от мира для творчества новой жизни и есть путь освобождения от греха, преодоление зла, собирание сил духа для жизни божественной. Рабство у мира, у необходимости и данности есть не только несвобода, но и узаконение и закрепление нелюбовного, разодранного, некосмического состояния мира» [3].

Сущность творчества на уровне экзистенциальной коммуникации можно назвать *встречей* [20]. Встречей с пейзажем, идеей, образом. Вершина творческой активности, в которой гармонично сочетается форма и страстность, порядок и витальность называется экстазом. Экстаз буквально обозначает «находиться вовне», освободится от будничной противоположности субъекта и объекта, дихотомии. Экстаз сверхрационален. В момент экстаза мир становится прозрачным, зрение и слух приобретают необычную остроту, появляется чувство непосредственного родства со всем миром, он становится живым и незабываемым. Понятие встречи (трансгрессии, трансценденции) дает нам возможность провести разграничение между мнимым творчеством и истинным. В творчестве на досуге, ради приятного времяпрепровождения, нет встречи, а есть лишь отдохновение от повседневных забот. И мы

можем благодаря понятию «встреча» провести разграничение между талантом и творчеством. Талант может быть отнесен к явлениям психофизиологическим и рассматриваться как нечто данное человеку. Человек может обладать талантом и не пользоваться им. Человек может быть творцом и без явного великого таланта, но полностью отдаваться своей идее и желанию выразить ее.

Способность человека «потеряться в настоящем», потерять себя слиться с наблюдаемой реальностью, увидеть скрытую истину характеризует экзистенциальную коммуникацию. Этот опыт переживается как блаженство, экстаз, восторг. Такие переживания Маслоу называет пиковыми переживаниями. Описывая пиковые переживания, автор выделил следующие характеристики: отказ от прошлого, от будущего, невинность восприятия и поведения, простодушие, отсутствие априорных ожиданий, пренебрежение модой, пристрастиями, догмами, привычками, сужение сознания, утрата Эго, самозабвение, отказ от тормозящей силы сознания, исчезновение страхов, ослабление защит и тормозов, сила и мужество, принятие, доверие, возвращение к бессознательному и предсознательному поэтическому, метафорическому, мистическому, первобытному, архаичному, детскому, эстетическому восприятию, максимально полная спонтанность, экспрессивность, слияние личности с миром [18].

О людях, способных к самотрансценденции и пиковым переживаниям, можно сказать, что они знакомы с реальностью бытия, с жизнью на уровне бытия, с конечными целями, с внутренними ценностями.

Самодовлеющим стремлением [17] – стремлением человека к чему-то самоценному в мире, что не является средством для чего бы то ни было – называет Лосский трансценденцию. В самодовлеющем стремлении, писал он, лежит источник развития творческой личности.

Еще один важный аспект экзистенциальной коммуникации личности с миром необходимо выделить: *творческая личность всегда имеет предназначение* и верит в него, и это предназначение действует как божественный закон, от которого невозможно уклониться. И тот факт, что не все доходят до цели, что многие погибают на собственном пути, ничего не значит для того, кто чувствует предназначение. «Кто имеет предназначение, кто слышит голос глубин, тот обречен» [28. 464].

Путь творческой личности не всегда проходит в согласии с современниками. Современники могут не понять, не увидеть, не оценить вклад, который делает творческая личность своими трудами. Поэтому наивысшее из всех видов мужества – это мужество творчества [20]. Творить – значит бросить вызов, потому что творчество требует мужества восстания против авторитета, мужество иметь мнение, взгляд, образ

совершенно иной, чем традиционный в обществе. И здесь заключается следующий парадокс: в результате будет вознагражден не тот, кто придерживался строгих канонов (религиозных, социальных и т.д.), а «награды» удостоивается бунтарь (и то, если история будет к нему «благоклонна», и его труды дойдут до следующих поколений). Творческие личности часто подверглись остракизму своих современников, но последующие поколения их иногда начинали понимать, уважать и почитать творческий вклад в развитие культуры.

Таким образом, *творчество является разноуровневым феноменом*, зависящим от погруженности личности в мир и собственную субъективность. Сущность творчества на прагматическом уровне коммуникации личности с миром – это изобретение новых решений в ответ на задачи, поставленные в процессе деятельности. Творчество на уровне конвенциональной коммуникации можно назвать «творческая адаптивность». Творчество на уровне коммуникации в контексте культуры – это поиск личностью своего уникального места в обществе, нахождение своего пути, не замыкающегося на личности, стремление стать феноменом и субъектом культуры. Творчество на уровне кризисных коммуникаций – это переосмысление своего места в мире, переоценка своего прошлого и будущего. Творчество на уровне экзистенциальной коммуникации – это преобразование мира и своей личности в спонтанном процессе трансцендирования, выхода за границы имманентной действительности, прорыве свободы через необходимость, осознания онтологического единства с миром, когда появляется видение скрытой истины, откровение.

В заключение следует заметить, что для воспроизводства общественной системы важно творчество на различных уровнях коммуникации. Социальная эволюция предполагает необходимость роли каждого, входящего в систему.

Каждому уровню коммуникации соответствуют свои механизмы творчества. Кроме того, личность не статично зафиксирована на одном уровне, она может «передвигаться» с одного уровня на другой.

Творчество на уровне прагматическом характеризуется только лишь изобретением материальных и идеальных предметов для достижения поставленных кем-то (производственным коллективом, начальником, заказчиком) целей деятельности. Существует огромное количество пособий, предлагающих различные методы и технологии изобретения.

Например, предлагаются такие методы получения новых идей, как:

- генерирование ассоциаций, поиск аналогий, метафор;
- использование приемов игры, юмора, двусмысленности;
- использование метода аналогий из далеких областей знания.

При групповом решении задач:

- использование сократовского диалога для извлечения нового, скрытого понимания проблемы и ее решения;
- коллоквиум по обмену творческим опытом среди специалистов [8].

В области научного творчества органично применяются следующие методы:

- наблюдение и анализ несоответствий между существующими представлениями о феномене и новыми данными о нём (либо выявление нового феномена);
- сбор данных, систематика, создание классификаций, картотек;
- экспериментальная или теоретическая реконструкция феномена, т.е. постановка эксперимента и символической модели феномена или так называемое приближённое описание;
- экстраполяция и интерполяция [11];
- получение гештальта, инсайт.

Весьма много внимания в литературе уделяется разного рода частным методам активизации поисков решения научных и технических задач. Из ряда таких методов упомянем:

- метод фокальных объектов – признаки нескольких случайно выбранных объектов переносят на рассматриваемый объект, в результате чего получаются необычные сочетания, позволяющие преодолеть психологическую инерцию и косность;
- метод эвристических вопросов применяется для сбора дополнительной информации в условиях проблемной ситуации или для упорядочения уже имеющейся информации в процессе решения творческих задач. Этот метод изобретен древнеримским теоретиком ораторского искусства Квинтилианом, рекомендовавшим своим ученикам ставить перед собой семь вопросов: кто? (субъект), что? (объект), зачем? (цель), где? (место), чем? (средства), как? (метод), когда? (время) [24].

Также хорошо известен и метод синектики (В. Гордон, Дж. Принц). Это подход к творческому мышлению, заключающийся в комбинировании несовместимых, на первый взгляд, вещей, в результате чего привычное видится в необыкновенном свете (метод агглютинации).

Инструменты, применяемые в творчестве на уровне прагматической коммуникации, используются и на более глубоких уровнях, но при более интенсивной связи с миром появляются и личностные новообразования.

Представить себе человека, живущего только на прагматическом уровне возможно – это бытие ремесленника в традиционном обществе. В современном цивилизованном быстроменяющемся мире человек не может

жить только на уровне утилитарном, он неизбежно будет вынужден творчески преобразовывать и свою жизнь.

На конвенциональном уровне у личности появляются задачи не только предметного плана, но и приспособление к изменяющимся условиям бытия. Причем на этом уровне основная цель – самосохранение. Здесь происходит творческая интерпретация ситуаций, постановка новых целей и путей их достижения, оптимизация ресурсов, действий. Инструменты творческого решения задач, поставленных новой ситуацией, могут быть такие (здесь повторяются некоторые приемы, описанные на предыдущем уровне, но имеется в виду их применение к своей жизни):

- установление реальных, изменившихся фактов, сбор данных;
- оценка новой ситуации;
- мозговой штурм – генерирование решений;
- использование сократовского диалога для извлечения нового, скрытого понимания проблемы и ее решения;
- наблюдение и анализ несоответствий между существующими представлениями о явлении или событии и новыми данными о нём (либо выявление нового феномена);
- инсайт, как перестройка представления о ситуации, открытие скрытой истины.

Описаны методы совладания с вызовами внешнего мира. Один из важнейших методов – это построение жизненной перспективы. Структура целевого планирования жизненной перспективы может включать планирование ближней жизненной перспективы, средней и дальней. При рассмотрении целей по срочности, средств по легкости, а мотивов по важности, появляется возможность оценивать субъективную вероятность реализации спланированного, а значит, есть возможность корректировать содержательный и временной контекст реализации жизненной перспективы в течение всего жизненного пути [23].

Механизмы творчества на уровне коммуникации в контексте культуры. Почему личность расширяет свой жизненный мир, выходя за рамки индивидуального бытия? С понимания того, что путь к себе лежит через мир [25]. С усложнения внутреннего мира. Возможно, в результате избытка энергии, которую человек может направить на служение обществу. На этом уровне человек с успехом использует стратегии менее интенсивных уровней коммуникации, удерживая в поле своего внимания *не только задачи личного плана, но и задачи широкого контекста культуры и общества. Человек здесь «размыкается», и появляется желание служить, быть полезным своей стране и миру в целом.*

В XX веке появилась новая область исследования, называемая акмеологией. В ней изучается период зрелости человека – время, когда

человек готов служить, приносить пользу обществу. Вместе с тем, эта стадия не связана жестко с возрастом – множество людей так и не становятся «зрелыми», не ставят себе задачи более высокого ранга, нежели обеспечение своих утилитарных потребностей. Если же человек входит в период зрелости, то ему на помощь приходят стратегии построения собственного уникального жизненного пути: глубокая личная рефлексия, и конструирование своей творческой неповторимой индивидуальности в контексте страны и мира.

Авторы теории развития творческой личности Г.С. Альшуллер и И.М. Вёрткин предлагают следующие механизмы: формулирование значительной, новой и общественно полезной цели; создание пакета рабочих планов, регулярный контроль выполнения этих планов; выработку высокой работоспособности (в выполнении планов); обучение хорошей технике решения задач; развитие способности отстаивать свои цели, умения держать удар; выработку качеств «результативности» [22].

Наиболее важные механизмы развития и расширения коммуникативного мира (обучить творческим инструментам решения задач не трудно, труднее привить творческий подход к жизни): повышение культурного и образовательного уровня, гуманитарное образование. Важна и роль учителя. Многие выдающиеся личности подчеркивали огромное значение учителя в их становлении. Исследование биографий выдающихся творцов показало, что у гениальных личностей, почти всегда гениальные учителя. У Фрейда было большое количество значительных учеников: К.Г. Юнг, К. Хорни, А. Адлер, Г. Салливан. У Н. Бора и Э. Резерфорда многие ученики получили нобелевские премии.

Механизмы творчества на уровне кризисной коммуникации. Наиболее глубоко переживаются кризисные ситуации при внутренне сложном и внешне трудном мире. В сложном и трудном мире главная внутренняя необходимость – «воплощение идеального надситуативного замысла своей жизни в целом. Эту задачу приходится решать на материале конкретных ситуативных действий в условиях внешних затруднений и постоянно возобновляющихся внутренние рассогласований» [9. 17]. По своей сути такая задача является творческой, т.к. никогда не имеет готового алгоритма решения.

Зачем все это? – главный вопрос личности в ситуации кризиса. Этот период часто переживается как паранойя, духовный кризис. Внутренняя задача этого уровня – *преодоление предрассудков, социокультурных стереотипов*, очищение, освобождение от искусственных конвенций. Но сильные личности могут «...вынести в себе всю боль противоречия и победить её», – писал Гегель. «Интенсивность и глубина субъективности обнаруживаются тем больше, чем сильнее, чем бесконечно многообразнее тянут её в разные стороны обстоятельства, чем более раздирают её те

противоречия, под гнётом которых она должна оставаться неколебимой внутри самой себя. Только в этом самораскрытии утверждается сила идеи, мощь идеального, ибо сила состоит лишь в том, что обладающий ею сохраняет себя в своём отрицании» [10. 187]. Задачи этого уровня: переосмысление целей и ценностей, создание новых целей и способов их достижения.

Одна из основных трудностей, поджидающих творца с уникальным видением мира, это неприятие его плодов творчества внешним миром, обществом. Как переживет личность этот период, во многом зависит от личностных ресурсов. Научное исследование автора творческих личностей г. Томска позволило проследить как преодолеваются ими внешние препятствия на пути к цели. Механизм *терпения и веры в себя* оказался эффективным для скульптора: «Я тут думаю, еще один фактор есть – терпение. Меня сколько ни били по башке, а я радовался, как блаженный идиот, и дальше шел» [13. 119]. «А как же? Я же знаю, что я лучше всех. Внутреннее ощущение есть. У меня собственный отсчет времени!» [Там же].

Механизм *действия по собственной инициативе* используют артист и музыкант. Причем, эти инструменты ими использовались с детства:

1. «много чему научился, но научился по собственной инициативе, потому что охота было что-то делать, ...доставал своих учителей, потому что мне нужно было знать, ...я во всем научился разбираться сам и нашел ту область, где кроме меня никто не понимает» [13. 110].

2. «Я сам занимался, параллельно изучал каким-то таким своим, другим способом теорию» [13. 90]. Когда музыкант Алексей не смог поступить учиться на ту специальность, на которую хотел, стал искать другие пути: «я тогда давай искать, куда там еще можно поступить, на другой инструмент» [Там же]. А поступив, он самостоятельно обучался тому мастерству, которому хотел: «я даже с теоретиками ходил на некоторые меня интересующие предметы...» [Там же. 94].

Механизм поиска свободы использовал другой художник: «Отец же как сказал – по своему образу и подобию создал человека, да... А в чем наше подобие? Только в возможности творить» [13. 71]. «Достижение свободы – цель-то одна – достижение свободы полной! Внутренней свободы, тогда и картинка начнет получаться, тогда и жизнь в радость, жизнь превосходна тогда. ...Но как стать монахом просветленным? Вот вопрос» [Там же].

Таким образом, основной механизм творчества на уровне кризисных коммуникаций: постановка новых целей, переоценка ценностей, способность преодолевать предрассудки, социокультурные стереотипы.

Важный механизм этого уровня – совладание с внешними трудностями: терпение и вера в себя, действие по собственной инициативе.

Механизмы творчества на экзистенциальном уровне – это, прежде всего, трансценденция, служение, ощущение истинного высокого призвания, самодовлеющее стремление, убеждение, что тело и ум даны для принесения пользы другим. Это просветление в высших ценностях (добра, истины, красоты, тайны) может настолько преобразовать человека, что он становится источником мудрости и вдохновения для многих.

Необходимого для творчества спонтанного состояния, сверхсознания можно достигнуть инструментами, описанными в духовных практиках буддизма, индуизма, шаманизма, в психотехниках холотропного состояния сознания и др. В мистические практики, эзотерических системах разработаны специальные медитативные, дыхательные и др. упражнения, направленные на переживание надличной, трансперсональной сопричастности целому, прикосновению к истоку Мира, установление связи с Высшим началом. А как уже говорилось, спонтанность – важнейшая составляющая творческого процесса, качественный скачок в видении мира. Спонтанность – это преодоление инерции мышления, выход в свободный полет, не-дуальность. «В творчестве как акте мистическо-духовной связи с Высшим началом спонтанность может проявляться как нисхождение духа, благодать, озарение. Здесь через художника говорит Бог или иное высшее начало; и человек потому спонтанен, что растворен в этом Высшем начале, слит с ним и выступает естественным транслятором духа, ощущаемого им в себе» [21. 234]. Несмотря на кажущуюся неуправляемость, появления состояния спонтанности, эту задачу можно решить технологически через практики медитации – статической, динамической, трансцендентальной, различные виды йоги, холотропного дыхания, таких «острых» приемов как коаны, мондо [21] считает Самохвалова. Тогда мозг человека переводится с привычного видения мира в алогичную, парадоксальную реальность, вне привычных схем и шаблонов. Заведомая парадоксальность, абсурдность способна пробудить неожиданное восприятие мира, активизировать творческую интуицию. В традиционных шаманских практиках предлагается прямое воздействие на мозг химических препаратов. К подобным «помощникам» прибегали некоторые творцы, но этот путь, как известно, ведет к деградации и гибели, даже если удалось поймать на каком-то этапе спонтанность и творческое вдохновение за хвост.

Еще один инструмент творения на экзистенциальном уровне – *духовная установка*. Это наличие «живого образа должного пути, с которым будет установлена личная обратная связь» [5. 65]. Не всякая самореализация и не всякое творчество есть благо. Путь может быть

принят, когда ответишь на вопрос «Кто есть истина?». Например, наш респондент Петр так ищет ответы на основные вопросы бытия: «Отец же как сказал – по своему образу и подобию создал человека, да... А в чем наше подобие? Только в возможности творить» [13. 72]. «Достижение свободы – цель-то одна – достижение свободы полной! Внутренней свободы, тогда и картинка начнет получаться, тогда и жизнь в радость, жизнь превосходна тогда. Но как стать монахом просветленным? Вот вопрос» [13. 78].

Самодовлеющее стремление к чему-то самоценному в мире наш респондент (в научном исследовании) музыкант Алексей описывает так: «Наиболее яркие впечатления – то, что опять-таки с гитарой связано... то есть это когда мне начал потихонечку приоткрываться мир музыки...» [13. 98]. «Просто интерес был жуткий. Просто мне показалось таким везением, таким счастьем, что внезапно зашел человек, учитель будущий, в школу на уроке... мол так и так, объявляется набор...» [13. 100].

Скульптор Леонтий *самодовлеющее стремление* описывает так: «Я как родился, всю жизнь хотел заниматься чем-то таким...» [13. 118]. «Вот я же чувствую: куда внутренний голос ведет, туда и иду. И спокойно так. Голосу подчиняюсь». [13. 122]. «А есть какие-то ощущения, какая-то муза, которую не могу описать, вот это толкает меня» [13. 127].

Следующий механизм бытия и творчества на уровне экзистенциальных коммуникаций – это *восприятие общества в пространственно-временной перспективе* не как «здесь-и-сейчас», а как «*всегда-и-езде*». Такое видение мира позволяет творить для человечества в целом, веря в полезность своих произведений, поднимаясь над внешними и внутренними препятствиями. Так, Винсент Ван Гог был одержим идеей «проложить дорогу искусству будущего», самопожертвованием, связанным со служением великой и значительной идее: «Я до сих пор надеюсь, что работаю не только для себя, и верю в неизбежное обновление искусства – цвета, рисунка и всей жизни художников. Если мы будем работать с такой верой, то, думается мне, надежды наши не окажутся беспочвенными» (из писем к брату Тео) [20].

Другой механизм творчества на уровне экзистенциальной коммуникации – *философское отношение к жизни: поиск (скрытого) смысла в происходящем, ценностное отношение к жизни, способность удерживать метакоммуникативный план бытия*.

Говоря о механизмах творчества на уровне экзистенциальной коммуникации, мы пытаемся дать рациональное описание нерациональным процессам. Главное здесь в понимании творчества – это все-таки бессознательный характер его. Творчество на экзистенциальном уровне – это трансцендентальная проблема, это тайна, которую ученый не может решить, а лишь попытаться описать.

Проведя философское и научное исследование, становится возможным определить творческую личность с позиций коммуникативной проблематики. *Творческая личность* находит свое уникальное место и свою уникальную роль в пространстве мира, владеет навыками совладания с внешними трудностями. Творческая личность имеет предназначение и верит в него, характеризуется самодовлеющим стремлением к чему-то самоценному в мире. Творческая личность знакома с реальностью бытия, с жизнью на уровне бытия, с конечными целями, с высшими ценностями. Творческая личность способна к самотрансценденции, выходу за границы имманентной действительности, свободному прорыву через необходимость. Она способна «потеряться в настоящем», потерять себя, слиться с наблюдаемой реальностью, увидеть скрытую истину. Для творческой личности самыми важными являются ценности Бытия – совершенство, истина, красота, добро, единство, наслаждение Бытием. Она характеризуется глубокой личностной рефлексией, способностью преодолевать предрассудки, социокультурные стереотипы, ставить новые цели, конструировать свою неповторимую индивидуальность. Её восприятие мира характеризуется широкой пространственно-временной перспективой, философским отношением к жизни и духовной установкой.

Воздержимся от того чтобы назвать творческим человека, который способен создавать новое лишь на первых двух уровнях коммуникации, поскольку творчество на уровне утилитарном и конвенциональном не затрагивает личность в целом, не характеризует ее как уникальное экзистирующее существо, движимое желанием служить, быть полезной. Не называем творческой личностью и человека, создающего вредные для общества продукты. Восхищение творческими личностями в современном мире ведет к тому, что некоторые индивиды предпринимают попытки что-то делать новое, другое, ради того чтобы быть другим, отличным. Они работают только на собственный имидж, определенно пытаются быть оригинальными («творческими») и предлагают свою эксцентричность как творение. Такой эксцентрик может настаивать, что слепота современников не позволяет увидеть ценность (гениальность) его работы. Но творческая личность начинает творить без намерения сделать что-либо «гениальное», а стремится выразить себя, не с намерением в виде «Я должен быть творческим», а скорее страстно желает четко выразить и дать форму своим идеям. Он создает продукт, который будет ценным для общества, но не продукт, которые должны назвать творческим. Можно назвать человека, создающего новые продукты на первых уровнях коммуникации и генерирующего «вредные» идеи, не ставящего себе целью служить, субъектом творчества. Это название вполне соответствует пониманию «истинного субъекта» постмодернистами, которые видят субъективность

в противопоставлении себя обществу с его тотальным контролем над индивидами, придают аморальное и асоциальное значение проявлению полной субъектности.

Теперь совершим попытку создать классификацию творческой личности в коммуникативной парадигме. Для начала рассмотрим классификации, сделанные в инженерных областях и философии. Исследуя творчество в парадигме телеологической теории информации, Э.А. Соснин и Б.Н. Пойзнер пришли к заключению, что существует считанное количество способов воздействия человека на судьбу общества: это изменение ресурсов, продуктов, носителей информации, целей и операторов (операций) информации общественной системы, т.е. «имеется пять базовых классов воздействия на эволюцию информационной системы» [22. 205]. Исходя из того, какие способы воздействия на общественную систему производит личность, авторы построили универсальную шкалу творческой деятельности: Мастер, Талант и Гений. Что является преимущественным продуктом деятельности этих субъектов творчества? Мастер изобретает новые продукты и ресурсы по достижению целей. Талант – продукты, ресурсы и операторы (операции, действия) по достижению цели. Гений способен на изобретения продуктов, ресурсов, операторов деятельности, кроме того, он способен ставить новые цели, изобретать новые ценности. При этом, именно изобретение новых целей деятельности способно изменить общество, эволюционировать его. Далее исследователи делают важное замечание, что «изобретательность может проявлять себя не только в созидающем направлении, но и в деструктивном» [22. 229], т.е. новации могут не только развивать общество, или какую-либо сферу деятельности, но и вести его к разрушению. Примеры подобного «творчества» – изобретение компьютерных вирусов, наркотиков, оружия. Кроме того, пишут авторы, существуют новации с нулевым эффектом: существуют «пустые, имеющие низкую ценность или не имеющие ее вообще нововведения, которые, как ни парадоксально, сохраняются и воспроизводятся» [22. 230].

Существуют и такие ситуации, когда налицо изобретение, налицо его потенциальная полезность, но в силу разных обстоятельств эта новация не была востребована обществом. В советскую эпоху, например, инженеры обязаны были вносить «регулярно» рацпредложения, и они их действительно делали, руководство за них отчитывалось, и складывало предложения в стол. Социальный спрос, социальный заказ, а так же социальные преграды так же всегда играли существенную роль в реализации новаций. В XIX веке, например, австрийскому правительству предлагали свои замечательные изобретения многие выдающиеся техники, но они не были пущены в дело – ни автомобиль с

электромагнитным зажиганием и четырехтактным мотором, ни первая швейная машина, ни первая печатная машинка, ни велосипед, ни подводная лодка, ни паровой винт. Вена ценила гениев музыкальных, а технические гении и изобретатели были, но не ценились, потому Вена стала музыкальной столицей мира, но Австрия – технически отсталой страной [27].

Таким образом, нельзя с точностью наперед предсказать какие творческие продукты, действия или цели могут пригодиться обществу. Какие-то новации могут стать полезными в силу случайных обстоятельств, или в силу победы в социальной гонке поддерживающего их сообщества, или в момент кризиса системы, когда требуются новые решения по выходу из застоя определенной сферы деятельности человека или общества. История (эволюция) человеческих сообществ не является линейной. Периодически все сложные и открытые системы попадают в состояния неустойчивости относительно случайных возмущений и возникает неопределенность: разрушится ли система (перейдет в хаотическое состояние) или скачкообразно перейдет в одно из новых устойчивых состояний. Такие моменты в эволюции нелинейных систем называются точками бифуркации. Соответственно, если общество находится в предбифуркационной стадии, то, какие решения творящего субъекта будут востребованы, предсказать невозможно. С уверенностью можно сказать только то, что творческая личность будет творить, невзирая на признание или непризнание общества. Она подчиняется только своему внутреннему закону. Ею руководят внутренние императивы.

Классификация, которая предлагается в работе, построена на основе интенсивности коммуникации личности с миром. Автор пришел к выводу, что типологизировать творческие личности лишь по плодам творчества не перспективно, поскольку оценка современниками вклада творческой личности в развитие культуры может быть ошибочной. Какие-то изобретения находят признание через много лет (что весьма характерно для гениальных открытий), а что-то может неверно признаться за полезное (как например, открытия школы Т.Д. Лысенко в биологии), и только время расставит все на свои места. К тому же, мы отметили, что в силу различных обстоятельств, гениальные открытия могут не пригодиться миру вовсе.

Существует и проблема рынка: «как правило, ценность произведения искусства первоначально не совпадала с оценкой и ценой. Это правило приобретает значение едва ли не закона, если заметить, что оно распространяется не только на высокое искусство, но и на произведения, которые лишь с оговорками можно отнести к истинному искусству. Правда, в этом случае все происходит наоборот: малая художественная ценность произведения получает незаслуженно высокую

оценку и соответствующую ей высокую цену... Подобная аберрация чаще всего происходит из-за невежества, конформизма, маргинальности широких масс, так или иначе общающихся с искусством. Но не менее часто совершается сознательный обман, когда возвеличивается малоценное произведение в силу идеологических и политических соображений» [7. 23-24].

В работе предлагается следующая типология творческой личности:

1. Творческие личности, которые находят свою роль в контексте культуры, движимы желанием служить;
2. Творческие личности, находящиеся на уровне кризисных коммуникаций;
3. Высший тип творческой личности – личности, вступающие в экзистенциальные коммуникации с миром.

Операциональным представляется выделение творческих личностей, находящихся на уровне кризисных коммуникаций, как отдельный тип, несмотря на то, что состояние кризиса «должно быть» временным состоянием, и человек, разрешив его, «должен» перейти на более высокий уровень. Но практические и теоретические исследования показывают, что индивид может годами и десятилетиями пребывать в этом состоянии, болезненно переживая внутренние конфликты и конфликты с внешним миром. Кроме того, важно напомнить, что человек не есть что-то статичное, зафиксированное, он может «передвигаться» по уровням коммуникации и обозначенным типам творческой личности.

ВЫВОДЫ

В работе была поставлена цель: выявить коммуникативные основания сущности творчества. В концепциях коммуникации экзистенциальных философов и представителей коммуникативной теории были обнаружены четкие разграничения уровней коммуникации в зависимости от интенсивности, вовлеченности, погруженности личности в коммуникативный процесс. В предлагаемой работе обобщены и выделены следующие уровни коммуникации: 1) прагматическая коммуникация – утилитарная, функциональная; 2) конвенциональная коммуникация – адаптивная, ролевая коммуникация; 3) коммуникация в контексте культуры – стремление личности к целостности и обретению своего места в контексте культуры; 4) кризисная – коммуникация в ситуации потери ориентиров и смыслов; 5) экзистенциальная коммуникация – где «все и каждый является я, все и каждый является другим», стирание границ между личностью и миром.

Найдено, что в зависимости от интенсивности коммуникации личности с миром осуществляются различные процессы творчества.

Творчество на прагматическом уровне носит исключительно предметный характер, оно не затрагивает личность, не преобразует ее сущности. Конвенциональный аспект творчества можно назвать «творческой адаптивностью». Творчество как самосозидание автономной личности, в рамках конвенционально-правового бытия есть суть такого творчества. Творчество на уровне коммуникации в контексте культуры – это стремление личности к целостности и обретению своего места в контексте общества, мира, построение своей судьбы и своих отношений в том времени и том сообществе, в котором оказался человек. Творчество в кризисных коммуникациях разворачивается в ситуации утраты ориентиров и смыслов. Феномен творчества в кризисной ситуации заключается в преодолении предрассудков, социокультурных стереотипов, движение к подлинности, аутентичности. Творчество на уровне кризисных коммуникаций происходит как переосмысление своего места в мире, переоценки своего прошлого и будущего. Творчество на уровне экзистенциальной коммуникации – это преобразование мира и своей личности в спонтанном процессе трансцендирования, выхода за границы имманентной действительности, прорыве свободы через необходимость, осознания онтологического единства с миром, способности «потеряться в настоящем», потерять себя, когда появляется видение скрытой истины, откровение.

В результате анализа механизмов творчества выявлено, что на каждом уровне коммуникации с миром личности доступны определенные механизмы творчества. На прагматическом уровне: генерирование ассоциаций, поиск аналогий, метафор; использование приемов игры, юмора, двусмысленности; использование метода аналогий из далеких областей знания; удивление и интуиция; создание и снятие застойной доминанты; инсайт. Механизмы творчества, применяемые к своей судьбе на конвенциональном уровне: установление реальных, изменившихся фактов, сбор данных; оценка новой ситуации; мозговой штурм – генерирование решений; наблюдение и анализ несоответствий между существующими представлениями о феномене и новыми данными о нём; инсайт, как перестройка представления о ситуации, открытие скрытой истины; планирование жизненной перспективы; составление жизненных планов; выдвижение этапных целей; разработка путей их достижения. Инструменты творчества на уровне коммуникации в контексте культуры: конструирование своей творческой неповторимой индивидуальности в контексте страны и мира; формулирование значительной, новой и общественно полезной цели; создание пакета рабочих планов; обучение хорошей технике решения задач; развитие способности отстаивать свои цели, умения держать удар; выработку качеств «результативности»; повышение культурного и образовательного уровня; обучение у сильного

учителя. Механизмы творчества на уровне кризисной коммуникации: переосмысление целей и ценностей; создание новых целей и способов их достижения; терпение и вера в себя; действия по собственной инициативе. Механизмы творчества на экзистенциальном уровне: трансценденция смысла, самодовлеющее стремление; восприятие общества в пространственно-временной перспективе как «всегда-и-везде»; философское отношение к жизни; духовная установка. На любом уровне применяются инструменты прагматического уровня.

Экспликация сущности творческой личности с позиций коммуникативной онтологии, позволила дать определение исследуемому феномену. *Творческая личность* находит свое уникальное место и свою уникальную роль в пространстве мира, имеет предназначение и верит в него. Она характеризуется глубокой личностной рефлексией, способностью преодолевать предрассудки, социокультурные стереотипы, ставить новые цели, конструировать свою неповторимую индивидуальность, владеет навыками совладания с внешними трудностями. Творческая личность характеризуется самодовлеющим стремлением к чему-то самоценному в мире, знакома с реальностью бытия, с жизнью на уровне бытия, с конечными целями, с высшими ценностями. Творческая личность способна к самотрансценденции, выходу за границы имманентной действительности, свободному прорыву через необходимость. Она способна «потеряться в настоящем», потерять себя, слиться с наблюдаемой реальностью, увидеть скрытую истину. Её восприятие мира характеризуется широкой пространственно-временной перспективой, философским отношением к жизни и духовной установкой.

В заключение исследования была предложена типология творческой личности.

Список литературы:

1. Батай Ж. Литература и Зло. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/batai/intro.php
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. - М., 1993. - С. 292-293.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. [Электронный ресурс] – URL: <http://e-k.viv.ru/cont/theseno1/1.html>
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
5. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии / Гуманистическая и трансперсональная психология: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест, М.: АСТ. – 2000. – С. 54-72.

6. Братченко С.Л. Личностный рост и его критерии. [Электронный ресурс] – URL: <http://hpsy.ru/public/x1332.htm>
7. Бурмакин Э.В. Экология культуры: культурологические размышления. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 152 с. Костина О.В. Онтология коммуникации: Дис. д-ра филос. наук : 09.00.01 Саратов, 2005 310 с. РГБ ОД, 71:06-9/4. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.lib.uar.ru.net/diss/cont/185509.html#contents>
8. Буш Г. Основы эвристики для изобретателей. Учебно-методическое пособие для народных университетов народного творчества. Ч. 1. – Рига: Общество «Знание» Латвийской ССР, 1977. – 53 с.
9. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа, № 4, 2001. – С. 16-25.
10. Гегель, Идея прекрасного в искусстве или идеал // Эстетика в 4-х томах, Том 1. - М.: Искусство, 1968-1971 гг. - 1946 с.
11. Гражданников Е.Д. Экстраполяционная прогностика: Классификационное и математическое моделирование в исторических и прогностических исследованиях. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 144 с.
12. Грофф С. Космическая игра. М.: Институт трансперсональной психологии, Издательство САТТВА, 2000. – 256 с.
13. Гумерова Р.В. Мир творческой личности: монография. – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2009. – 184 с.
14. Камю А. Миф о Сизифе // Сартр Ж.-П., Камю А. Две грани экзистенциализма. – М.: ОЛМА-ПРЕСС. – 2001. – С. 217-327.
15. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. – Интернет ресурс. URL: <http://lib.rus.ec/b/194546/read#t5>
16. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
17. Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. – СПб. Издательство Павленкова, 1903. – 214 с.
18. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. - М.: Смысл, 1999. – 425 с.
19. Мурина Е. Ван Гог. Интернет-ресурс. – URL: http://www.modernlib.ru/books/murina_e/van_gog/read/
20. Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества - Львов: Инициатива; М.: ИОИ, 2001. – 128 с.
21. Самохвалова В.И. Спонтанность как специфика творческого состояния сознания и его потенциал // Свобода и творчество (междисциплинарные исследования). Под ред. проф. И.А. Герасимовой. – М.: Альфа – М, 2011. – С. 221-250.

22. Соснин Э.А., Пойзнер Б.Н. Из небытия в бытие: творчество как целенаправленная деятельность. – Томск: STT, 2011. – 520 с.
23. Тенн О.Р. Стратегии совладающего поведения женщин переходного возраста, переживающих экзистенциальный кризис. Автореферат канд. пс. н, 2010. – 27 с.
24. Технология активного обучения. [Электронный ресурс] – URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=50&op=word&wid=446
25. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
26. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
27. Эфроимсон В.П. Предпосылки гениальности (Биосоциальные факторы повышенной умственной активности). [Электронный ресурс] – URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/MEN/EPHRO.HTM>
28. Юнг К.Г. О становлении личности / Юнг К.Г. Бог и бессознательное. – М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – С. 454-477.
29. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
30. Ясперс К. Духовная ситуация времени. [Электронный ресурс] – URL: <http://psylib.org.ua/books/yaspk01/index.htm>

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТЦЕНТРИСТСКИХ МОДЕЛЕЙ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

М.Ю. Раитина

Начиная с Нового времени, наука занимает доминирующее положение в сфере духовной культуры. На современном этапе сложилось представление о науке, которое можно оценить как эталонный вид деятельности, что обусловлено принципиально безграничными возможностями реализации через научную деятельность творческого потенциала каждой личности, проникновением ценностных ориентиров и норм профессиональной деятельности ученых в другие социальные группы. В XX веке произошли новые трансформации в способах теоретического осмысления действительности, связанные с деконструкцией метафизики: социальность стала пониматься как знаковая, информационно-коммуникативная, т.е. лишенная фундирующей основы, что повлекло за собой изменение представлений о творческом моделировании реальности и человека как субъекта этого процесса. Соответственно общество и производные социальные практики, в т.ч. научное познание, также утратили классическое значение, возможное через понимание единой субстанции. Таким образом, десубстанционалистская (коммуникативная) онтология, отвергающая основу мира, может быть сегодня рассмотрена как наиболее релевантная при описании социально конструируемых, коммуникативных процессов современного научного познания. В фокусе размышлений философии науки находятся, потеснив традиционные приоритеты, такие области бытия культуры, которые ранее противопоставлялись научному познанию и оставались за пределами рассмотрения. Особенностью развития современной науки является процесс ее внутренней интеграции, совмещение исследовательской деятельности с другими направлениями и формами. В результате чего философия науки превратилась в коммуникативное исследовательское пространство, в котором сосуществуют подчас конфликтные традиции, школы и направления, зачастую конкурирующие между собой. Причем методология исследования извлекается из самых разных дисциплинарных областей

Один из специфических признаков, характеризующих современную философию и культурную ситуацию, выражен в крайней форме метафорой «смерть субъекта», в более мягких вариантах речь идет о

критике и переосмыслении понятия «субъект». Философия науки нуждается в новых концептуально-логических структурах, благодаря которым можно было бы определить «присутствие» и содержание описания субъекта научного творчества, а для этого требуется изменить представление о субъекте познания, узнать о воздействии субъекта на предмет, познаваемый им. В связи с этим проблема изменения статуса субъекта в научном познании имеет неоднозначный спектр решений.

Направления, составляющие обширную часть пространства современного философского знания, такие как, постструктурализм, постпозитивизм, постмодернизм, имеют различное содержательное наполнение, но при этом делают акцент на одном: все они подвергают кардинальному пересмотру категорию «субъекта», и даже порой исключают её из инструментария философских рассуждений. «Субъектность», в ее классическом смысле, у представителей этих направлений философской мысли, не может являться категорией для понимания нашего времени или претерпевает существенные дополнения. Многие из них, рефлекслируя над сегодняшним состоянием социальности, обрисовывают весьма пессимистические перспективы развития, потери будущего, ссылаясь на всеобщий кризис науки и утрату западной цивилизацией элементов развития в целом [1]. Методология прогнозов будущего человечества в значительной степени задана личностными, ценностными, культурно-историческими ориентациями ученых.

Можно проследить взаимосвязь между утратой социальной онтологией субстанциального характера и кризисом позитивистской концепции, который стал очевидным уже в середине XX в., что было во многом обусловлено определившимся новым отношением к тем характеристикам науки, которые (как говорилось выше) сложились еще в Новое время, а их пересмотр был обусловлен эпистемологическим поворотом. После кризиса позитивистской методологии науки стал формироваться её новый образ, предпосылкой становления которого явился кризис стандартной концепции науки. Как известно, последняя представляет собой единство гносеологических, эпистемологических и методологических установок, сформировавшихся в недрах классической науки, на которые ориентировался как позитивизм, так и неопозитивизм: это представление абстрагировалось от социокультурных механизмов возникновения знания в науке, от представления о культурно-исторической обусловленности идеалов и норм науки, от того, что условно может быть названо основаниями науки. В пределах классической науки сложилось определённое представление об изучаемой реальности: природа понималась как неизменность, однажды данная, а поэтому представлялось возможным конструирование завершённой системы знаний. Что же касается включенного в процесс познания

субъекта, этот субъект «...понимался абстрактно, как лишенный (хотя бы в идеале) каких бы то ни было личностных качеств, как своего рода машина для формально-логической переработки чувственных данных – наиболее четкое выражение такая трактовка получила уже в середине нынешнего столетия в некоторых кибернетических концепциях мышления и познавательной деятельности. В итоге такой переработки, «очищения» и упорядочения представлений обыденного здравого смысла и сформировалась стандартная концепция науки» [2. С. 224].

Причина такого взгляда на основные характеристики науки заключена в специфике изучаемых наукой объектов: наука не имела дела с объектами открытыми и развивающимися. Так обращённость к исследованию открытых и развивающихся объектов обнаружила себя на рубеже XIX-XX веков с формированием альтернативного характера развития научного познания (неклассическое естествознание, принципы индетерминизма, вероятностное видение мира и т.д.), что привело к признанию большего значения субъектного характера познавательной деятельности.

Очевидно, что исследовательская позиция позитивизма в середине XX века уже не была бесспорно принятой, – об этом говорят появившиеся работы К. Поппера, Т. Куна, М. Хессе, Н. Хэнсона, Я. Хинтикки, Дж. Холтона, Л. Лаудана. Это дало возможность взглянуть под иным углом исследовательского зрения на науку, что было невозможно в рамках самосознания классической науки. Хотя сам отход от стандартной концепции науки начался раньше, – постулаты теории относительности и квантовой механики поставили под сомнение традиционный взгляд на роль субъекта в познании.

Функция интерпретации знания, получаемого в процессе наблюдения и эксперимента, оказалась органично связанной с субъектом познания, сама же наука как феномен вызвала глубокий интерес в исследовательском сознании: расширяется перспектива анализа науки, появляется множество подходов и направлений, с позиций которых исследуются различные срезы и уровни феномена науки [3].

Благодаря работам Т. Куна, можно говорить об изменении предметного поля социологии науки. Т. Кун предложил отказаться от господствующего в позитивистской, неопозитивистской и попперианской философии науки образа науки как системы знаний, предложив образ науки как деятельности научных сообществ и эволюции научных парадигм [4]. Специфика этого образа заключалась в том, что логические процедуры развития науки ставились в функциональную зависимость от господствующего способа деятельности научных сообществ (парадигма, дисциплинарная матрица, матрица понимания). Причем парадигмальность научной теории, т.е. её эталонность, предполагающая признание какой-

либо фундаментальной теории в качестве ведущей для ученого, образует основную черту понятия интерсубъективности научного знания, которую следует отличать от объективности.

По мнению Л.А. Марковой, статус субъекта меняется, он по выражению исследовательницы: «в значительной степени «опредмечивается», так как логические отношения между членами научного сообщества оказываются включенными в теоретическую структуру знания, а не остаются полностью за ее пределами. По той же причине изменяется и объект изучения: он в какой-то степени «распредмечивается», приобретает субъектные характеристики» [5]. Функция интерпретации знания, получаемого в процессе наблюдения и эксперимента, оказалась органично связанной с субъектом познания, сама же наука как феномен вызвала глубокий интерес в исследовательском сознании: расширились перспективы анализа науки, появилось множество подходов и направлений, с позиций которых исследуются различные срезы и уровни феномена научного творчества.

Отметим, что сегодня существует множество реконструкций науки, обусловленных различными культурно-историческими факторами исследования научного познания. К новым тенденциям исследования феномена научного творчества привела смена социокультурных оснований производства научного знания. Так, среди наиболее известных философии, социологии и историографии моделей исторической реконструкции науки можно выделить кумулятивистскую (прогрессистскую) модель истории науки; модель, в основе которой лежит понятие научной революции; а также социально-конструктивистские модели развития науки.

Иллюстрацией коммуникативности в научном познании могут служить социально-конструктивистские модели развития науки, сфокусировавшие в себе потенциал анализа научной коммуникации, представленные направлением ситуационных исследований – так называемых кейс-стадиес (case studies). Это микросоциологические исследования, начало которым было положено в англоязычной социологии науки «конструктивистской программой» К. Кнорр-Цетины, а позднее – программами Б. Латтура, С. Уолгара, Ж. Кантена, В. Биджкера, Т. Пинча, П. Формана, Б. Винна [6].

Субъектом научной деятельности становится научное сообщество, а фокус внимания концентрируется на его исследовании. В связи со становлением социологии научных сообществ знание изучается не просто в рамках философии науки, его изучением занимается, так называемая, когнитивно-ориентированная социология науки, анализирующая различные направления его получения. Так, познавательный процесс сводится социологом к анализу социально-поведенческих особенностей

ученых в научном сообществе (институте, лаборатории), исследованиям подвергаются отдельные диспуты, конференции, тексты. Сегодня исследователь, анализирующий процесс приращения научного знания, столкнулся с тенденцией, которую можно охарактеризовать как тенденцию «социологизации современной гносеологии», что нашло отражение, в частности, в термине Д. Блура «социальная теория познания», отражающей тему плюрализма в гносеологии. Исследователи рефлексуют над глубинами субъективного в эволюции научного знания, утратив интерес к бессубъектной гносеологии. Своеобразный подход социального исследования науки представлен, дополняющими картину, используя микросоциологические исследования, в которых научное знание формируется из содержания деятельности и коммуникативных процедур в среде научного сообщества

В связи с этим микроситуации становятся способом анализа научного познания, изменяя представления о субъектности. Обращаясь к динамике производства знания, М. Малкей указывает на то, что научное сообщество – особого рода социокультурный феномен, в котором действует сложнейший язык морали. Обращаясь к термину кейс стадис, трактует его как поле исследования групп, событий или процессов, локализованных в пространственно-временном и социальном измерении. Вводится обозначение «социальная сеть ученых» (network of scientists), иногда заменяемое на «проблемная сеть» (problem network) и «исследовательская сеть» (research network), – что означает совокупность исследовательских сообществ, связанных общностью целей, единой информацией, техническими ресурсами. При этом члены группы – коллеги и одновременно конкуренты; группы – это «узлы» сети, их взаимодействие – «нити» сети [2].

Социология науки отошла от противопоставления знания и его социокультурного содержания, ослабив демаркационный рубеж между социальными отношениями внутри научного сообщества и содержанием научного знания. Социологи «новой волны» опровергли постулаты Р. Мертона об отказе историографии науки и её социологии от исследования содержательного смысла научных идей, равно как и постулат о том, что предмет философии науки отличен от предмета социологии науки [7]. Началась утверждаться исследовательская парадигма, в которой приоритет был признан за социологическими методами. В свою очередь социология науки испытала воздействие проблематики философии науки. Научное знание претерпело превращение в вид интеллектуальной деятельности, несущей «печать случайности» (термин К. Кнорр-Цетины), что в целом противоречит самой логике научного знания, строящемуся на закономерностях и их поиске. Оно было объявлено эпистемологической структурой, отражающей не явление природного мира, а социальные

отношения и интересы, возникающие в научном сообществе, что расходилось с традиционным восприятием науки как познания окружающего мира [8].

Так, К. Кнорр-Цетина рассматривает жизнь научной лаборатории с позиции социологического анализа [9, 10]. А поскольку для науки характерен познавательный плюрализм, в виду разнообразия позиций и методологических установок, следовательно, учёный постоянно оказывается в ситуации выбора, он активный участник конструирования знания. По мнению К. Кнорр-Цетины, в науке нет познавательного отношения ученый–природа; наука – это жизнь лаборатории, изучаемая социологическими средствами; в лаборатории не найти природу, нужную для описательной интерпретации; реальность, существующая для ученого, как правило, заранее сконструирована, а иногда является полностью искусственной. Более того, нет в лаборатории и приписываемого науке поиска истины; главным здесь является установка на успех. Такая наука имеет мало общего с верификационизмом. Теория в стенах лаборатории подменяется частной интерпретацией. Результат науки адекватен, лишь с учётом процедуры его конструирования. И если применительно к смысловому пространству классической науки можно говорить о смысловой неизменности научного знания, то в анализируемой нами ситуации к знанию не приложимы стандартные процедуры верификации, научное знание контекстуально зависимо.

Субъект познания (учёный-исследователь) может объяснить физический мир посредством создания «физической версии мира», той версии, которая создается, исходя из «культурных ресурсов» научного сообщества. Научное знание понимается при этом как продукт культурных влияний, оно – социокультурно обусловленная конструкция. Понять подлинный процесс формирования научного знания, понять, как происходит изменение смысла в науке, как знание используется в социокультурных взаимодействиях можно тогда, когда будет в качестве исходной понятия роль «культурных ресурсов» в общей и единой динамике знания, когда знание обретает смысл интерпретационной конструкции, ограниченной в своей сути «культурными ресурсами» [2]. Критерии оценки заявок на новое научное знание всегда открыты разнообразным интерпретациям, их значение детерминировано спецификой культурно-интеллектуальных предпочтений, допущений, принятых в научном сообществе. При этом когнитивно-технические ресурсы науки подвержены постоянной смысловой трансформации, сам же физический мир, являясь предметом науки, не содержит основы для однозначных выводов науки, что определяет познавательную задачу: тщательно исследовать способы, благодаря которым научное сообщество конструирует объяснение мира, способы, посредством которых динамика

и общая трансформация социокультурного контекста влияет на смысловую модификацию научных выводов.

Для оценки научных утверждений не существует неизменных и универсальных критериев. Процесс интерпретации концептуальных идей в научном сообществе осуществляется на основе конкретных теоретических идей и специфичных аналитических репертуаров; правилам обоснований, критериям согласованности не присуща стабильность. М. Малкей, например, полагает, что эти критерии достаточно динамичны и изменчивы, чтобы дать исследователю значительную свободу в интерпретации материала, что, в свою очередь дает свободу в интерпретации данных, следовательно, даёт возможность защищать хорошо обоснованные допущения. В процессе отбора новых научных идей используются стандарты, конвенциональные критерии адекватности. Последние различны во времени, в разных научных сообществах. Процесс оценки это и процесс реинтерпретации. Научная идея оценивается на основе согласованности с постоянно модернизируемым интерпретационным подходом: «...любое значительное новое утверждение приводит и к какому-то пересмотру существующих в данное время критериев адекватности, и к предположению о несостоятельности тех или иных элементов совокупности установленного знания. Следовательно, процесс оценки таких утверждений внутри некоторой исследовательской специальности будет иметь тенденцию к относительно медленному развитию, причем зачастую изучение членами специальности смысла данного утверждения будет приводить к формированию оппозиции её принятию» [2.103].

А.Т. Уильямс, Дж. Равец, Р. Уитли, А. Сэндоу детально исследовали явление, названное ими «неформальным процессом отбора»; процесс этот – одна из динамичных сил, определяющая единый ход научной эволюции. Научные идеи могут не выдерживать многочисленные переинтерпретации, в противном случае, научное утверждение приобретает значение серьезного интеллектуального достижения в сфере науки, неподвергаемой сомнению части научного знания. «С представлением сообществу решенной задачи, на основе которой начинают осуществляться новые работы, - пишет Дж.Равец, - объекты исследования необходимо меняются - подчас лишь слегка, но иногда и радикально. Если взглянуть на исходную проблему в ретроспективе даже после краткого периода её развития, то первоначальная аргументация предстанет как относящаяся к несуществующим объектам. В таком случае возникает вопрос: можно ли перевести эту аргументацию в другую форму или ещё как-то преобразовать, чтобы теперь она могла соотноситься с новыми объектами, являющимися потомками исходных, и при этом все же оставаться адекватной основой для каких-то выводов? Если этого сделать

не удастся, первоначальные выводы отвергаются как относящиеся к несуществующим объектам или приписывающие неверные свойства объектам реальным. Однако же если такие преобразования оказываются возможными, то первоначально решенная проблема рассматривается как содержащая некий элемент, инвариантный по отношению к изменению объекта исследования» [2.С. 101].

Дж. Гилберт, исследуя проблему состязательности и карьеры в научном сообществе, увидел, что процесс стандартизации сопряжен с утратой отдельных зерен первоначального содержания, – эта утрата присуща и процессу перевода. Может случиться, что исчезнут неясные моменты и концептуальные трудности – это тоже результат «процесса стандартизации». Могут быть отброшены ограничения сходных положений, может измениться соотношение элементов первоначального знания, иначе будут расставлены акценты. Поскольку же существуют различия в тезаурусе, технических навыках, в критериях адекватности для тех, кто пользуется стандартизированной информацией, следует подвергнуть процедуре упрощения стандартизированный вариант. Процесс этот достигает апогея тогда, когда научное сообщество «передает» знания в популярные тексты, в учебники, – сам же этот факт, по мнению Дж. Гилберта, говорит, прежде всего, о непрерывности процессов в трансформации значений и непрерывной последовательности реинтерпретаций в социокультурном контексте [11].

Таким образом, центральными категориями в микросоциологических исследованиях «новой волны» стали категории «ситуация», «контекст», а основной проблемой социологии науки стала проблема реконструкции контекстуальности науки. Оформляя результат, полагает К. Кнорр-Цетина, учёный деконтекстуализирует знание, а понимание сути и содержания знания сопряжено с лабораторным процессом рождения знания, научный метод погружен в социальное действие по производству научного знания, вне лаборатории нет гносеологической проблематики [9]. Причем такие понятия как «контекстуализация–деконтекстуализация» используются как амбивалентные. Первое применяется к процессу производства знания, ситуационно обусловленного; второе – к процессу оформления результатов работы. Научная деятельность в ее интерпретация предстает как обращенная не на внешний мир, а на человека, в связи с этим предметом анализа становится исследователь как *субъект познания*. И специфика социологического исследования науки здесь не традиционная, она вбирает в себя также философскую проблематику. Можно провести параллель между концепцией К. Кнорр-Цетины и неопозитивистским изучением языка научного текста (позицией Венского кружка), предполагающим, что научность сосредоточена именно в логизированном

языке исследования, в которой нет места человекосоотнесенным факторам.

В рамках ситуационных исследований специфично понимание социальности в науке, – это те отношения, которые складываются в процессе конструирования научного знания внутри лаборатории (внутренняя социальность научного сообщества). Эта форма и разновидность социальности характеризуется разнообразнейшим диапазоном отношений, исследование которых включает в себя анализ этических норм деятельности, мотивации деятельности и её целей. Что касается способа общения, в пределах его учёный выступает как занимающий определённую позицию в научном споре, как сторонник-противник теории-парадигмы, но не как человек с конкретным служебным статусом. По сути, это отношения научных позиций, в которых каждый участник как бы персонифицирует конкретный способ логической интерпретации теории. Примером здесь может служить приём, используемый в «Диалогах» Г. Галилея и «Доказательствах и опровержениях» И. Лакатоса, когда конкретный исследователь заменён вымышленным персонажем [12,13]. На наш взгляд, методологическая значимость кейс-стадиис в том, что в рамках ситуационных исследований появляется возможность определить контекст получения той или иной картины физического мира.

Т. Пинч, английский историк и социолог науки, показал специфику кейс-стадиис, обратив внимание на конкретный характер открытия, изучение непосредственной научной практики, эпизодов дискуссии, подробное интервьюирование, наблюдение через включение в научное сообщество, этнографические исследования [6]. Хотя результаты порой фрагментарны, а понятийный аппарат такого рода исследований слабо разработан. Сам процесс наблюдения в кейс-стадиис носит опосредованный характер и аналитик получает «частичное знание». Отношение «объект–наблюдение– учёный» включает экспериментальные процедуры, процедуры интерпретации, характер статистического анализа и компьютерной обработки и т. д. Это то, что методологи назвали контекстом обоснования наблюдения. При этом для аналитика отсутствует не только целостный образ изучаемого явления, но и механизм синтеза получаемых результатов. Этому найдено конкретное объяснение. Методология кейс-стадиис обращена к локальным событиям, в которых пытаются обнаружить всеобщие закономерности науки конкретной исторической эпохи, но «на практике ... очень редко удается выделить эти характеристики... Отсюда, не без основания, возникает впечатление чрезвычайной фрагментарности исторической картины, возникающей на базе ситуационных исследований» [14. 67].

И если задача историко-научных исследований традиционно кумулятивистской ориентации заключалась в выделении из богатой эмпирии существенных для понимания эволюции науки закономерностей, то задача кейс стадис – в выявлении уникального, неповторимого в эволюции науки, что позволяет определить социокультурные основания и предпосылки научного открытия. В этом смысле мы не можем согласиться с позицией Л. А. Марковой, полагающей, что обращение анализирующего к строго конкретной ситуации делает невозможным познание закономерностей развития науки [15]. На наш взгляд, специфика и достоинство кейс стадис в том и состоит, что ситуационные исследования позволяют сформировать социокультурную парадигму развивающегося знания, выявить социокультурные основания и механизм их реализации в исторической реконструкции науки. В определенном смысле слова конкретная анализируемая ситуация может явиться средоточием всеобщности, но для анализирующего конкретную ситуацию в науке важно выявить и в полной мере осознать социокультурные основания уникального научного открытия.

Примечательно то, что, исследуя локальное открытие (на уровне кейс стадис), учёный может получить всеобщие характеристики определённого периода развития науки. Хотя справедливости ради отметим, что в исследованиях кумулятивистов также изучается богатейший эмпирический материал, являвшийся доминантой для вывода о том, каковы закономерности развития науки. При этом в огромном эмпирическом массиве данных вычленились общие характеристики, единые для истории науки. Напротив, в кейс стадис существует другая особенность: в истории научного творчества отыскивается уникальное, реконструируется неповторимое, но это неповторимое представлено в итоге объёмно и целостно, в нём – средоточие частных сторон открытия. Проблема заключается в том, что задача исследователя науки состоит в том, чтобы в истории научного познания выявить всеобщее в конкретном и частном, воспроизводя неповторимое, следовательно, и исторический анализ обретает характер всеобщности. Таким образом, если традиционная историография и социология науки воспринимала эволюцию науки как однонаправленный процесс, непрерывность которого как бы вновь оформляется после свершившейся в науке революции, социологи новой формации представляют историю науки как многособытийную, пытаясь решить проблему континуальности в истории научного творчества.

Опираясь на рассуждения авторов, представляющих методологию кейс стадис, сделаем некоторые выводы. Итак, в пределах ситуационных исследований любое открытие в истории науки реконструируется в цельности, это открытие уникально и невоспроизводимо в иных условиях.

Модель исторической реконструкции явилась антиподом линейной модели развития науки, но пока, на наш взгляд, носит идейный характер, стимулирующий более сложные виды рефлексии над научным пространством как социальным феноменом. В арсенале этой идейной стратегии – представление о том, что открытие исследуется как неповторимое событие, и результатом работы социолога выступает реконструкция этой исследовательской уникальности, в соответствии с этим меняется тип теоретизирования. По сути, в этом и заключается эвристичность данной методологии, т.к. происходит реконструкция события в возможно большей полноте.

Следовательно, в противовес объективно научным методам позитивизма в качестве ведущего метода систематизации знания выдвигается интерпретация действий ученого в ситуациях межличностного общения. Так как социальная реальность, не обладая объективными характеристиками, формирует их лишь в ходе речевой коммуникации собеседников, определяющих их в объективных категориях, которые впоследствии берутся за основу отображения реальности [16]. Например, Ф. Лиотар обращает внимание на то, что наука – это одна из форм «языковой игры», вид дискурса, не имеющая объективных свойств и однозначного толкования. Знание как таковое, у Ф. Лиотара, не может сводиться к науке как комплексу универсальных закономерностей. Познание им трактуется в виде совокупности высказываний, определяющих предметы или описывающие их [17].

Предпосылкой исследовательского интереса к социокультурным и коммуникативным аспектам познания в науке во многом явились работы М. Полани. М. Полани вводит конструкцию личностного знания, он назвал его «молчаливым», «неявным», подразумевая под этим практическое знание, индивидуальные навыки, умения. Это знание, не приобретшее концептуальной формы. Кроме того, в неявное знание включаются неявные «смыслозадающие» операции, определяющие семантику высказываний. «Неявное знание» – это скрытые неформализованные действия (или семантические функции). Методологические установки, предложенные М. Полани, впервые представляли тезис о неразделимости в научном знании таких компонент, как компонента логическая, социокультурная, психологическая. М. Полани, опровергая идеи К. Поппера, отвергал абсолютизацию объективного и субъективного в научном знании. Формируя концепцию «трех миров», он пытался вывести процесс роста научного знания за пределы индивидуального опыта в сферу объективного знания, утверждая при этом, что во всяком научном знании запечатлен личностный фактор, придающий определенную форму всему фактическому знанию. Таким образом, не существует «чисто» объективного знания.

Что касается личностного и субъективного, М. Полани разводит эти понятия: субъективное определено психическим состоянием (сон, переживание страха, неуверенности, восторга, боли), а для этого не нужно внешнее выражение, объективированность. Личностное же знание – это единство субъективного и объективного, это преодоление, как полагал М. Полани, субъективности за счет желания исследователя достичь универсальных стандартов, соответствующих критериям научности. Проявление личностного момента в познании, в частности, считал М. Полани, можно видеть в том, что экспериментальные утверждения и формулировки субъекта наделяются значением и убеждением. Мы считаем, что исследовательская заслуга М. Полани заключена в том, что, говоря о личностной компоненте познания, он, ищет в ней проявления межличностного и универсального, не абсолютизируя творческую активность субъекта, его свободу от объективного в науке. М. Полани приходит к выводу: потенциал личностного знания огромен, но личностное знание всегда регулируется категориальным строем, и именно последний воспроизводит в себе объективную логику науки [18].

М.С. Козлова, исследуя проблему поиска логико-методологических средств рефлексии субъекта, считает, что это можно сделать лишь посредством ввода в понятие «субъект познания» таких характеристик, как социокультурная обусловленность и включенность в предметно-практическую деятельность [19].

Социокультурное влияние среды на развитие субъекта научного знания проявляет себя в том, что исследователь впитывает в себя атмосферу, в которой осуществляется его становление. Социокультурные условия формируют не только сферу мотивации, но и навыки мышления (порой не осознаваемые), – эти навыки определяются не столько существующим научным знанием, сколько способом мышления, типичным для научного сообщества, и тоже социокультурно детерминированным. Что же касается источника и оснований способа мышления, он также строго детерминирован. К примеру, в историко-научной концепции С. Лилли дается следующее объяснение причин приведших к открытию закона сохранения и превращения энергии. Если заняться, писал С. Лилли, поисками источника нового способа мышления, то выяснится, что он был, по существу, включением в физику навыков мышления людей, занятых в крупном промышленном производстве, для которых количественные аспекты изменения энергии были чрезвычайно важны. Ученые, открывшие этот закон, думали не так, как ортодоксальные физики, – их новый способ мышления был отражением повседневного способа мышления индустриальных классов, влияние которых быстро росло [20.268–281]. Являясь способом интеллектуального творчества, наука интегрирована социокультурным контекстом, а

конструктивная функция социокультурного пространства также многомерна, как многомерен и сам социокультурный ареал.

В.С. Степин отмечает формирование постнеклассического образа науки и научной рациональности. Его особенностью является, так называемый, антропный принцип, предполагающий включенность человека как неотъемлемого компонента в «соразмерный» ему многосложный мировой процесс [21. 641–697]. Это согласуется с синергетическими представлениями Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, понимающих «субъекта» как синергию человека и среды. Все больше в поле зрения философии науки попадает именно такое сотворчество человека и природы, что можно рассматривать как тенденцию снижения актуальности субъектности «старого образца», характеристики которой были сформулированы в противопоставлении человека, природному миру, жесткой субъект–объектной демаркации [22].

Попытка спасти субъекта с позиции десубстанционалистской онтологии (отвергающей основу мира) предпринята Г.Б. Гутнером: «Лишь момент действия обнаруживает субъективность ... мы должны сказать, что субъект есть только в деле. Иными словами, субъект есть энергия или, пользуясь средневековой дефиницией, чистый акт. Таким образом, мы, кажется, подходим к интерпретации субъективности в постнеклассической научной парадигме. Описанный нами субъект действительно создает самого себя в своей формопологающей деятельности» [23. С. 419]. Поэтому, по мнению В.Н. Поруса, субъект — это не «готовая» форма, в которую вкладываются разные мысли и поступки. Становление субъекта, удовлетворяющего современной науке и философии, происходит в актах ответственного действия в научно-познавательной деятельности и не существует помимо этих актов [24]. Хотелось бы подчеркнуть, что, собственно, несмотря на то, что философия науки — область, которая в силу своей специфики, упорнее всех сопротивляется постмодернизму, очевидно, что пересмотр стандартной концепции науки, а, следовательно, и тех характеристик науки, которые сложились в период становления классической науки, обусловил трансформацию в философии и методологии исследовательских программ.

Междисциплинарность и коммуникативность постмодернистских подходов определяет термин «исследования науки», указывающий на то, что анализ научного познания закреплен не только за философией, но и за социологией, историей, антропологией, экономикой, этнографией и т.д. Постмодерн, отрицающий детерминацию социальных процессов (считающий их хаотичными), тем не менее, утверждает включенность исследователя общества в саму исследуемую им социальную реальность, тем самым любая теория является частью социальной реальности (изучая

реальность, мы тем самым производим в ней изменения, создаем новую реальность).

Основные методологические подходы, сложившиеся сегодня к исследованию развития процесса научного знания отличает незавершенность, недостаточность, неполнота. Кумулятивный подход, основанный на представлении о научном познании как постепенном накоплении проверенных на опыте, и, соответственно, истинных объяснительных схем, под которые и перестраивается предыдущая история. Каждый последующий шаг науки делается с учетом предыдущих достижений. В данном случае субъект выступает в качестве средства реализации научной программы, ничего не значащий ее элемент: познание рассматривается без познающего субъекта. Идеи развиваются как бы сами по себе, объективно. В связи с этим исследователь исключает из процесса изучения все свои субъективные (случайные) свойства (мировоззренческими установки, ценности, традиции, интеллектуальные предпочтения и т.д.). Таким образом, «субъектность», как таковая, провоцирует отклонения в исследовательской деятельности ученого от введенных научным сообществом стандартов рационализма. Кроме того, антиисторизм в понимании проблем науки вёл к тому, что вопросы социокультурной обусловленности эволюции науки долгое время оставались за пределами исследовательского интереса. А между тем наука оказывается совокупностью возможностей её существования, – одной же из таких возможностей является тот социокультурный ареал, в который наука погружена.

Сторонники некумулятивной модели развития науки стремятся преодолеть отмеченный выше недостаток, предлагая рассматривать развитие науки как прерывистый процесс, а иногда и полную смену систем знаний. В частности научному знанию априори присуща социальная детерминанта, выраженная в ценностных ориентациях. Формирование научных идей происходит в уникальных, не воспроизводимых условиях, и развитие науки и научного творчества интерпретируется в качестве предмета социальной и культурной обусловленности. Классическое для гносеологии отношение субъекта и объекта знания предстает сегодня как многократное и многоплановое опосредование познавательных усилий ученого не только наличными средствами познания, но и, казалось бы, внешними для познания факторами — традициями и нормами, ценностями и идеалами, носителем которых является научное сообщество. Современный тип научной рациональности требует учета в самом описании объекта характера используемых средств и операций деятельности и соотносением с ценностно-целевыми структурами (как внутринаучными, так и внешними, социально-культурными ценностями и целями).

Попытку уйти от социального конструктивизма и субъективной перспективы делает Б. Латур, принадлежащий к направлению социальных исследований науки и техники (STS). Латур применяет подход «актор-сеть» к анализу лабораторной практики, где знание предстает в качестве сетевого взаимодействия, т.е. переплетения людей и вещей, интересов и идей. Поэтому научный результат сам становится субъектом действия сети или ее элементом [25]. Поскольку в рамках данного подхода реальность понимается как сеть, т.е. как взаимосвязь между объектами, событиями и действиями, следовательно, онтологический статус и свойства любого объекта имеют нестабильный характер, как конституируемый в сетевом взаимодействии. Здесь в результате процесса взаимоконструирования происходит утрата понимания человеческого субъекта как неповторимого и уникального, он рассматривается как гибрид биологических и технологических, индивидуальных и социальных процессов, т.к. его идентичность определяется сетевой локализацией и отношением к другим участникам сети [26]. Отметим лишь, что принципы сетевой модели были разработаны ранее общей теорией систем и системной философией, и использовались в обработке информационных данных [27]. По мнению О.В. Летова, в рамках STS-исследований объективность знания приобретает своеобразную трактовку и представляется как анализ видов и форм знания, т.к. рассмотрению подвергается методы исследовательской деятельности коллективного субъекта познания [28]. Как видно, именно в сетевых моделях организации науки гораздо более явно представлен коммуникативный подход.

В связи с выше сказанным, можно сделать вывод о том, коммуникации являются одним из главных механизмов развития научного творчества, оказывающих влияние: во-первых, на производство новых знаний, во-вторых на деятельность научного сообщества, на методологов науки, которые, в свою очередь, изучают знание о науке (формируют метанаучный уровень), в-третьих, на формирование представлений о субъекте науки. Отметим, что философии науки эволюционирует в качестве отрасли исследований, следующей по пути междисциплинарного синтеза, задача которого – преодоление отмеченного еще И. Кантом несоответствия между организацией реальности (закономерности «устройства» которой нам не всегда известны), и наукой, которая формируется, используя базовые допущения, гипотезы и интерпретации представлений о реальности и ее организации [29]. В современной философии науки происходит все большее вытеснение субъектцентристских концепций моделью коллектива и коллективной коммуникации, связывающих отдельных людей, социальные группы, сообщества ученых и т. д. Понятие субъекта научного творчества, на наш

взгляд, предполагает выход за пределы любых дисциплинарных моделей ученого.

Список литературы:

1. Бард А., Зодерквист Я. НЕТократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в С.-Петербурге, 2004. – 252 с.
2. Малкей М. Наука и социология знания. - М.: Наука. – 1983. – 212 с.
3. Актуальные проблемы философии науки /Отв. Ред. Гирусов Э.В. – М., 2007. – 344 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Наука, 1975. – 264 с.
5. Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 110–118.
6. Принципы историографии естествознания: XX век. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2001. – 477 с.
7. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА, Хранитель, 2006. – 880 с.
8. Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. – Oxford, 1981. – 189 p.
9. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – № 1. – С. 101-124.
10. Кнорр-Цетина К. Наука как практическая рациональность // Ионин Л.Г. Философия и методология эмпирической социологии. – М.: ГУ-ВШЭ. – 2004. – 367 с.
11. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры (социологический анализ высказываний ученых). - М.: Прогресс, 1987. – 224 с.
12. Галилей Г. Избранные труды. — М.: Наука, 1964. – 645 с.
13. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М.: Медиум, 1995. – 152 с.
14. Маркова Л.А. Конец века – конец науки? - М.: Наука, 1992. - 134 с.
15. Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 110–118.
16. Огурцов А.П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: Издательство Русско-Христианского гуманитарного института, 2004. – 316 с.
17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб: Алетейя, 1998. – 160 с.
18. Полани М. Личностное знание. – М.: Академический проект, 1985. – 344 с.

19. Левит С.Я., Комиссарова Л.Е. Путь в философию. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 443 с.
20. Лилли С. Люди, машины и история. М.: Прогресс, 1970 г. – 480 с.
21. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
22. Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. – М.: КомКнига, 2007. – 232 с.
23. Гутнер Г.Б. Субъект как энергия // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / под ред. Л.П. Киященко. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
24. Порус В.Н. Является ли наука самоорганизующейся системой // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 95–108.
25. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. «Философия». – 2003. – №3. – С. 20–39.
26. Столярова О.Е. Постнеклассический образ науки: «Исследования технонауки» // Философия в XX веке. – М.: РАН ИНИОН, 2003. – С. 41–82.
27. Шадрин А.Е. Сетевые модели организации // Информационное общество. М., 2000. Вып. 2. – С. 86–88.
28. Летов О.В. Проблема научной объективности в постпозитивистской философии науки (концепции Майкла Полани и Норвуда Хэнсона). – Автореферат на соискание ученой степени доктора филос.н. – М., 2011.
29. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – 518 с.
30. Мамчур Е.А. Образ науки в современной культуре. – М.: КАНОН+, 2008. – 400 с.

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Шевченко Л. В.

Антропологический аспект культурных феноменов приобретает сегодня острую актуальность. Этому во многом способствует дискурс замыкающего ресурса развития. «Когда основанное на информационно и интеллектуально ёмких технологиях информационное общество становится практически значимой реальностью, в качестве замыкающего ресурса развития начинает выступать «человеческий капитал»» [7. 444]. Так, к примеру, Ф. Фукуяма в конце XX столетия видел результат этой

тенденции как расслоение внутри общества на основе уровня образования и профессиональных навыков, которое приводит к новому виду социальной напряжённости и потенциально – к напряжённости международной – к переделу власти на планете, но не по политической модели, а по уровню культуры.

В контексте такого понимания культуры становятся весьма актуальны проблемы глубокого осознания художественных феноменов, рефлексивного управления культурно-педагогическим процессом. Сегодня, как правило, культурно-художественные новации вытеснены на периферию общественного понимания, и человек, начиная с некоторого довольно раннего возраста, как субъект культуры представлен самому себе.

Данные проблемы обостряются широким распространением феноменов массовой культуры. В антропологическом аспекте – под углом зрения природы человека и способов его существования в мире – принципиальное значение приобретают отличия массовой (потребительской) культуры от культуры в традиционном понимании. Так, Д.А. Леонтьев проводит следующие дефиниции: «Истинное искусство открывает человеку новые смыслы мира, в котором он живёт, даёт ему ориентиры в жизни. Декоративно-прикладное искусство (включая дизайн), в отличие от него, воплощает в эстетизированной форме не образ мира, а конкретную функциональную вещь, которая и выступает единственным содержанием «произведения». Массовое квазиискусство занимает промежуточное положение между ними. Содержанием его является образ мира, более или менее вымышленного, что позволяет ему рядиться в одежды истинного искусства. Однако в отличие от него, квазиискусство принципиально не несёт в себе нового осмысления действительности, не является отражением индивидуального видения мира автором. Напротив, оно строится на жёстких стереотипах, на принципе узнавания, на автоматизмах <...>. Квазиискусство рассчитано на пассивное потребление, не требует от потребителя каких-либо интеллектуальных усилий. Оно соблазнительно именно потому, что оно ничего от зрителя или читателя не требует, ничего от него не хочет. В отличие от истинного искусства, это искусство не для личности – это искусство для эмоций» [17. 231]. Здесь также уместно вспомнить слова И. А. Бродского из нобелевской лекции о том, что «если искусство чему-то и учит (и художника – в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней – и наиболее буквальной – формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личность. <...> Произведения искусства,

литературы в особенности и стихотворение в частности обращаются к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. <...> Эстетическое чутье в человеке развивается весьма стремительно, ибо, даже не полностью отдавая себе отчет в том, чем он является и что ему на самом деле необходимо, человек, как правило, инстинктивно знает, что ему не нравится и что его не устраивает. В антропологическом смысле, повторяю, человек является существом эстетическим прежде, чем этическим» [5].

Соглашаясь с этими мы оказываемся перед сложной проблемой квалификации того или иного художественного произведения. Известно, как трудно определить в чётких понятиях границу между истинным искусством и его имитацией. Так, Д.А. Леонтьев предлагает следующий критерий: «в подлинном искусстве суть произведения, его сердцевина, главное в нём не совпадает с тем, что в нём изображено непосредственно прямым текстом или зрительным рядом. Это главное "спрятано", требует дополнительной работы по его извлечению. Напротив, в произведениях массовой квазикультуры всё сказано, изложено, написано, показано, разжёвано. За кадром нет ничего, что надо было бы достраивать, домысливать – всё на поверхности» [17. 234].

Таким образом, понимание искусства как основы личностного остова предполагает особый взгляд на художественно-эстетическое сознание. В поисках подходов и концепций, соответствующих такому пониманию эстетического, мы обратились к ряду работ в которых рассматриваются и сопоставляются два принципа художественно-эстетического мышления, берущих своё начало в античной и ветхозаветной традициях и отражающих разные понимания мироздания и человека [1; 2; 3; 10; 23; 30]. Зафиксируем основные особенности двух обозначенных принципов.

В античной культуре при главенстве категорий «сущего», «эйдоса» возникает строгое понимание сферы искусства как вторичной действительности – отдельной и чётко ограниченной. «Эйдосу», идео-образцу соответствуют «объектно-овнешняющие» формы, имеющие статус идеала, нормы, правила, которые господствуют над произвольным, чувственно-конкретным. В основе художественного языка – образ-понятие («риторическое слово»), оперирующее готовым репертуаром смыслов. Основной принцип искусства – мимесис – понимается в таком контексте как натуралистически-подробное воспроизведение уже осмысленного. Специфика творческого процесса определяется категориями формы и материи, где форма – это идея, упорядочивающая неорганизованную и хаотическую массу. Таким образом, автор уподобляется творцу-демиургу, мастеру, создающему мир с помощью идей-лекал. Что касается антропологического аспекта, то человек предстаёт в таком художественном мире посредством характера,

маски, роли. Характер – это чужое «я» исследованное и описанное как вещь: человек, понятый объектно. Исходный смысл слова (гр. «*χάραχτήρ*») означает вырезанную печать, вдавленный отпечаток печати – то есть чётко очерченный и зафиксированный пластичный облик, который легко распознать среди других. Маска опосредует характеристику человека в античных драматических жанрах (сами слова «*πρόσωπον*» «*persona*», передающие в древнегреческом и латинском языках понятие личности, означают театральную маску и театральную роль). Таким образом, неподвижно-чёткая, до конца выявленная маска – это смысловой предел непрерывно выявляющегося лица. «Маска – это больше лицо, чем само лицо.<...> Лицо живёт, но маска пребывает. У лица есть своя история; маска – это чистая структура, очистившаяся от истории и через это достигшая полной самоопределённости» [1. 218]. В греческой литературе образ человека однозначно и жёстко локализуется в замкнутом, пластично-оформленном «индивидууме», как объект рассмотрения со стороны. Это предполагает строгую детерминированность человеческих самопроявлений своей «природой», своим «нравом».

Что касается ветхозаветной словесности, там также можно найти немало наблюдений за особенностями человеческого поведения, за разнообразными состояниями человека. Однако душевные свойства описываются в Библии не как предметный атрибут, а динамично, событийно. «Характер» и психологические состояния отделены друг от друга: психические состояния описываются вне тесной связи с человеком в целом, его характером. Чувства находятся вне людей, хотя и пронизывают все их действия, смешиваются с чувствами автора. В Библии душевное состояние даётся как захватывающая человека стихия, как один из общих модусов человеческого мира, внутри которого ощущают себя и автор и читатель. Человек показан здесь не как «характер» и не как «маска», а как живой и экспрессивный. Ветхозаветная традиция в целом, основываясь на устремлении к Сверхсущему Богу, не имеющему сколь бы то ни было определённых характеристик, вырабатывает особое художественно-эстетическое мышление, сравнимое с неким «органом» исповедания своих глубинных ощущений и вопрошания всегда загадочного, безусловного и чудесного Вседержителя. Этому соответствуют такие «необъективируемые» средства поэтики как параллелизм, символизм, многозначность художественного языка. Ключевой здесь является категория стиля (не как она понималась античной поэтикой – «индивидуальный стиль» как уровень владения поэтическим языком, а как она начала оформляться позже в романтической и постромантической эстетике – как выражение незримого но ощутимо и событийно постигаемого (другими) «внутреннего человека»). С таким понятием стиля тесно связан основной принцип

творческой деятельности – принцип «вживания», вытекающий из максимально внимательного прислушивания к себе и к миру, что выражается в некой дорефлективной достоверности изображаемого.

Заметим здесь, что сам художественный способ видения, изображения (выражения) человека, изначально являющийся лишь функцией от понимания человека, в дальнейшем, отделяясь и оформляясь в самостоятельный художественный принцип, начинает определять наши представления о человеке (о себе, о «я»). С этой точки зрения художественное сознание – это средство открытия, явления человека «первого лица», легко превращающееся в свою противоположность – в средство закрытия и безличия. Таким образом, рассмотрение закономерностей развития таких художественно-эстетических способов и принципов – важный элемент рефлексии личностно-ориентированного искусства.

Далее, в целях понимания закономерностей, специфики художественного мышления в целом, обратимся к распространённой в отечественной филологии периодизации культурных эпох, разработанной рядом филологов (С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов и др.). На основе становления и трансформации категорий поэтики, типов художественных целостностей эти исследователи выделили три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания: 1) архаический или мифопоэтический, 2) рефлексивно-традиционалистский или нормативный, 3) индивидуально-творческий или исторический. Хронологические рубежи между этими типами сознания определены VI – V вв. до н. э. и концом XVIII в.

Первому, архаическому типу соответствует поэтика синкретизма, определяемая через основной принцип семантического тождества при различии форм, где различие лишь внешнее проявление внутреннего единства: мифотворческое сознание повторяет одно и то же в разных формах, не связывая их причинной связью. Второму, рефлексивно-традиционалистскому типу соответствуют принципы, выработанные классической античностью. Авторы данной концепции дают такие определения традиционалистской культуры: эйдетическая, мифориторическая, морально-риторическая, «культура готового слова». Третий, индивидуально-творческий тип художественного сознания характеризуется тем, что в нём обретают независимость субъективные категории поэтики, вследствие чего все прежние установления приобретают качества открытости и вероятности. Литературовед С.Н. Бройтман вводит в качестве определения этого типа художественного сознания понятие «художественной модальности». В изменившемся эстетико-художественном мире образ и идея, имеющие на стадии эйдетической эстетики стабильную связь, теперь приобретают

автономный статус и модальные отношения. Это в свою очередь видоизменяет все категории и принципы, ведущей становится категория «отношения», модуса, а художественный смысл теряет свою однозначную определённую и превращается в «поле» значений и отношений. Такие изменения, по мнению С.Н. Бройтмана, являются следствием нового понимания целостности мира. «Эта целостность теперь предстала не как чисто предметная или чисто идеальная, а как модальная. *Мир един не как вещь или идея, а как состояние этих двух автономных начал, между которыми всегда остаётся непроходимая черта, – отсюда и невыразимое, или в более поздней интерпретации, соответствие, не заполняющее "зияния"*» [28. 229].

В работе, посвящённой творчеству Д. Джойса, анализируя процессы, происходящие в современном искусстве, С.С. Хоружий пишет: «В XX веке получили распространение новые выразительные средства и художественные системы, полней и разнообразней реализующие возможности эстетической формы и придающие ей новые функции. Здесь отвергаются любые идеи, вносимые в произведение искусства извне, безотносительно к художественным заданиям, налагаемым в качестве внешнего заказа. Но взамен этого, сама художественная система произведения, его поэтика, способна нести в себе любое, вообще говоря, концептуальное содержание. Уже не языком лобовых деклараций, но собственным, имманентным искусству, эстетическим языком в ней могут быть закодированы модель мира, концепция человека, парадигмы человеческих отношений. У современной прозы её истинная философия – в её поэтике, она внедрена, встроена в неё» [31. 441]. «Аналитическая и техническая направленность этой поэтики ведёт к тому, что формальные средства обретают самоценность и суверенность, почти переставая служить обычным изобразительно-повествовательным целям и, в частности, созданию «цельных образов»» [31. 471].

Эти и подобные суждения об особенностях современных художественных реалий основываются на представлении о некоем некогда целостном и едином, а ныне подвергшемся трансформации художественно-эстетическом сознании, выраженном в постулатах классической эстетики (в вышеприведённой типологии это рефлексивно-традиционалистский тип). Однако если вслед за А.В. Ахутиным рассматривать античную и библейскую культуры как альтернативные выходы из мифологического сознания, то выделенные нами выше два типа художественно-эстетического сознания, «встретившиеся» впоследствии в процессе становления христианской доктрины, видятся как противоречивые и сложносуществующие основания европейского эстетического сознания. Причём, если античные принципы были оторефлексированы, теоретически оформлены и стали образцом эстетики в

её классическом понимании, ветхозаветные и новозаветные художественно-эстетические феномены не имели такой степени осознанности и вынужденно осмыслялись посредством категорий, берущих начало в «Поэтике» Аристотеля. В «чистом» виде такие художественные формы и принципы не являлись предметом искусства, а всецело принадлежали сфере культа (литургия, иконопись), и лишь в условиях разрушения канонов классической эстетики, её фундаментальных категорий, у них появляется возможность проявления и легитимации. Это даёт основания посмотреть на современное состояние эстетического сознания в ином залоге.

Рассмотрим ряд произведений современной отечественной литературы. Выбор таких произведений мы будем основывать на двух параметрах: содержательном и формальном. Содержательный критерий предполагает наличие в произведении определённой тематики: обращение к внутреннему опыту, представление Инобытия, сотериологические и покаянные мотивы. Формальный критерий – высокая степень художественности – основывается на мнении современных критиков, а также на статусе лауреатов и победителей признанных литературных конкурсов «Русский Букер» и «Большая книга».

Как отмечалось ранее, художественно-эстетическое мировоззрение европейского искусства, основанное на категориях античной эстетики с XVIII века начинает претерпевать кардинальные изменения, в результате которых происходит глубокие изменения языка искусства. Это сближает современный язык искусства с художественно-эстетическим мировоззрением восточно-православной традиции. Выделим два условных типа художественных произведений: созданные по классическим законам, направленные на «внешнее» описание и личностно-ориентированные, выражающие внутреннее «я», устремлённое к трансцендентному Иному. Поскольку эти типы не представляют собой какие-то статичные образования, большинство произведений будет находиться между данными «полюсами» и иметь характеристики обоих типов художественно-эстетического сознания.

Так, произведения Д. Быкова и О. Славниковой, условно можно охарактеризовать как классические, выстроенные на принципах эйдетической поэтики. В данных произведениях есть чётко прослеживающийся сюжет, жанровая определённость, и что более важно, повествование здесь выстроено на принципе «всезнающего» автора и «готового» героя, где автор находится на большой дистанции от изображённого мира. Эти произведения, согласно принципу «эйдоса», легко разделяются на два уровня: уровень идей, содержания и уровень средств их репрезентирующих – образов-понятий. Проще говоря, эти

произведения подобны иллюстрациям, воплощающим идеи и концепты, рождённые прежде в сознании автора.

Обратимся к характерным образам романов, иллюстрирующим представления о бытии. Так, в романе О. Славниковой «2017» мир иного, потустороннего представлен хорошо знакомыми русской литературе произведениям П. Бажова, мотивами и образами: поиск драгоценных камней, духи гор и сама «хозяйка» горы. Такое потустороннее обладает чертами inferнального, аномального, зловещего. Знакомые мотивы, помещённые в контекст современных реалий, приобретают новые интерпретации. Так, один из членов экспедиции «хитников», Колян, мечтает о драгоценностях, которые бы позволили ему «быть богатым просто для себя». Вот как он отвечает на вопрос о цели своего обогащения: «Чтобы себя уважать! И чтобы другие уважали, а не считали быдлом. Чтобы перед ментами погаными не трястись, когда ночью в метро тормознут. Чтобы жизни не бояться вообще!» [27. 271]. Здесь становится очевидной подмена в понимании свободы, когда потребности внутренней свободы пытаются разрешить с помощью внешних, «чудесных» предметов. Всемогущество таких предметов-идолов приобретает признак виртуальности и оборачивается смертельной опасностью, потому как для современного мира такие мифологические пути в Иное давно закрыты.

Метафору современного состояния бытия можно обнаружить в устойчивом мотиве прозрачности – качестве, «которое завораживало юного Крылова (главного героя. – Л.Ш.) с самых первых проблесков его сознания» [27. 55], и которое, проявляясь в разных предметах и ситуациях, является одной из главных идей романа. Качеством прозрачности обладает квартира-убежище Крылова, куда нет доступа ни одному человеку, и где герой пытается спастись от мира, становящегося всё более и более «ненастоящим». Но и прозрачность в итоге оборачивается призрачностью, копией того, что должно вырастать не из формального замыкания и отгораживания себя от мира, а содержательного поиска своего внутренне-личностного истока.

Главный герой романа Д. Быкова «Оправдание» – историк Рогов – ищет «какую-то силу, на которую можно было бы опереться, которая однажды всех уже защитила и теперь спасёт» [6. 135]. В поисках такой силы герой попадает в лесной посёлок, где жизнь строится на крайне извращённых представлениях и заменой искомой герою силы, которая бы придала жизни смысл, является мучение. «Нужна была острая и напряжённая жизнь, и ничто, кроме непрерывного самомучительства, такой остроты не давало» [6. 238]. Страдание здесь – это тот единственный признак, который отличает человека от прочих тварей. «Говори и делай что хочешь, лишь бы мука твоя была максимальна. В ней

– единственная гарантия значимости того, что делается с тобой» [б. 245]. Олицетворением закона в этом сообществе является местный «юродивый» Николка, основные принципы такого закона формулируются так: «Превышай, просто – превышай, вот тебе и весь закон... Они тебе – нет такого закона, а ты им – нет такого закона, чтобы не было такого закона!» [б. 242]. Такое «иное» в итоге характеризуется как «чужое», «инакое», «иноприродное», что можно интерпретировать как результат вольной, самодеятельной человеческой трактовки онтологических вопросов, подмены их феноменами совершенно другой природы, что, в конечном счёте, приводит к хаосу и абсурду.

Отметим, что идея отсутствия целостности, завершения в этих романах подкрепляется композиционно, сюжетно. Так, герой Д. Быкова в итоге своих поисков призрачного вымышленного прошлого, тонет в болоте: «То живое и тёплое, что одно только и было Роговым <...> погружалось в бездну, в царство бешеного и бездумного роста, в пространство распада <...>. И некого было звать на помощь, потому что проваливался он в себя, в собственное оправдание проверок, смертей, мясорубок, в собственное признание их великого тайного смысла» [б. 281]. А роман «2017» заканчивается тем, что герой, перешагивая «порог неизвестности», уезжает неведомо куда с вокзала, где его никто не провожает. Таким образом, в данных произведениях, выстроенных на принципах эйдетической поэтики, метафорически показаны различные пути разрушения «сущностного» представления бытия, приводящие к хаосу и призрачности.

Ещё ряд характерных образов – метафор можно найти в романе И. Полянской «Прохождение тени», опубликованном в 1999 году и получившим высокое признание критиков. Этот роман, в рамках нашей типологии, находится ближе к «лично-ориентированной поэтике». Это выражается, прежде всего, в том, что в литературоведении получило название «неклассической субъективной структуры» – в типе автора. Повествование в этом романе ведётся от первого лица и автор здесь «необъективен», он не предшествует повествованию, а порождается в его процессе. Это в свою очередь значительно меняет другие уровни произведения, в том числе и сам художественный образ: метафоры, рождённые в контексте личного слова, приобретают многозначность, становясь более похожими на символы. Сюжет произведения, пропущенный сквозь призму чувств автора, становится внешне размытым, однако приобретает некий внутренний фокус целостности.

Одна из основных идей романа оформляется в противопоставлении мира зрячих и мира незрячих людей: мира внешних, готовых образов и мира «необъективного», внутреннего, который ощущаем посредством звуков и запахов. «Я не создала, – фиксирует главная героиня романа, –

что девять десятых своего времени трачу именно на поиски собственного отражения – будь то в стекле витрин, глазах окружающих или своих собственных мыслях, ещё не понимая до конца, что среди зарослей этих множасьихся зеркал теряется из виду та главная дорога, которую единственно и следует иметь перед собой. <...> Уже давно всё в мире выстроено на видении, которое, впрочем, не ведаёт, что творит» [22. 17]. «Всё происходит в воздухе, кишасщем готовыми образами, вот почему мы так быстро стареем. Готовая истина, как земляной червь, пропускает сквозь себя человека, не успевающего очнуться от первозданного сна детства» [22. 68]. «И музыка и книги и жизнь объединились против нашего воображения, готовые образы и надуманные чувства обобрали его, и мы давно путешествуем зайцами, за чужой счёт, наперёд известными маршрутами» [22. 147]. «Человеческий глаз распахнут как щель копилки, в которую, толпясь, проскальзывают картины – чем ярче и доходчивее, тем вернее. На передний план выплывает всё, что имеет форму, что прошло режиссуру, отгесняя, отбирая у сердца догадку, что прозрачность и есть несущая конструкция бытия, как пузырьки воздуха, лепятся души, над оболочкой вещей такие играют зарницы, но человеческий глаз не спешит их увидеть» [22. 161].

Примечательно, что здесь, как и в романе О. Славниковой, присутствует образ-идея прозрачности. Однако в романе И. Полянской прозрачность наполняется другим значением: это нешаблонность, тонкость восприятия, основывающаяся на внутренних ощущениях и являющаяся залогом единственного – личностного пути человека. Очевидно, что авторское внимание сосредоточено на нащупывании Иного через своё «внутреннее», через ощущения сердца, что соответствует христианскому представлению о дороге к Инобытию через «сокровенное сердце» (1 Петр., 3, 4).

Ещё одним примером произведения, близкого к типу «лично-ориентированной поэтики» нашей условной шкалы, может служить роман А. Иличевского «Матисс» (2007). Здесь классические, эйдетические закономерности и принципы изменяются иначе, нежели чем в произведении И. Полянской. Путь «деформации» классических категорий поэтики, по которому идёт автор «Матисса», лежит в области размывания связей между планом выражения (формы) и содержания. Так, роман подвергся критике за неумение выстроить чёткий сюжет и более или менее правдоподобно изобразить характеры персонажей, за доминирование изображения над действием. В частности, А. Немзер определил все произведения Иличевского как «вычурную меланхоличную прозу, автор которой громоздит деталь на деталь, потому что ему по сути дела, нечего сказать» [18]. Приведём несколько примеров интерпретации стилистических особенностей романа. На основании открытого писателем

в одном из своих интервью творческого метода: «...если раньше метафора насыщала плоть текста, то теперь она должна им управлять в архитектурном смысле» [4], критик А. Голубкова делает следующее предположение: «...внутренний сюжет «Матисса» должен рассматриваться именно как ряд метафор, плавно перетекающих одна в другую и каждый раз заново перестраивающих общий смысл текста» [8. 220]. Далее критик говорит о том, что в романе преломились сразу две литературные эпохи: по своей форме роман наследует традициям модернизма, однако некоторые черты содержания (схематичность персонажей; использование знакомых тем и архетипов: дорога, противопоставление города и природы) напоминают поэтику литературы более ранних эпох. Такой метод характеризуется как крайне интересный и востребованный.

Ещё один метод, отмеченный А. Голубковой – метод адаптации классических сюжетов. «На наш взгляд, писатель, включая их в ткань своего романа, весьма далёк от постмодернистской игры чужими образами. Наоборот, Иличевский честно вживается в сюжеты, многократно использованные в русской и мировой литературе» [8. 221].

Приведём характерные, на наш взгляд, цитаты из самого романа. «Пустота впереди, пустота под ногами, память о будущем у общества – и тем более власти: меры ноль. Страна никому, кроме Бога, не нужна. Все попытки обратиться к Нему окунают в пустоту суеверия» [12. 106]; «Единственное, чего он боялся всерьёз, было вещью невсамделишной. Вадя боялся снов о несуществующем отце. В этих снах ничего не происходило, да и отца в них не было. Фигурировал он там не как образ, и не как действие. Существенность отца была больше его физического присутствия: он был источником» [12. 107]; «Сызмала Вадя хотел найти клад, представляя его частью потусторонней, скрытой жизни. И не богатства ради ему был он ценен. Вадя считал доступный окружающий мир оплотом неправды. Он был уверен, что правда находится где-то далеко-далеко, что она зарыта, как собака» [12. 116]. Отметим, как здесь меняется значение образа клада, мотива обогащения в сравнении с произведением О. Славниковой «2017». Если в романе Славниковой поиск богатства связан с мотивом присвоения, обладания сакральной силой, что в свою очередь служит задачи самоутверждения, то у Иличевского клад – прикровенный оплот подлинного мира и поиск его не связан с мотивом самоутверждения, а является вариацией правдоискательства, укрепления мира.

Из приведённых характеристик и примеров видно, что в данном произведении стилистика играет основную роль в построении общего содержания романа. Признаком же эйдетической поэтики в романе проявляется в типе повествования: автор находится на отдалённой

(«классической») дистанции от изображённого мира и от героев. Это, по-видимому, и явилось причиной того, что многие критики, оценивали произведение, исходя из традиционных представлений о романе.

Если всё же сопоставить пласт «формальный» и собственно «идейный», можно сделать следующие выводы. Содержание романа, выраженное в стиле повествования и представленное классическими мотивами, образами, архетипами, можно определить заимствованным из постмодернистского дискурса понятием «пустой трансценденции», «трансгрессии при отсутствии возможности трансценденции» [19. 39]. Главные герои романа – «бомжи», люди, не имеющие корней, постоянно идущие куда-то без осознания цели своих путешествий. Такое состояние, подкреплённое нарочито «затянутыми» описательными конструкциями, напоминает состояние транса. Однако и значимое отсутствие («зияние») трансценденции в романе налицо. Оно привносится бесконечной вереницей вплетённых в сюжет классических мотивов и образов всей мировой литературы, как некоторая память о важном, но недостижимом в силу разрушения всех возможных «мостов».

Таким образом в данных произведениях происходят разные процессы трансформации «эйдетической» поэтики: «расшатывается» прочность отношений между планом содержания и выражения; способ изображения, стиль начинает играть значительную роль; меняется позиция автора.

К произведениям, соотносящимся с «лично-ориентированной поэтикой» можно отнести романы М. Шишкина «Взятие Измаила» (другое название: «Всех ожидает одна ночь») (2000) и «Венерин волос» (2005). Остановимся на них более подробно, с целью отследить закономерности такой поэтики.

Примечательно, что оба романа получив престижные премии, снискали, однако, неоднозначные критические оценки, от откровенно апологетических («Пишет по-русски так, как никто в России по-русски не пишет» [25. 297]), вплоть до заявлений о нежелании и неспособности читать текст романа. «Лучшим термином для описания ощущения при чтении, – утверждает литературный обозреватель Л. Данилкин, – будет «дезориентация». <...> «Венерин волос» – роман путаница, монтажная конструкция, где всё взаимозаменяемо, всё происходит одновременно» [9]. Другой критик говорит о том, что роман предполагает несколько способов прочтения. В результате таких характеристик произведение представляется отталкивающим, автору вменяется в вину «философическое самодовольство» [21], зачарованность словами и пренебрежительное отношение к человеческим нормам.

Сюжетная линия «Венериного волоса» выстраивается из ситуации главного героя – переводчика (толмача), который живёт в Швейцарии и

работает в заведении, куда попадают различные люди, рассчитывающие получить статус беженца. Толмач переводит их показания, умея слушать и фиксировать малейшие нюансы особенностей языка, интонации и других особенностей речи. В романе «Взятие Измаила» какого-либо единого сюжетного стержня как такового нет.

Приведём заключения критиков, по поводу различных стилистических и композиционных особенностей романов. «Отрывочные фразы привычно распознаются как «поток сознания», но в то же время слишком напоминают писательскую записную книжку, в которой корчатся точные детали и блестящие наблюдения, – полные подсмотренной человеческой боли и подмеченного счастья, однако *недоволощённые*, не встроенные в канву сюжета. С литературными ошмётками, так и не нашедшими применения в романе, смешивается материал, который уже был или ещё будет востребован. Это имитация дежавю, постоянное «подсказывание» будущих ходов – один из самых излюбленных приёмов Шишкина» (Курсив мой. – Л. Ш.) [15. 292].

А вот замечания другого критика о романе «Взятие Измаила» и ещё одна характерная метафора, поясняющая авторский принцип построения текста: «Роман составлен из разрозненных отрывков принципиально разных текстов, не имеющих ни начала, ни конца и свободно перемешанных между собой. Действие (если можно так выразиться) по большей части происходит в прошлом веке, но, по крайней мере, в двух линиях делаются нарочитые временные сбои – антураж меняется и персонажи вдруг перескакивают в советскую эпоху и начинают изъясняться совершенно другим языком. Иногда эти сбои происходят в пределах одного предложения.

Какофония сменяющих друг друга хаотических фрагментов, где на равных правах существуют отрывки лекций по криминалистике или путёвых заметок заезжего иностранца, фрагменты истории отца слабоумной девочки или экзотического опыта молодого человека из хорошей семьи среди то ли чукчей то ли каких-то других северных народностей, имеет целью, прежде всего, заявить равноценность и релятивность решительно всех жизненных проявлений.<...> Впечатление от структуры «Взятие Измаила» – это хаос. Сюжета – в обыкновенном понимании – нет. Если продолжить сравнение, роман Шишкина напоминает что-то вроде рабочего момента в коридоре консерватории, куда доносятся звуки из разных классов, в каждом из которых идёт свой независимый урок. Мы слышим обрывки упражнений и вокализов, *кто-то невидимый* демонстрирует школу беглости, другой – столь же *для нас бесплотный* – репетирует арию, третий раз за разом отрабатывает оглушительный удар литавр (Курсив мой – Л.Ш.) [24. 362]. ««Взятие Измаила» это действительно текст *без границ*, поскольку, во-первых, его

можно оборвать на любом месте, но и продолжать до бесконечности, и, во-вторых, изъятие любой его части, равно как и произвольное добавление оной, не повлияет на общую структуру в силу её принципиальной расплывчатости» [24. 364].

«Он (М. Шишкин. – Л.Ш.) демонстрирует (и доказывает), что язык (и, соответственно, сознание) строжайший эталон для измерения временных сдвигов, точнее хронометра и календаря отмечающий смену эпох. Во-вторых, он выводит феномен языка на уровень глобальной системы, включающей в себя реальность на правах одного из компонентов, который существует лишь постольку, поскольку язык позволит ему реализоваться в каждый данный момент» [24. 363]. ««Взятие Измаила» – это роман языковых пластов, которые сталкиваются или сливаются друг с другом, это роман языковой стихии, задавивший собой всё – прежде всего сам смысл текста. «Мы – лишь форма существования слов, – говорит один персонаж другому. – Язык является творцом и телом всего сущего» <...> Единственный, но при этом довольно серьёзный упрёк, который можно было предъявить автору «Ночи», так это то, что роман – при удивительном совершенстве формы – довольно скуден по содержанию» [24. 361].

Романы Шишкина можно определить как произведения постлитературные, написанные в осознании того, что развитие характеров, жанров и стилей завершено. Эти романы – энциклопедия всевозможных исторических жанров, стилей: миф, сказка, поэма, пастораль, жизнеописание, детектив, считалочка, дневники, нон-фикшн и пр.: «Да только вот положительного героя нет! – метко вставляет автор чью-то рефлексивную реплику, – Где ему взяться в этом мире? <...> мы-то не в романе!» [32. 72].

За счёт такой осознанности, являющейся следствием авторского присутствия, вся формальная коллажность, разрозненность, незавершённость структуры приобретают огромную рефлексивную и содержательную нагрузку. Автор хорошо осознаёт, что он находится в пост-ситуации, когда говорить каким-либо прямым, сущностным языком уже невозможно, тогда он пытается найти развоплощённые (деэссенциализированные) формы, с помощью которых ещё можно как-то исхитриться сказать главное: «...как много слов, обозначающих невидимое! Бог. Смерть. Любовь. И что делать, если нужно назвать то, что так близко, но для чего нет слов? Вернее те, что есть, совсем ничего не объясняют, более того, больны, грязны, гадки.<...> Нужно придумать новую азбуку, чтобы называть неназываемое» [32. 416].

В своих поисках «новой азбуки», М. Шишкина привлекают разнообразные возможности русского языка: «В заснежье – обло, стозевно, лай, а здесь всех спасут, здесь все – уховёртки» [32. 417];

«Спящ, корпулентен, белоресниц. По радио передают семь смертных грехов: зависть, скупость, блуд, чревоугодие, гордость, уныние и гнев. Сын – бестолочь, увлёкся какой-то дрянью, плавит киноварь, прокаливает ртуть, пытаюсь найти эликсир бессмертия, и больше ничем в мире не интересуется. Просеменил яшень. Ребёнок, как речка, любит сосать камни» [32. 421]; «В каждом подъезде впрок заготовили по лестнице, но нет Иакова» [32. 423]. По мнению критика К. Рождественской «... всё это выглядит излишне вычурно, слишком формально; Шишкина могут вдруг так заморозить краткие прилагательные, или неизвестные пока, но обязанные существовать слова, что он отвлекается от всего, что вокруг, и окунается в язык, как подводник – камикадзе. К финалу рассказчик и автор слегка устают от этой бесконечной стилистической качки <...> Но в этих спутанных волосах и мыльной пене вдруг мелькают фразы, от которых бьёт свет» [25. 300]. Не будет преувеличением привести в этой связи характеристику В.Н. Топорова, адресованную Гёте и Гельдерлину как тем, кто стоит «у колыбели художественного слова и делает <...> одно дело – пестует и возвращает это слово в поисках пределов его возможностей» [29. 5]. «Вселенная расширяется. Толмач толмачит» [32. 21].

Ещё одним полем возможностей для «новой азбуки» является богатство интонаций. «Интонационно «Венерин волос» может напоминать то настоящий допрос, то психоаналитическую сессию, то сократический диалог, то даже катехизис, – но смысл взаимодействия двоих героев, Вопросы и Ответа, лишь один: неважно кто говорит и с кем, важны лишь истории» [25. 299]. «Автор «Венериного волоса» не просто нагромождает «повествовательные массивы», но опробует разные модусы, разные типы рассказывания» [25. 293]. В той пост-ситуации, когда у человека нет возможности создать (прожить) свою историю (все желающие получить статус беженца рассказывают различные истории бедствий, которые они лично не пережили) ценностным становится выбор той или иной истории, способа её рассказывания, мера участия в своём слове, чем и измеряется ответственность / безответственность говорящего.

Можно сказать, что Шишкин выводит некоторые закономерности, задаёт основные принципы «апофатической» поэтики. Вот что говорит сам автор по этому поводу: «Работа со стилем, со словом, попытка через слово найти что-то новое, важное, для меня с самого начала была просто жизненной необходимостью. <...> И вдруг появляется книга («Школа для дураков» С. Соколова. – Л.Ш.), которая показывает путь: нет, слово ещё живо, через живое слово можно найти что-то настоящее, важное» [20. 232]. «Ну, я пришёл в этот мир не в пустыню. Здесь до меня накопился обильный культурный слой. <...> Для меня очень важно чувствовать традицию, ощущать себя частью традиции, маленьким звеном в

бесконечной цепочке того, что было написано до меня, и того, что будет после меня. Поэтому любое включение цитат для меня – это прочное основание той пирамиды, которую я строю. <...> Я считаю, что развитие литературы, это, безусловно, поступательное движение, и, если хочешь сказать что-то новое, то это возможно только, если ты используешь и учишься всё, что было сказано до тебя. А поскольку я отношусь к этому осознанно, то это даже не приём – это принцип.<...> Но это и есть цель, это поставленная мной техническая задача – вобрать в себя всё, что было до меня, но конечная композиция, та мозаичная картина, которую я создаю из отдельных камушков – эта картина уже должна быть моя. И на мне лежит ответственность, что получится, чей образ возникнет на мозаике, чей лик, когда я положу последний камушек в эту картину» [20. 143]. «Мне нужно сказать важные вещи, которые будут актуальны и завтра, и послезавтра, и всегда. Поэтому я должен <...> создавать свой язык, который будет вне времени» [32. 145].

Теперь посмотрим, как в произведениях М. Шишкина организована субъективная сфера – способ повествования, тип авторства. И здесь характеристики критиков окрашены недоумением: ««Лирический» модус книги возмутительным образом контрастирует с «эпическим». Говоря иначе, масштаб персональной, частной истории, рассказанной так, что в ней нельзя не заподозрить историю не-вымышленную, «лично» пережитую автором, вызывающе несоизмерим с теми космическими масштабами, на которые претендует здесь литературный вымысел. На одном полюсе – скрытое повествовательное «я» (несмотря на то, что история толмача преподносится «от третьего лица»), на другом – собственно «все», грамматическая форма, заявленная в названии романа Шишкина («Всех ожидает одна ночь»)» [15. 292].

Оба романа, безусловно, продолжают ту литературную линию, которая сопряжена с поиском новых моделей «повествовательной идентичности». В этой связи практически все критики замечают стилистическое родство романов Шишкина с «Школой для дураков» С. Соколова. «Однако различий между «Школой для дураков» и шишкинской школой заблудших душ больше, чем сходства. Двойственный герой Саши Соколова *называет*, каталогизирует мир, одновременно творя его. Толмач Шишкина лишь *переводит* чужие жизни и чужие миры, прикрепляя их к условной стене, как карту. Толмач – *точка перехода*, точка, в которой собираются слова, в которой история становится словом» (Курсив мой – Л.Ш.) [25. 298].

Романы М. Шишкина, наиболее наглядно, на наш взгляд, воплощают концепцию эстетического «не-завершения» о которой шла речь ранее. Этой эстетике, в результате осознания невозможности завершения-катарсиса (спасения), остаётся функция «приготовительной школы

спасения», которая являет собой «катастрофу» и «мученичество». В рамках такой эстетики происходит, по М. М. Бахтину, раздвоение автора на вторичного («эзекутора») и первичного («протоколиста»), способного зафиксировать картину мук и пыток.

Приведём цитаты из рецензий, говорящие о сложности и порой непосильности для читателя такой «подготовительной школы». «Запас читательского сострадания расходуется сразу, безотлагательно – когда предельное нагромождение мук и мытарств начинает вызывать вполне запланированное недоверие. На остальную часть книги приходится растерянность, подавленность, неустроенность» [15. 296]. «Если Шишкин действительно пережил трагедию, которую опять-таки на равных правах с вымышленным и достаточно игровыми эпизодами вставил в свой текст, остаётся только умолкнуть. Комментировать подобные вещи невозможно. Если же трагедии не было, то как с такими вещами можно *играть*, как вообще можно *вымышлять* что-то подобное, представить невозможно» [24. 365].

Приведём слова самого автора, раскрывающие его понимание отношений автора–героя–читателя и цели их взаимодействия: «Когда смотришь на иконы, на средневековое искусство, видишь, что люди жили в мире всеобщей гармонии, хотя на иконах могут быть изображены какие угодно ужасы. Но раз есть Бог, то всё не так страшно, и всё имеет смысл, и мы все придём туда, на нашу историческую родину, где всех нас любят и ждут. Это для меня всеобщая гармония. И наоборот, когда я читаю тексты, в которых нет этой конечной – божественной – теплоты, когда я чувствую, что автор не любит своих героев, я ощущаю себя брошенным, покинутым без Бога человеком, ведь читатель находит себя в герое. Автор для героя – Бог, и раз Бог не любит героя, то и меня Он не любит, если вообще Он есть. А когда в тексте, в картине, в музыке есть это ощущение последней, конечной теплоты, то как бы страшно сейчас ни было, какие бы ужасы в этом мире сейчас не происходили – лагеря, войны, террористы – возникает то самое чувство всеобщей гармонии. Если в конечном итоге мы все идём на ту историческую родину, где каждого из нас любят и ждут, то и жить стоит» [20. 146]. «Искусство, и не важно – слова, краски или звуки, – это то, что берёт вот эту чудовищную реальность, когда живого человека прибавляют гвоздями к кресту, берёт эту кровь, боль, ужас, которые сами по себе – в реальности – отвратительны и бессмысленны, и делает из этого прекрасное. Искусство – это при помощи слов превратить, как это сделал Шаламов, страшный колымский опыт в возвышенное переживание, в соединение с Богом. Для меня искусство, прекрасное, красота – это доступная нам форма существования Бога» [20. 137]. В этих высказываниях очевидна параллель с установкой духовных подвижников «держат у м во аде и не отчаиваться».

Вот характерная цитата из романа «Венерин волос»: «*Вопрос*: Вы стреляли в детей?

Ответ: Зачем вам это?

Вопрос: Чтобы простить. Кто-то же должен всё знать и простить.

Ответ: А кто вы здесь такие, чтобы прощать?

Вопрос: Я только записываю. Вопрос-ответ. Чтобы от вас что-то осталось. От вас останется только то, что я сейчас запишу» [32. 265].

Здесь отчётливо проявляется та позиция автора, которая соответствует эстетике не-завершения. Автор не творец, вымышляющий героев и миры; не судья, следящий за соблюдением законов; не мастер, играющий и любующийся своими возможностями. Автор – свидетель и посредник, соотносимый с фигурой Спасителя, преображающий этот мир, соединяя его с миром горним (трансцендентным). Здесь очевиден основной принцип «архитектонической» конструкции (М. Бахтин), заключающийся в том, что его носитель мыслится занимающим позицию вне изображаемого события («вненаходимость») и вместе с тем – «понимающий ценностный смысл совершающегося». Только такое сплетение ненарушимой вненаходимости и «не индифферентизма», позволяют автору изобразить событие в ценностно-смысловом эстетическом целом.

Заметим в этой связи ещё одну особенность романов – специфику вымысла. Сам М. Шишкин делает акцент на важности документальных оснований: «Текст – это метафора, но метафора должна строиться на реальности. Значит, должна быть точка отсчёта, оттолкновения. А дальше начинается преобразование. <...> Если не будет «реальной» реальности, то нельзя построить и альтернативную» [20. 139]. В таком понимании вымысла также находит преломление принцип «вненаходимости», который соотносим с проблемой «преодоления субъектности», вышедшей в постмодернизме на первый план в понимании творческой деятельности. Это в свою очередь тесно переплетается с проблемами герменевтики «внутреннего опыта»: по какому принципу «отбираются» те или иные реалии, когда-либо и где-либо услышанные; что именно из всего этого моря человеческих переживаний будет помещено в текст и этим приобретёт статус общезначимого и ценного? В романе «Венерин волос» есть указание на такой «принцип отбора», – это попытка следовать за сложным, беспорядочным движением памяти, на протяжении всего романа рефреном звучат фразы: «Зачем-то помню» [32. 9]; «... зачем-то вспомнилось» [32. 146]; «А зачем я его помню?» [32. 151]; «Что-то носишь с собой ненужное всю жизнь, а что нужно – поди, вспомни!» [32. 455].

Вот как видит «преодоление субъектности» сам автор: «Я думаю, дело не в игре, не в стилистических приёмах и не во фрагментарности –

всё намного глубже. Создание человеческих образов подразумевает иллюзию, что мы все разные. Но то, что нас различает, – это, если сравнить с морем, пена, мелкая рябь, волны на поверхности океана. А то, что объединяет – километры человеческой глубины. Я должен смахнуть поверхностный слой и вынуть эту глубину. Я создаю образы разных людей из разных времён только для того, чтобы в какой-то момент показать, что их разность, чуждость – это иллюзия. В романе «Венерин волос» я попытался сделать вот что: все эти разные голоса людей в конце концов сливаются, сходятся к двум образам – к мужскому и женскому: Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда, он и она, мужчина и женщина. Всё то что нас объединяет – это любовь. Вот что для меня важно. Не фрагментарность, а наоборот, гармоничное соединение всего со всем» [20. 136].

На примере романов М. Шишкина проявляется закономерность: «изобретение», разработка «апофатической» поэтики – своеобразное преодоление табу на говорение о вечных темах, на произнесение «имён бытия» – указывает на пристальное и напряжённое внимание автора к вопросам бытия и своего места в нём, конституирует право обращаться к различным глубинным темам, мотивам, символам. Автор-толмач как никто другой понимает основное назначение слова: «на самом деле существование в реальности, реальный онтологический статус получает не совершенное, которое может быть сколь угодно окказионально, а – произнесённое» [13. 31]. Или, говоря словами В. Н. Топорова – «универсально-потенциальный характер языка»: «...язык посреднически связывает между собой как людей, общающихся друг с другом посредством языка, так и всё, что есть в мире, с человеком, если только это всё может быть выражено в языке» [29. 7]. «Край света проходит вот здесь, видите, где кончаются слова» [32. 17].

С самых первых строк «Венериного волоса» становится понятно, что речь идёт не о государственном заведении, где рассматриваются дела о предоставлении убежища в Швейцарии, а об ином мире, за-граничном, за-смертном, за-гробном. Уже эпитафия говорит об этом ясно и прямо: *«И прах будет призван, и ему будет сказано: «Верни то, что тебе не принадлежит, яви то, что ты сохранял до времени». Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем. Откровение Варуха, сына Нерии. 4, XLII»* [32. 5].

В пост-мире действуют свои законы, похожие на законы поэтики синкретизма, отражающие особенности мифологического сознания: «Мы и так проглочены небом. Мы и так все внутри той рыбы. Устроились и живём понемногу.<...> Потому что внутри рыбы всё уравновешено и гармонично – и смертей ровно столько, сколько рождений, а рождений ровно столько же, сколько смертей – ни на одну больше или меньше, и в этой бухгалтерии всё всегда сходится и всегда будет сходиться» [32. 270].

«Мир так устроен, что исчезнуть в нём невозможно – если здесь ты исчез, то где-то появился» [32. 389].

Толмач жалуется: «И ещё неприятно – никогда не знаешь, в какой стране проснёшься и кем» [32. 27]. Древняя Греция оказывается совсем рядом, Тристан любит Изольду, тунгус Дафнис – Хлою, Ксенофонт пишет о переселённых зимой 1944 года в Казахстан чеченцах, а по телевизору в новостях показывают, как Дионисий идёт по Монмарту и несёт свою отрубленную голову на вытянутых руках. Мифы и реальность сплетаются и вырастают друг в друга. События и предметы плавают во времени и пространстве. Такое время – посмертная вечность, где небо окончательно обрушилось на землю, стерев все различия, все ориентиры. «Время и всё остальное вдруг превратилось в ничто, в труху» [32. 383]. «Время – это просто орган осязания» [32. 423]. «Время зимой вещь скользкая» [32. 126].

Однако трактовки этих образов как сугубо мифологических, на наш взгляд, не точны. При наличии рефлексивной позиции автора, о чём говорилось выше, использование различных мифологем понимается не как стремление к иррациональности неoarхаики, а как попытка обозреть ту ситуацию, в которой оказался человек в современном мире. В этом усматривается типологическое сходство с принципами «ипостасного» (иконологического) мышления, выработанными в христианстве за счёт сознательного использования традиций мифологии.

На протяжении всего романа встречаются своеобразные метафоры, значение которых легко сопоставляется с направлением изменений современного художественно-эстетического сознания: «...мыслящая тень понимает, что она лишь отражение путника, которого она не может ни увидеть, ни услышать, ни осознать. Она состоит из дороги, и травы, и ступенек, и половиц, и стен, и чего угодно, на что упадёт. Она может быть одновременно животным, растением и минералом. Но главное ведь в ней – путник. И вот мы – лишь тень кого-то, кого мы не можем ни увидеть, ни услышать, ни осознать. Наше тело – только тень от другого нашего настоящего существования» [32. 374];

«Мне ведь ничего не надо было – только любить. Будто я была чашка, и её нужно было налить до краёв. Или чулок, который ждёт ноги, чтобы осуществиться. Ведь в этом и есть смысл чулка – в ноге. Он для этого только и создан – по образу и подобию» [32. 369];

«...просто мы не осознаём, что живём в невидимом и неосязаемом четвёртом измерении, <...> а видим себя только в третьем» [32. 376];

«...один человек сказал, что у каждого в душе дыра размером с Бога, так вот – всё это ерунда. У каждого – дыра размером с любовь!» [32. 132].

Привычная самотождественность и устойчивость образа здесь нарочито разрушаются. Такие образы указывают не на какой-либо

предмет, а на способ существования предмета, что позволяет назвать их «образами предиката», в противопоставление «образам сущего». Данные образы переакцентируют, переосмысливают отношения «внутреннего-внешнего», формы-содержания в мире и человеке: внешнее (тень, чашка, чулок, дыра) – это только возможность для осуществления внутреннего (путник, вода, нога, любовь, Бог). В результате становится понятно, что рухнул не столько мир, сколько формализованные представления о нём. В понятиях синергической антропологии это можно охарактеризовать как «деэссенциализация мира». При таком положении дел неминуемо возникает вопрос о том, как ориентироваться в новом мире. Сама позиция автора – толмача, те муки и ужасы, про которые рассказывают многие персонажи-собеседники – всё это косвенно, но отчётливо задаёт поле «ценностного напряжения» романа и указывает на наличие определённого ориентира, заданности.

Характеризуя принцип нелинейного повествования в постмодернистской литературе, Т.А. Касаткина выделяет одну особенность этого феномена: «Нелинейность это не отсутствие последовательности событий – это отсутствие их неотменимости. В нелинейном тексте, пространстве, существовании ничего не происходит, потому что ничего не происходит окончательно, без вариантов, без возможности вернуться в ту же точку лабиринта и пройти другой путь. <...> Как вневременность (или всевременность) постмодерна – пародия на вечность, так нелинейность – пародия на покаяние как на возможность очищения и отмены греха. Но если вечность трансцендентна времени, и покаяние возводит человека к вечности, к его неповреждённому в ней образу, то имманентная «вечность» тысячекратно проводит человека через один и тот же порог, через одно и то же событие – до тех пор, пока он не совершит этот переход удовлетворительно» [14. 131].

Подобным образом и в «Венеринном волосе» усилия толмача, способного всё записать и сохранить, направлены на то, чтобы стать таким «тысячекратным проводником», подсказывающим человеку как именно можно совершить этот переход удовлетворительно:

«Вопрос: Но если поставлена на последней странице будущего точка, значит, изменить ничего нельзя? А если хочется что-то в жизни исправить? Вернуть кого-то? Долюбить?

Ответ: Наоборот, в любую минуту может измениться даже то, что уже было. <...> Прошрое – это то, что уже известно, но изменится, если дожить до последней страницы» [32. 388]. «Потому что если и есть где-то настоящее, то ищут его не там, где потеряли, а в Риме <...>. Потому что если любовь была, то её ничто не может сделать небывшей. И умереть совершенно невозможно. Если любишь» [32. 476].

Дополним наше рассмотрение романов М. Шишкина представленной в его рассказе «Спасённый язык» идеей о двух типах коммуникации: горизонтальной и вертикальной и о невозможности первой без второй. «Выпущенный в мир человек получает язык для возможности вертикальной коммуникации. Что-то же должно превращать горящие заросли колючек – подумаете, каждое лето леса горят – в неопалимую купину» [16. 350]; «Пророк думает о сладостном ворчании языка, а серафим вкладывает в кириллицу суть, смысл, дух, глубину. Писал о старухах, вываливающихся из окна, а получилось о конце света и единственной возможност спасения: полюбить, покаяться» [16. 349]. Отсюда можно вывести «поэтологическое кредо» писателя: язык, хранящий принципы вертикальной коммуникации, должен быть спасён. Такое рассмотрение языка, как удерживающего горизонтальные и вертикальные связи соответствует разделению структуры произведения на жанровую (горизонтальную) и стилевую (вертикальную) направленности. Здесь очевидно соотношение с принципом параллелизма – ключевым принципом организации текста Ветхого Завета, отражающим видение окружающего мира как пронизанного единым отношением к Сверхсущему Богу. Таким образом, и тексты М. Шишкина являют нам обретение «вертикали» онтологической иерархии, «упущенной» ещё в античности и далее «опрокинутой» ходом всей европейской культуры.

Подведём итог. Из рассмотренных литературных произведений можно сделать выводы о некоторых особенностях лично-ориентированной поэтики. Такой поэтике не свойственно однонаправленное отношение между содержанием и выражением, способы изображения и приёмы выразительности обретают здесь самостоятельную содержательность. Целостность и завершённость произведения выражается не в композиционных структурах, которые могут быть выстроены произвольно и хаотично, а в архитектурных, представляющих собой определённую позицию автора-посредника. Характерная особенность такой авторской позиции – понимание творчества как сотериологически актуального, движимого мотивами покаяния, осмысляющего темы смерти и греха. Такое произведение превращается в «тонкий резонатор всего окружающего вместо «самовыражения»» [26. 156].

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М.: Наука, 1971. – 309 с.

2. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе, СПб.: Университетская книга, 2000. – 511с.
3. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 304 с.
4. Бавильский Дмитрий: беседа с А. Иличевским // URL: <http://www.vz.ru/culture/2007/12/5/129776.html>. (дата обращения 20.07.2009).
5. Бродский И.А. Нобелевская лекция // URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt> (дата обращения 12.04.2011)
6. Быков Д.Л. Оправдание: роман. – М.: Вагриус, 2005. – 288 с.
7. Генисаретский О. И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002. – 528 с.,
8. Голубкова А. Медленное изучение природы // Новое литературное обозрение. № 86, 2008. С. 295–297.
9. Данилкин Л. [Рец.] Шишкин М., «Венерин волос» // Афиша. № 157, 2005.
10. Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 554 с.
11. Долгин А. Прагматика культуры. - М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", 2002. – 168 с.
12. Иличевский А. Матисс: Роман. – М.: Время, 2008. – 444 с.
13. Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
14. Касаткина Т.А. Пространство и время в русской литературе конца XX в. // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 2. Художественный текст и контекст культуры / Редкол.: Ю.Б. Борев – М.: Наука, 2003. – 447 с.
15. Каспэ И. И слава ей венок плела // Новое литературное обозрение. № 5, 2005. С. 291 – 296.
16. Лауреаты ведущих литературных премий: сборник / О. Славникова, Д. Быков, А. Кабаков, М. Шишкин. – М.: Вагриус, 2007. – 352 с.
17. Леонтьев Д.А. Культурное потребление в антропологическом и психологическом контекстах // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. Под ред. И.М. Быховской. - М.: Смысл, 2010. – 640 с.
18. Немзер А. Гулять так гулять // Время новостей. 7 декабря, 2007.
19. Неретина С.С. Автор и дискурс // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. – М., 1998. – 265 с.
20. Одиннадцать бесед о современной русской прозе / Интервью Кристины Роткрих. Под ред. А. Юнгрен и К. Роткрих. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 160 с.

21. Ольшанский Д. Протоколы следствия, не имеющего причины. URL: <http://www.globalrus.ru/review/778207/>. (дата обращения 20.07.2009).
22. Полянская И. Прохождение тени. – М.: Вагриус, 1999. – 448 с.
23. Померанц Г., Миркина З. В тени вавилонской башни. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
24. Ремизова М.С. Только текст. Постсоветская проза и её отражение в литературной критике. – М.: Совпадение, 2007. – 447 с.
25. Рождественская К. Изречения выхода в день // Новое литературное обозрение. № 75, 2005. С. 297 – 230.
26. Седакова О.А. Похвала поэзии // Волга. № 6, 1991. С. 131 – 166.
27. Славникова О.А. 2017: Роман. – М.: Вагриус, 2007. – 544 с.
28. Теория литературы: учебн. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб.заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 368 с.
29. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.
30. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 798 с.
31. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Д. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Улисс: роман (часть III). – М.: ЗнаК, 1994. – 920 с.
32. Шишкин М.П. Венерин волос: роман. – М.: Вагриус, 2007. – 480 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гумерова Римма Васивовна

Место работы: кафедра философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: доцент кафедры философии и социологии

Электронный адрес: gumerova@vtomske.ru

Контактный телефон: 8 (3822) 701-513

Корниенко Анна Анатольевна

Кандидат технических наук

Место работы: кафедра международного менеджмента Института инженерного предпринимательства Томского политехнического университета (ТПУ).

Должность: доцент кафедры международного менеджмента Института инженерного предпринимательства ТПУ.

Электронный адрес: anna_korniyenko@mail.ru.

Контактный телефон: 8 (3822) 55-95-72.

Озеркин Денис Витальевич

Кандидат технических наук

Место работы: кафедра конструирования и производства радиоаппаратуры, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: доцент каф. конструирования и производства радиоаппаратуры ТУСУР.

Почтовый адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, кафедра КИПР.

Электронный адрес: ozerkhin.denis@yandex.ru

Контактный телефон: 8 (3822) 532-184

Покровская Елена Михайловна

Кандидат философских наук

Место работы: кафедра философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: доцент каф. философии и социологии ТУСУР

Почтовый адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, к. 103

Электронный адрес: pemod@yandex.ru

Контактный телефон: 8 (3822) 701-513

Раитина Маргарита Юрьевна

Кандидат философских наук

Место работы: кафедра философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: доцент каф. философии и социологии ТУСУР

Почтовый адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, кафедра КИПР.

Электронный адрес: raitina@mail.ru

Контактный телефон: 8 (3822) 701-513

Сулова Татьяна Ивановна

Доктор философских наук

Место работы: кафедра философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: профессор, зав. каф. философии и социологии ТУСУР

Почтовый адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, к. 229

Электронный адрес: tis1@tusur.main.ru.

Контактный телефон: 8 (3822) 701-590

Чубик Анна Петровна

Кандидат философских наук

Место работы: кафедра философии Томского политехнического университета (ТПУ).

Должность: доцент кафедры философии ТПУ;

Электронный адрес: allaphil@mail.ru.

Контактный телефон: 8 (3822) 563-424

Шевченко Лариса Владимировна

Кандидат философских наук

Место работы: кафедра философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Должность: доцент каф. философии и социологии ТУСУР

Почтовый адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, к. 103

Электронный адрес: a-risa@mail.ru

Контактный телефон: 8 (3822) 701-513